

Хабаровское региональное отделение Российского союза писателей

Изоolda Казанова



СЛОЖИЛОСЬ ТАК...

Сборник рассказов, миниатюр, сказок для детей



Москва 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
К 14

Казанова И.Н.

К 14 Сложилось так...: Сборник рассказов, миниатюр, сказок для детей. – М.: Издательство «Спутник +», 2020. – 197 с.

ISBN 978-5-9973-5776-4

Изольда Николаевна Казанова – член Российского союза писателей. Её талант насколько удивительный, настолько и разнообразный. Из-под пера выходят рассказы, сказки, очерки и стихи в жанре хокку. Её произведения и статьи опубликованы в российских журналах и дальневосточном альманахе «Притяжение-ДВ». Необычные сказки Изольды Казановой вошли в международный сборник «Мир добрых сказок» (изд-во Курск, 2020 год).

Во всех произведениях отражены уникальные истории, в которых возрождается и кипит жизнь, раскрывается внутренний мир героев. Язык повествования живой и простой, лёгкий и доступный, богатый метафорами и образами.

В 2020 году Изольда Николаевна получила литературную награду – медаль «Георгиевская лента 250 лет». Это уже третья награда, две другие медали: «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и «Ветеран труда».

Этот сборник рассказов и миниатюр – итог десяти лет жизни в Хабаровске с 2010 по 2020 годы. Темы взяты из окружающей жизни. С другими произведениями автора можно познакомиться на сайте Проза.ру.

Ольга Сулова, член РСП,
член редколлегии ХабРО РСП

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5776-4

© Казанова И.Н., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

С.Я. Надсон – забытый поэт	4
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ.	
Командировка в КНДР	13
Испанские заметки	23
Два дня в Камбодже	39
Таиландская история	50
Хайнань! Змеиная кровь	59
РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ	
Новости 1920 года	73
Ветки старой черемухи	79
Вишня	84
Подлинная история	91
Божий промысел	94
Антон и Сашка	99
Он был из Амурских казаков	107
От Варшавы до Хабаровска	116
Амурский сокол	125
Последняя моя любовь	131
ДЛЯ ДЕТЕЙ	
Сказка для Алеши	133
Зимняя фантазия	144
Размышления таракана	148
Жизнь Мали-малинки	152
РИФМОВАННЫЕ СТРОЧКИ	
К своему сорокапятилетию	156
Попытка хокку	157
Реп для восьмилетнего внука	161
Спортивный лагерь	163
Мой осенний блюз	166

Пишу прозу, но стихи любила с детства, и много их прочла—русских и в переводе. Эту книгу я начинаю с эссе о поэте почти забытом.



С.Я. Надсон – забытый поэт

Эссе

Небольшую книжечку в потёртом тёмно-бордовом переплёте из нашей семейной библиотеки я помню с детства. Книга 1937 года издания. На первой странице фото красивого черноволосого мужчины, 285 страничек мелкого текста, вступительная статья А. Дымшица и стихи, стихи... Ни в школьной программе, ни позже нигде стихов С. Надсона я не встречала.

Прочтя в ранней юности почти все стихи этого сборника, запомнила последние четыре строчки стихотворения «Жизнь», и поняла, что в будущем меня ждут не только радости:

«То вся она – печаль, то вся она – приманка,
То всё в ней блеск и свет, то всё позор и тьма;
Жизнь – это серафим и пьяная вакханка,
Жизнь – это океан и тесная тюрьма!»

Двадцать четыре года всего прожил Семён Яковлевич Надсон. Имя почти забыто, а в своё время – это имя с благоговением произносила вся читающая молодёжь.

Родился Надсон 14 декабря 1862 года в Петербурге в семье надворного советника еврейского происхождения Якова

Семёновича Надсона и Антонины Степановны Мамонтовой из семьи дворян Мамонтовых.

Ребёнку не было и двух лет, когда в Киеве, куда переселились его родители, умер отец. Мать вторично вышла замуж, но через некоторое время умирает и отчим. А в возрасте одиннадцати лет Надсон остаётся круглым сиротой – от чахотки умирает мать. Ребёнок воспитывается в семье брата матери И.С. Мамонтова.

С девяти лет Семён начал писать стихи. Дядя, не считаясь с его склонностью к писательству, и против его воли отдал его в Павловское военное училище (до этого Надсон окончил гимназию). Дядя считал, что военная карьера обеспечит его сироте-племяннику средства к существованию. Ещё гимназистом Надсон начал печататься. Его первые стихи появились в журнале Н. П. Вагнера «Свет», когда он был учеником пятого класса – в них отчётливо проступает некрасовское влияние – мотивы любви к родной стране и народу.

Во время учёбы в Павловском военном училище Надсон простудился на учениях, началась чахотка. За казённый счёт его отправили лечиться в Тифлис на год.

«Да, хороши они, кавказские вершины...

.....(Пишет он в 1880 году).....

Но нет в их красоте знакомого простора:

Куда ни оглянись – везде стена хребтов, -

И просится душа опять в затишье бора,

Опять в немую даль синеющих лугов...»

В 1882 году Надсон заканчивает военное училище подпоручиком и получает направление в Кронштадт. В это же время он знакомится с А.Н. Плещеевым и начинает печататься в «Отечественных Записках», а затем и в других журналах. В автобиографии Надсон пишет: - «Его (Плещеева) я считаю своим литературным крёстным отцом и бесконечно обязан его теплоте, вкусу и образованию, воспитавшим мою музу».

Это был лучший период его жизни. Появилось много друзей, привлечённых его литературной известностью,

юмором, доброжелательным характером. В это же время он близко знакомится с литераторами-демократами, посещает их кружки.

У Надсона не было гуманитарного образования, но литературный талант, природный вкус и обострённое чувство справедливости сделали его впоследствии одним из крупнейших литераторов-восьмидесятников. (Но, при этом он сознавал и недостатки своей поэтической речи: бедность, условность, штампованность языка, однообразие поэтических средств, иногда потеря ритма).

Болезнь прогрессировала, и военная служба очень тяготила Надсона. В конце 1883 года здоровье его настолько ухудшилось, что за счёт литературного фонда и помощи друзей его отправили лечиться в Европу. Несмотря на интенсивное лечение, улучшения не наступало. Надо сказать, что впоследствии, издав свой первый сборник, Надсон вернул Литературному фонду долг в размере 500 рублей. Позже Надсон завещал все доходы от издания своих сборников Литературному фонду. Всего до января 1917 года было выпущено 29 изданий сборника. (В настоящее время «надсоновский капитал» фонда составляет около 200 тысяч рублей.) Этот успех можно объяснить не только сочувствием к судьбе поэта, успех и в самих стихах Надсона, в которых отразилась его гражданская направленность. Лирика Надсона отражает духовную атмосферу тех лет. Он умел быть с читателем на равных. Доверительность, которая составляла основную черту стихов Надсона, создавала иллюзию личного общения с поэтом и поэтому читатели любили его, как близкого друга. Поэт писал: – «Я плачу с плачущим, со страждущим страдаю, и утомлённому я руку подаю!»

В 1884 году, уже безнадежно больному Надсону была разрешена отставка. Несколько месяцев он работал секретарём редакции газеты «Неделя». В 1885 году вышел сборник его стихов, который имел громадный успех, его трижды переиздавали. За этот сборник Академия наук удостоила Надсона Пушкинской премии. Болезнь усиливалась и на

средства, собранные друзьями, он вторично уехал на лечение за границу.

Вернувшись из поездки, смертельно больной, Надсон вынужден был жить на юге (хотя он очень тосковал по Петербургу). Вначале он поселился в Подольской губернии, а затем – в Крыму в Ялте. К этому времени известность Надсона заметно возросла. Поэт получил широкую популярность в кругах прогрессивно настроенной молодёжи.

Больной, но не теряющий творческих сил, Надсон в Киеве устроил благотворительный литературный вечер в пользу литературного фонда. Как исполнитель своих стихов на публичных вечерах, Надсон всегда имел большой успех. Его встретили бурной овацией, а после выступления вынесли на руках.

Борясь с тяжёлой болезнью и нищетой, в поисках постоянного заработка поэт в 1886 году – последнем году своей короткой жизни – стал писать для Киевской газеты «Заря» литературные статьи и критические фельетоны. В одном из фельетонов он резко выступил против В.П. Буренина, журналиста «черносотенной улицы». Надсон предчувствовал, что со стороны Буренина последует отборная брань. Но, Буренин превзошёл все ожидания Надсона и ответил клеветой и издевательствами, утверждая, что Надсон вовсе не болен, а симулирует болезнь, чтобы пользоваться частной благотворительностью и жить «нахлебником литературного фонда».

Измученный болезнью и лишениями, затравленный черносотенцами и антисемитами, поэт скончался 19 января 1887 года от туберкулёзного воспаления мозга. Смерть Надсона произвела сильное впечатление на общественность.

Когда из Ялты в Петербург привезли тело Надсона, когда хоронили его на Волковом кладбище (теперь это Литераторские мостки) – похороны вылились в тысячную манифестацию любви к поэту. Могила Надсона находится поблизости от могил Белинского и Добролюбова. Через несколько лет после смерти на собранные по подписке деньги

над могилой Надсона был поставлен памятник – мраморный бюст.

Публицист Г.К. Градовский в своей речи над могилой Надсона привёл аналогию между его гибелью и гибелью Пушкина, отметив, что оба поэта пали жертвой российской реакции.

С.А. Венгеров (русский литературный критик и историк литературы) отмечал «небывалый успех Надсона, равного которому нет в истории русской поэзии – в таком количестве до истечения срока литературной собственности не расходились ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Кольцов, ни Некрасов. Надсона покупали, чтобы читать, а не ставить на полку, как деталь интеллигентного интерьера».

Владислав Ходасевич – русский поэт и критик – писал: «Всегда обращённый лицом к окружающей жизни, ради неё поющий и из неё черпающий своё вдохновение, участник, а не созерцатель её, Надсон не хотел и не мог равнодушно внимать добру и злу. Он призывал: – «Дружно за работу на борьбу с пороком...», «Вперёд за мир и за людей...» Он был властителем эмоций, чувств. Он более говорил сердцу, нежели мозгу и глубже волновал темпераменты, чем умы. Вот отсюда и громадный успех его выступлений. Как много слёз было пролито над его стихами, с каким увлечением они читались и с каким благоговением произносилось его имя!»

Ещё при жизни Надсона за ним прочно утвердилась репутация романтика. Творчество его лирично, а пейзажные стихи с подлинной поэтичностью создают образы живой природы:

Заревом заката даль небес объята,
Речка голубая блещет, как в огне;
Нежными цветами убраны богато
Тучки утопают в ясной тишине.
Кое-где мерцая бледными лучами
Звёздочки-шалуни в небесах горят...

* * *

Кругом легли ночные тени,
Глубокой мглой окутан сад:
Кусты душистые сирени
В весенней неге мирно спят.
Склонясь зелёными ветвями,
Осока дремлет над прудом,
И небо яркими звездами
Горит в сияньи голубом...

Это его ранние стихи. И в любовную лирику Надсон вносил раздумья и нравственные тревоги:

Не торопись же мне любовь свою отдать,
Не наряжай меня в цветы своих мечтаний...
Подумай, в силах ли ты без конца прощать,
Не испугаешься ль грядущих испытаний
(из «Песен любви»)

Более ста стихотворений Надсона положены на музыку. Среди композиторов – Кюи, Рубинштейн, Рахманинов, Направник и др. Его стихи переводились на французский и немецкий языки.

Повседневная жизнь современной ему литературы отражена в следующем стихотворении:

«Сколько лживых фраз, надутно-либеральных,
Сколько лживых партий, мелких вожаков,
Личных обличений, колкостей журнальных,
Маленьких торжеств и маленьких божков!..
Сколько самолюбий глубоко задето,
Сколько уст клеветает, жалит и шипит, -
И вокруг, как прежде, сумрак без просвета,
И как прежде, жизнь и душит, и томит!..
А вопрос так прост: отдайся всей душою,
На служенье братьям, позабудь себя

И иди вперёд, светя перед толпою,
Поднимая павших, веря и любя!..
Не гонись за шумом быстрого успеха,
Не меняй на лавр сурового креста,
И пускай тебя язвят отравой смеха,
И клеймят враждой нечистые уста!..
Видно не настала, сторона родная,
Для тебя пора, когда бойцы твои,
Мелким личным распрям сил не отдавая,
Встанут все во имя правды и любви!
Видно спят сердца в них, если вместо боя
С горем и врагами родины больной,
Подняли они, враждуя меж собою,
Этот бесконечный, этот жалкий бой!..»

Как знакомо! Как современно! Смеею предполагать, что произведения М. Горького, такие как «Буревестник» и «Данко», навеяны стихами Надсона: - «Чу, кричит буревестник!.. Крепи паруса!..»

А вот посвящение России:

«Художники её любили воплощать
В могучем образе славянки светлоокой,
Склонённою на меч, привыкший побеждать.
И с думой на челе, спокойной и высокой.
Осенена крестом, лежащим на груди,
С орлом у сильных ног; и радостно сияя,
Она глядит вперёд, как будто впереди
Обетованный рай сквозь сумрак прозревая.
Мне грезится она иной: томясь в цепях
Порабощённая, несчастная Россия, -
Она не на груди несёт, а на плечах
Свой крест, свой тяжкий крест, как нёс его Мессия.
В лохмотьях нищеты, истерзана кнутом,
Покрыта язвами, окружена штыками,

В тоске она на грудь поникнула челом,
А из груди, дымясь, струится кровь ручьями...

О, лесь холотская! Ты миру солгала!»

Надсон жил и писал перед поэтами «Серебряного века», и, конечно, его поэзия оказала влияние на их творчество.

У следующих поколений Надсон не получил такого признания. Он так и остался гением в 80-х годах XIX века.

Заканчиваю эссе я знаменитым надсоновским четверостишием:

«Не говорите мне: он умер – он живёт,
Пусть жертвенник разбит, - огонь ещё пылает.
Пусть роза сорвана – она ещё цветёт,
Пусть арфа сломана, - аккорд ещё рыдает!..»

(1886 год. Из посмертных публикаций.)

P.S. Это эссе я решила написать когда, разбирая библиотеку, нашла книжечку стихов моей юности. Мне захотелось кого-то познакомить, а кому-то напомнить имя известнейшего в своё время, а теперь почти забытого поэта.



Осень 2018 года.

По гороскопу я «стрелец», узнала не очень давно, что для «стрельца» самое главное в жизни – «охота к перемене мест». Хотела в детстве стать путешественником, не получалось. В моей молодости не было такой профессии и туристических агентств. И вот, вырастив детей и отработав сорок лет, смогла ещё по мере оставшихся сил и времени до перехода в другой мир – поехать по этому.... Про поездку в Израиль и Китай я писала в своей первой книжке десять лет назад. А здесь опишу другие места, где успела побывать.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ





КНДР памятник «Идеи Чучхе»

Командировка в Северную Корею

Получилось так, что в 1989 году я была в Северной Корее. Эта страна задолжала СССР за помощь в прошлом. Я то думала, что Советский Союз оказывает помощь всем (кому её оказывает) безвозмездно. Но, видимо, пришло уже время платить по долгам. Денег у КНДР не было, и они расплачивались трудом, т.е. шили для нашей страны швейные изделия. Какой-то минимум мы им оплачивали, но себестоимость изготавливаемых изделий была гораздо ниже, чем на нашей фабрике и это приносило и нам какую-то небольшую прибыль, помогало в выполнении плана и оплате налогов. В 1989 году уже начались экономические трудности в СССР, и Министерство лёгкой промышленности обязало нашу Благовещенскую швейную фабрику поработать в тандеме с КНДР. Тогда это не афишировалось, но через 31 год, думаю, что можно об этом говорить. Я занималась организацией этого процесса. Они приехали к нам на переговоры, мы определились с моделями, конечно отобрали самые простые, изготовили лекала (картонные выкройки деталей), промерили и проверили по качеству, отсылаемые им ткани, обговорили

все тонкости с их технологом. Переводчиком была кореянка, она училась в своё время в Союзе, говорила по-русски хорошо.

Пришло время нам ехать туда с проверкой. В состав нашей группы вошли трое: я, как технолог и ответственная за всю организационную работу, Любовь Петровна Мёдова – как экономист и зам. директора нашей фабрики – молодой мужчина, недавно поступивший к нам на работу. Перед командировкой я в энциклопедии почитала про страну, её традиции, идеи Чучхэ, экономику. Целью новых идей является превращение КНДР в сильное и процветающее государство. Чу – хозяин, человек, Чхэ – природа, сущность, тело. Чучхэ – «хозяин собственного тела и всего мира». Человек должен осознавать свои слабости и бороться с ними, а лучшая форма борьбы – труд. Это то, что я поняла, прочитав статью об идеологии.

Летели самолётом Благовещенск–Хабаровск, затем Хабаровск–Пхеньян самолётом компании КНДР. Самолёт был не большой, комфортабельный, но и пассажиров было не много: нас четверо (трое из Благовещенска и присоединившаяся к нам в Хабаровске представитель Дальшвейпрома–руководящая организация по Дальнему Востоку) и ещё человек пять. Летели мы немногим больше часа, и нам постоянно предлагали горячительные напитки, почти все (и я) отказывались.

От Пхеньяна ехали автобусом до Пхёнсона, это в 1989 году научный центр и один из центров лёгкой промышленности КНДР. Вдоль хорошей дороги справа и слева увидели многоэтажные дома, но только стены. Ни рам в окнах, ни дверей, ни крыш. Переводчик нам объяснил, что это недостроенные дома для народа, они в процессе отделки, но мне показалось, что эти остовы стоят тут не один год. Проезжая по городу, тоже замечали странности: в окнах многоэтажных домов совсем не было занавесей, и сквозь окна

были видны почти пустые помещения, хотя понятно, что люди там жили. Нас поместили в гостиницу и сразу предложили обед. Нормальная корейская кухня – супы, рис, удивила какая-то чёрная тонкая лапша, овощи, ну, очень острые. Но, нам объяснили, что корейская кухня одна из самых полезных.

Все кушанья запивались вином, а затем сопровождающий нас корейский товарищ (в последствии поняли, что он не имеет отношения к лёгкой промышленности, но сопровождал нас везде и постоянно) предложил нам спеть, и запел, и мы запели:

Артиллеристы! Сталин дал приказ.

Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!

Из многих тысяч батарей

За слёзы наших матерей,

За нашу Родину – огонь, огонь!

И всё с начала, больше слов он не знал, но это пел с большим воодушевлением, нам нравилось. Пели мы это почти на каждом обеде. До обеда мы занимались делом, а затем – культурная программа.

В первую очередь мы поехали на швейную фабрику. Необходимо было проверить технологию и качество, выпускаемых для нас изделий. Хотя швейные машины были старых, марок качество нас удовлетворило, чувствовалось, что швеи очень старались тщательно выполнять, порученную им работу. (На швейных фабриках каждая работница выполняет закреплённую за ней операцию, выполняя её каждый день из месяца в месяц, она достигает в этом отличного качества и скорости). Удивило нас, что на пришивке пуговиц сидело человек семь работниц и они вручную пришивали пуговицы. Мы поинтересовались – неужели у них нет пуговичной машины? (Пуговичный полуавтомат пришивает более тысячи пуговиц за смену.) И технолог через переводчицу, как-то стесняясь, сказала, что машина есть, но надо дать работу как можно большему числу работниц, к тому же работа на машине

четвёртого разряда, а эти женщины никакими навыками не обладают и работают по первому разряду. «Ну, и получают совсем мизер» – подумала я. На одном из потоков работницы шили мужские трусы, и мы не поняли, что за резинку они вшивали по верхнему краю. Оказывается, это была четырёхгранная техническая чёрная узкая резинка. «Это мы для себя, для себя» – успокаивала нас переводчица.

Культурная программа оказалась разнообразной. Были мы на каком-то концерте, где очень юные и милые кореянки в национальных костюмах пели нежнейшими голосами песню с красивой мелодией. Мы подумали, что о любви, и нам перевели: –«мягкий, белый и пушистый снег тихо падал на красные стены нашего заводского цеха» (!)

Мы посетили музей Ким Ир Сена. Перед музеем очень крупная скульптура Вождя. В центре каждого большого города есть такой музей в несколько этажей и скульптура, он занимает площадь квартал на квартал. Стены музея увешаны громадными фотографиями Ким Ир Сена и его сподвижников. Вот Вождь на совещании по сельскому хозяйству, вот он у макета какой-то местности и указывает на точку в макете. Окружающие его люди на фото, записывают указания в блокноты. Нам объяснили, что это Ким Ир Сен показывает, где надо строить гидроэлектростанцию. Но я углядела, что у стоящего за ним человека, очень недовольное лицо, и сделала вывод, что это, наверное, специалист в гидростроительстве; возможно, вождь выбрал неудачное место. Все фото огромных, размеров, примерно три на четыре метра. А на этой фотографии улыбающийся Ким Ир Сен снят на изящном мостике в окружении двух красивых кореянок. Предположив, что это члены его семьи или дочери, я спросила у переводчицы. Пока она собиралась с ответом член нашей делегации прошептал мне на ухо, что это гейши. А переводчица сказала, что это артистки балета, которым «наш дорогой руководитель

объясняет, как правильно поставить балет и, что донести до зрителя». «Ну, я же сказал, что это гейши»— опять шепнул мне наш зам. директора. И тут, в этом святом месте меня разобрал смех. А бедная переводчица не знала, чем её ответ мог так нас рассмешить.

Правда, в музее есть один экспонат, имеющий отношение к великому руководителю. В небольшой витрине под стеклом лежал довольно истрёпанный, выцветший чёрный зонтик. Оказывается, этот зон держали над Ким Ир Сенем, когда он в дождь приезжал в Пхёнсон. В одном из залов в витринах были выставлены наборы детских вещей, оказывается, что все дети в стране получают бесплатную одежду и обувь для школы и зимнюю в том числе. Одежда различается по возрастным группам: есть для начальной школы, для среднего возраста и для старших школьников. Кроме того, им выдают учебники, ранцы, ручки, пеналы и всё необходимое для школы. Обучение, конечно, бесплатное.

Однажды утром нас разбудил какой-то скрежет и детские голоса. Перед нашими гостиничными окнами проходила дорога, а за ней параллельно дороге — канал. Сейчас из канала выпустили всю воду, и в этом канале дети примерно 7-12 лет чистили стены и дно от тины и водорослей. Было очень рано, часов шесть. Они усердно скребли камни и, конечно, переговаривались и смеялись. Мы удивились, не тому, что дети работали (это всегда полезно), а тому что так рано им пришлось подниматься. Оказывается — перед школой дети всегда занимаются общественно-полезным трудом.

На четвёртый день нас повезли в горы показать какие-то водопады и их роскошную гостиницу Хянсан. Ехали мы часа два. Примерно, на пол пути вдруг увидели молодую женщину с привязанным к спине ребёнком. Она работала —вычищала траву из расщелин камней, которыми был облицован склон горы вдоль дороги, по которой мы ехали; ребёночек спал за

спиной в мешке, свесив головку. А мы ведь уже долго не видели никаких поселений. Откуда она здесь? Видели мы по дороге и как высаживают рис – по щиколотку в воде люди высаживали рассаду риса, укореняя её в жидкую грязь. Говорят, что это общепринятая технология, но мы это видели впервые.

Гостиница Хянсан поразила нас своей архитектурой и размерами, отстроили и сдали её три года назад. Здание треугольное, нижние этажи растянуты горизонтально и равномерно уменьшаются к вершине.



КНР, гостиница «ХЯНСАН»

Гид нам рассказала, что в гостинице десять ресторанов с разнообразной кухней, кинозал, помещение для игр, магазин. Высоченный холл с фонтаном и зеркальными колоннами украшен картинами, изображающими пейзажи горы, у которой построена гостиница. В холле разложена литература на корейском и русском языках. Пока нам оформляли номера, почитали. В какой-то брошюре описывается палач, который обвиняется в злодеяниях, уничтожениях многих граждан

КНДР. В настоящее время разыскивается, и людей, которые его увидят, просят сообщить в соответствующие органы. Приводятся особые приметы для опознания: злобный взгляд, звериный оскал, руки по локоть в крови (!). Грешны – посмеялись.

Наружным лифтом поднимаемся во вращающийся круглый ресторан и через его панорамные окна любимся рекой и сказочным горным пейзажем. Номер у нас чистенький удобный, удивила ванная комната:ходишь и попадаешь внутрь пластиковой коробки, всё внутри – единое целое: ванна, унитаз, раковина и полочка над раковиной как бы отлиты в один приём. Нет даже углов в стыковке стен и пола, они закруглены. Естественно, что коммуникации подведены и вентиляция нормальная. Но, такого пластикового помещения я больше нигде не видела.

Вечером мы с Любовью Петровной вышли на лоджию, посмотреть вокруг. И это «вокруг» нас испугало. Где-то внизу горел фонарь. А во всём здании гостиницы не было ни одного светящегося окна, тёмное громадное здание, видимо, было совсем пустым, горы вокруг гостиницы покрытые лесом тоже были тёмными и казались мрачными. Наши руководители жили в номерах, окна, которых выходили на другую сторону здания.

Хозяева очень старались нас развлечь и организовали поездку по озеру на катере, конечно очень красивые берега, вдали горы... В уютном месте пристали к берегу, из прибрежных камней наши сопровождающие быстро выложили круг диаметром около метра, собрали из озера и заполнили круг двустворчатыми моллюсками, затем полили их бензином (или спиртом?), подожгли. Когда пламя угасало, они вновь поджигали его пока створки всех раковин не раскрылись. Нас пригласили это съесть. Моллюск вынутый из

раковины был жёстким, упругим и никак не жевался, я очень старалась, правда, но, не смогла проглотить. Следующим я выбрала совсем маленькую ракушечку, когда я раскрыла створки до конца, то увидела комочек, обтянутый белой кожей, сквозь которую просвечивали голубые кровяные сосуды (как его жевать, почти живого!). Думаю – маленький, уж как-нибудь проглочу, чтобы не обидеть хозяев, но нет, пришлось снова выплюнуть. Больше я не хотела портить пищу, которую хозяева ели с удовольствием. Другие члены нашей делегации всё-таки съели по несколько штук, но позже жаловались на боли в желудке. Вот уж не наша пища.

В этой гостинице мы завтракали и ужинали в отдельной комнате на первом этаже, дойти до неё надо было через какие-то строящиеся помещения. Переводчица нам объяснила, что тут идёт ремонт (но ведь гостиница была сдана всего три года назад!). Мы подозревали, что она была просто не достроена, никаких других жителей мы не видели. Завтракали мы одни и блюда нам подавали две девушки, приносили всем какое-то одно кушанье, когда мы его съедали, приносили другое, мы его съедали – приносили третье. Порции были небольшие, но, если бы всё было выставлено сразу, можно было бы выбрать, что больше нравится и не поедать всё подряд. Потом нам переводчица объяснила, что последовательная подача блюд – это традиция, которая основана на древних правилах...

Из этой гостиницы нас возили смотреть на чудесные водопады в окрестных горах. Из какого-то горного озера Северной Кореи берёт своё начало река Сунгари, которая впадает в родной Амур выше Хабаровска. Видели мы очень красивые многоярусные пагоды, возили нас в Музей дружбы народов. Помню, что в первом зале музея была очень крупная скульптура Ким Ир Сена, дальше в залах – подарки от делегаций различных стран, фотографии.

Мы фотографировались в местах, разрешённых сопровождающими: около музея, на озере, где ели улиток.

За день до окончания командировки, мы попросили переводчицу сводить нас в магазин. Надо же было истратить те небольшие, по нашим понятиям, деньги, что нам обменяли. По городу мы не ходили, ни одни, ни с кем бы то ни было. Магазинчик нашёлся в нашей же городской гостинице.

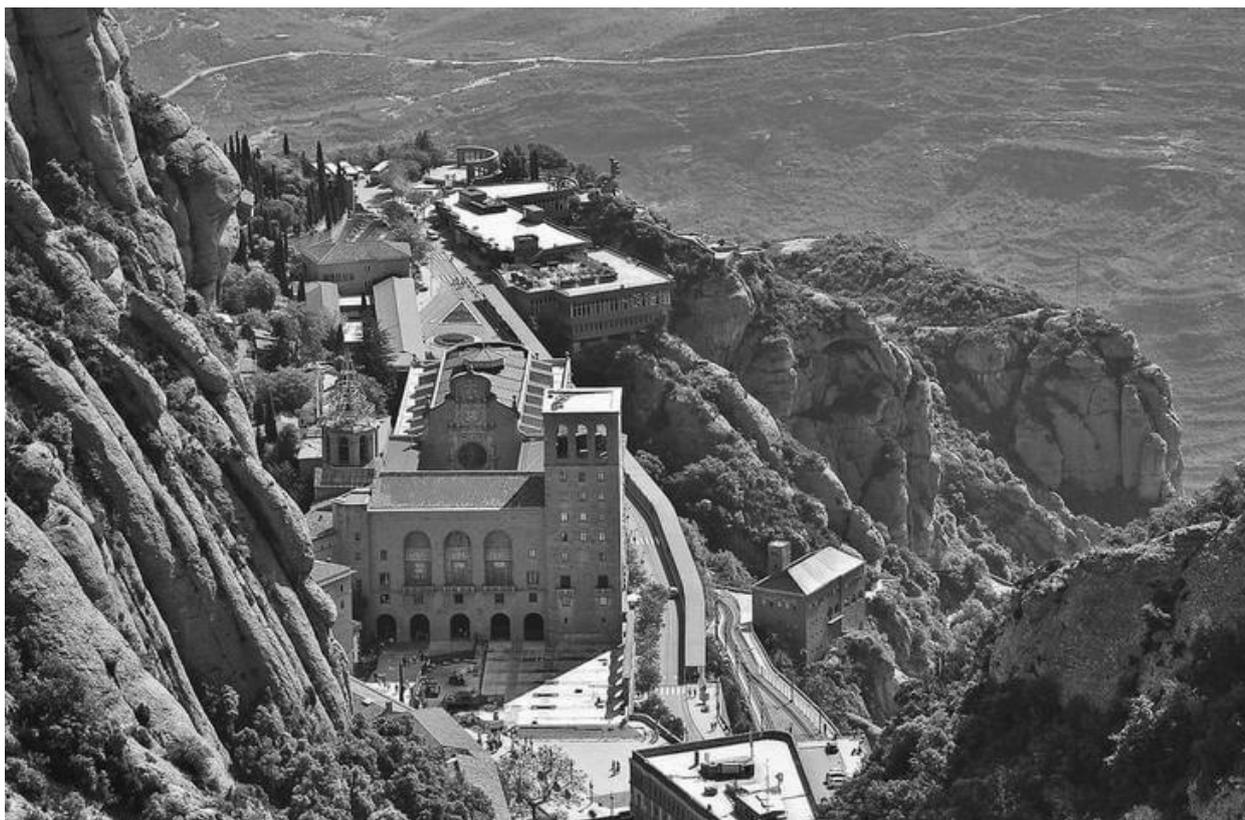
Мы удивились ассортименту: тут продавали калькуляторы и ручные часы на батарейках, ручки, зажигалки и какие-то продукты. Маленьких калькуляторов на батарейках у нас в продаже не было, как и часов, мы долго выбирали и купили по паре часов и по два калькулятора, зажигалки и ещё какую-то мелочь. Удивились, что на это всё нам хватило денег. Когда мы отошли от прилавка, то удивились ещё больше: за нами стояла длинная очередь, когда люди подошли и почему стояли так долго и молча? Мы стали извиняться, но, они и тут стояли молча и как-то покорно... Нам сказали, что «ничего страшного», они подождут, они пришли за продуктами. В другом ларьке мы с Любовью Петровной купили себе ещё и по серебряной ажурной броши, по нашим понятиям – совсем не дорого. Мы удивлялись (про себя), что при такой общей нищете у них такие технические достижения, которых не было у нас. Наши калькуляторы, которые мы возили с собой, были гораздо крупнее и работали от сети.

Улетали мы опять на корейском самолётике, но теперь он был заполнен пассажирами. Какая-то туристическая группа, одни женщины, летела через Хабаровск домой в Москву. В то время туристы редко посещали КНДР. Я зашла в самолёт почти последней, места были заняты и мне пришлось сесть около черноволосого мужчины в военной форме, ещё в аэропорту я смотрела на его форму и гадала, чья же это форма, какой страны. Он летел один. Интуитивно я спросила: –«Пан

поляк?». Он подтвердил, и мы начали беседовать. Он на русско-польско-украинском сказал, что год служил в войсках наблюдателей на демаркационной линии между Северной и Южной Кореей. А я сказала, что моя бабушка родилась в Варшаве и, что некоторые польские слова я понимаю. Потом он спросил каких писателей польских я читала, и, слава Богу, я вспомнила, что читала Элизу Ожешко, Генрика Сенкевича и Ванду Василевскую; про Ванду он сообщил, что она работала на Советскую разведку(?). Ну, кто бы знал...Затем мы заговорили про КНДР. И он мне доверительным голосом сказал, что там «такой большой культ личности!». Я подтвердила; об этом мы не говорили пока работали своей группой в Сев. Корее. Нас ещё до отлёта предупредили, что во всех местах, где нас будут селить уже будут установлены прослушивающие устройства, и ничего лишнего говорить не надо. Да, мы понимали, что страна очень бедная, народ в нищете, но ничего этого и не обсуждали. А, стоящие у власти хотят показать всему миру независимую страну, и убедить свой народ, что все тяготы временные.

Маленькая страна живёт по своим законам и строит социализм, но не «советского образца», а корейский национальный, в котором всё подчинено интересам общества. А уж как это у них получается, это – другой вопрос.

Испанские заметки



(Испания, монастырь «Монтсеррат»)

Сентябрь 2013 года. Первый день в Испании — организационный. Из аэропорта в Барселоне доехали автобусом до уютного городка Солоу. Жара +32, но пекла не ощущается. Солоу небольшой, но популярный туристический городок. Раньше это была маленькая рыбацкая деревня, расположенная на побережье с красивым названием Коста-Дорадо. Постепенно деревня расстраивалась и в XVI веке это уже городок; для его защиты от морских пиратов была построена крепость и маяк. В маяке для освещения использовались масляные светильники, заправляемые оливковым маслом. Ну, не было там другого масла... Сейчас маяк работает на электричестве. А в крепости устроили музей современной эмали, вход свободный.

Наш отель называется «Дорадо-Палас». Палас — значит дворец! И он очень неплох! Внутри просторный высокий на четыре этажа холл. Номер стандартный — прихожая, душевая,

в спальне две кровати, диванчик, стол. На лоджии, с которой открывается прекрасный вид на морской залив, – два пластиковых кресла и столик. За этим столиком днём мы с дочкой и перекусывали хамоном, запивая его сангрией. Дочь моя Татьяна сделала мне такой роскошный подарок – экскурс в Испанию Обе мы ещё вполне бодрые и добегаем до моря за пять минут.

Но, в первый день приезда, к восьми вечера мы уже засыпали на ходу. У нас в Хабаровске было три часа ночи. И проснулись одновременно от странного хриплого крика какой-то птицы, ещё темно, чего это птицам орать...Звук отдалённо напоминал крик петуха. «Вроде, петух – говорю дочери – но, кричит не как наш». «Но, он же испанский» – отвечает она. Интересно, кругом высоченные отели, откуда петух? До рассвета он ещё два раза прокричал, всё как заложено природой. Утром оглядели с лоджии окрестности, и внизу сквозь густую листву рассмотрели какое-то одноэтажное строение, где-то проглядывала сетка- рабица; возможно там птичник.

Испания считается одной из красивейших стран Европы. И мы утром после завтрака пошли записываться на экскурсии. Конечно, обзорная по Солоу и окрестностям; обязательно, на намеченную ещё дома, – «Музей Дали», замок ГалЫ, испанские традиции. Уговорили нас купить билеты на экскурсию в монастырь Монтсеррат. И тут дочь моя сделала мне сюрприз, – купила нам билеты на экскурсии в Рим на один день и в Париж на один день. Решила, что может мы в такую даль и не прилетим больше, а тут такая возможность хоть глазом глянуть на европейские ценности и красоты! Рано утром, почти ночью улетали и почти ночью возвращались. Про Рим и Париж писать не буду, может быть когда-нибудь позже, но много ли за один день увидишь.

Рим больше впечатлил, древностями. Дочь моя даже попила воды из самого первого водопровода, «сработанного ещё рабами...» Да, это тот о котором писал ещё Маяковский и он ещё действует, и все пьют.

Париж увидела, но умирать не захотелось. На Эйфелевой башне, конечно сфотографировались и вместе и по отдельности; вид с башни на Париж впечатляет. Париж – вокруг до горизонта!

Итак, про Испанию. Обзорная экскурсия. Из маленьких туристических вагончиков прекрасно видны пейзажи с пальмами, с зонтичными средиземноморскими соснами, красивые виды морских заливов, древние развалины; увидели мы старинные крепостные стены, и раскопки римского амфитеатра.

В Солоу длинный городской пляж– основное место развлечения туристов. Сентябрьское море тёплое, дно пологое, народу много...Вдоль городского пляжа широкий бульвар имени короля Хайме I (отбившего в XIII веке очередных захватчиков), там же установлена скульптурная композиция – король стоит в лодке, у лодки нос золочёный и вокруг уложены плиты древней каменной мозаики. Бульвар обсажен громадными пальмами, между ними клумбы и скамьи для отдыха. За парковку в неположенном месте штраф 3000 евро, за отсутствие ремня штраф 300 евро. На бульваре серия фонтанов с цветомузыкой, но и у нас в Хабаровске такие фонтаны тоже радуют горожан.

Перед бульваром масса различных бутиков и ларьков. Продают, в основном, тот же знакомый нам по своим барахолкам китайский ширпотреб. Пока идёшь на пляж, на каждом углу натыкаешься на кафе с кухнями различных стран, меню расписаны у входа. Но, нам этого не надо – завтрак и ужин в отеле. Шведский стол.

Очень впечатлял ужин. У входа встречал высокий красивый мулат лет пятидесяти во фраке и галстуком-бабочка. Он широко улыбался и доброжелательным жестом приглашал в зал; играла приятная музыка, и было неудобно, что на нас надеты не вечерние платья. И было неудобно за наших соотечественников, которые, вылезши из бассейна, стремились попасть на ужин в шортах, майках и мокрых пластмассовых шлёпанцах с полотенцами на плечах. Их не пускали.

Мы выучили три испанских слова: «доброе утро», «спасибо» и «до свидания». Это мы проговаривали девушке, которая стояла за стойкой у входа в зал трапезы, а она улыбалась и поправляла нас, видимо, где-то мы ошибались в произношении. Такого роскошного шведского стола я не встречала ни на Хайнане, ни в Таиланде. Ужин обильный, не попробовали и 1/10 всех яств. Сколько сладостей! Пирожные, торта (разрезанные на кусочки), мороженое различных видов и порций, но пить ничего нет, ни чая, ни кофе. Купили бутылочку сока в баре: 200 гр за 2,5 евро, по тому курсу за 110 руб.

Накупавшись и нагулявшись по бульварам, едем на экскурсию в монастырь Монтсеррат. Магически святая (по определению гида) гора, на которой стоит монастырь также называется Монтсеррат. Едем в автобусе по равнине и, вдруг, видим горную цепь, неожиданно возникшую вдали. Гид рассказывает нам легенды и мифы об этой местности. Горный массив длиной десять км и шириной пять своей причудливой формой издали похож на зубья пилы или крыло птицы. Здешние скалы сформировались в большинстве из известняка с фрагментами других пород. Ветер, дождь, мороз и жара за тысячи лет частично выветрили, вымыли мягкие породы и получились очень причудливые формы, похожие то на палец, то на колокол, то на языки пламени т.п.

Название Монтсеррат и переводится, как «распиленная гора». Эта гряда находится в центре Каталонии, в тридцати км от Барселоны. По хорошей дороге поднимаемся на автобусе на 725м. Облака остаются ниже. Самое удивительное, что на такой высоте построены внушительных размеров церковь и монастырь. Скалы почти отвесные, но нашлась небольшая площадка для часовни, затем втиснули маленький монастырь и дальше строили уже врубаясь в скалы. Отшельники здесь селились с VIII века, поднимаясь по узким тропам копытных животных. Теперь есть и хорошая автомобильная дорога, и канатная дорога, и подъёмный лифт. По легенде в XI веке в одной из пещер был найден образ Богоматери из тёмного дерева. Стилизованная фигура Богоматери, держащая на коленях маленького сына, является символом милосердия и представляет собой художественную ценность (скорее она бесценна). Она установлена в церкви. Богоматери Монтсеррат посвящены многие храмы и алтари за пределами Испании, и в них звучит Гимн Монтсеррат – это молитва и одновременно песнь восхваления. Имя Монтсеррат известно по всему миру, и многие каталонские женщины носят это имя. Для испанцев восхождение на гору и в храм является праздником. Сюда приходят отмечать важные события в жизни. Существует и народная поговорка: «только тот хорошо женат, кто привозит жену в Монтсеррат.» В XVI веке на горе (или скорее в горе) начали строить церковь и строили 30 лет, но она сохранилась до наших дней. Колоссальное помещение длиной 66 метров, шириной – 31 метр и высотой 23м. Я удивилась, глядя на множество светильников во внутреннем убранстве храма – все они были разного дизайна. Оказывается – это подарки различных организаций из разных стран и точек мира, не только из Европы, есть и из Японии, Америки, Австралии. За год монастырь посещает более 2,5 миллионов человек, в праздничные и воскресные дни в Монтсеррат поднимается до

10 тысяч посетителей из разных стран. Мы были в понедельник, гид говорила, что в этот день здесь меньше всего туристов; но и в этот день здесь было много народа.

Часов в семнадцать началась гроза. Потемнело. Над соседними скалами низко опустились чёрные тучи, гремел гром и, вдруг в вершину рядом стоящей скалы (а её вершина примерно на нашем уровне) зигзагом ударила молния, потом другая, раскаты грома не прекращались. Всё осветилось неоновым светом. Совершенно фантастическое зрелище. Вот это неукротимая сила стихии! Так близко небо, тучи, молнии! Первобытный хаос! На этом фоне ощущаешь себя муравьём, не успевшим спрятаться в норку, утешаюсь только тем, что есть, видимо на церкви и монастыре громоотводы. Явное, зримое проявление мощи и величия природы! Пока не начался сильный ливень на нашей горе, мы быстро пошли к автобусу, уже накрапывало, но и невозможно было отвести глаза от соседних скал. Вдруг слышу за спиной голос – «У-у-у! Как красиво!». Оглядываюсь и вижу парнишку лет 16-18. Спрашиваю – «ты откуда приехал?». «Очень из далека, из Новосибирска!» «А я ещё дальше – из Хабаровска!». Очень удивился, говорит – «я здесь уже четвёртый раз, до этого с родителями ездил, а сейчас с друзьями. Здесь так здорово!!»

Со слов гида при монастыре большая библиотека и художественная галерея. Многие известные испанские художники дарили монастырю свои полотна, зная, что их увидят люди со всего мира. С XIII века здесь существует хор мальчиков для участия в богослужениях. Мальчики от 9 до 14 лет получают здесь музыкальное и обязательное общее образование. Хор известен по всей Испании. Но, к сожалению, в понедельник хор не поёт.

Автобус спускался по горной дороге, дождь закончился, и мы восхищались удивительным пейзажам. Почти отвесные

склоны покрыты разнообразной растительностью. До 14 отшельников живёт на склонах почти отвесных скал. Два таких жилища я видела из автобусного окна: голый вертикально-скальный столп, на вершине размером примерно два на два метра каменное строение такого же размера. Допускаю, что забраться в него можно по верёвочной лестнице, существовать как-то можно, но, как его строить, как доставлять туда строительные материалы?!...

Нас уговаривали взять эту экскурсию. Говорили— «не пожалеете». Мы не пожалели, мы получили новые незабываемые впечатления!

Очередная экскурсия на родину Сальвадора Дали в город Фигерас. Название города от слова фига –инжир. Здесь он провёл детство и юность, здесь познакомился с Гарсия Лоркой, и ГалОй. В школе он учился слабо, но всё свободное время рисовал и рисовал. В двенадцать лет Сальвадор поступил в муниципальную школу рисунка. А уже в шестнадцать лет ему предлагали поехать в Мадрид, учиться «на профессора живописи». Он постоянно рисовал окружающие предметы, окрестности и пейзажи Фигераса, детально прорисовывая все тонкости. Он был прекрасным рисовальщиком. О себе говорил: –«Создавая произведение, я самым честным и фотографическим образом копирую то, что мне привиделось.» Видения у него начинались ещё с детства, он тогда уже позиционировал себя, как импрессиониста. Но, видимо, ему было просто скучно копировать пейзажи и рисовать портреты.

Сальвадору было 25 лет, когда отец выгнал его из дома. В Париже в 1929 году на выставке демонстрировалась его картина «Священное сердце» с сопроводительной надписью: «Приятно иногда плюнуть на портрет своей матери». Его мать умерла восемь лет назад. Родня возмутилась, отец и сестра были в шоке, и его отлучили от дома. Но, такой уж был их

Сальвадор. В последствии, через несколько лет, они, конечно, помирились.

Прожив много лет в других местах Испании, во Франции и США, Дали решил, что надо сделать подарок родному городу, и именно там построить свой музей. Он и построил музей на развалинах сгоревшего Главного театра города. Музей должен был стать центром западной и, в частности европейской духовности.

Вот в Фигерас в музей Дали мы и ехали на экскурсию, а вся вышеприведённая информация – со слов гида. Театр-Музей, открытый в 1974 году, (Дали уже 70 лет) это театр памяти, это вершина его творчества. Сам Дали говорил: –«Мой музей не должен восприниматься как музей, –это гигантский предмет сюрреализма, приходящие сюда будут уходить с ощущением, будто им привиделся театральный сон.» Сюрреализм– пристрастие к странному, неординарному. Дадаизм от слова «дада»– белиберда, бред, ерунда.

В музее 22 комнаты. Обширная экспозиция даёт общее представление о творчестве, от первых опытов импрессионизма, футуризма, кубизма до сюрреализма. Всё-таки художественный музей должен описывать искусствоведа. А я, в силу своей художественной неразвитости, никак не воспринимаю эти новейшие достижения современного искусства. Эти фантазии на грани бреда: «Мягкий автопортрет с жареным салом» 1941 год– какие-то подпорки и ухваты пронизывают его губы, веки, нос. Но, если автопортрет «мягкий», то ухваты и подпорки необходимы, но портрет похож на оригинал только усами. Или– «Нос Наполеона, превращённый в беременную женщину, которая гуляет, как грустная тень среди древних руин». 1945 год. Без такого подробного названия картины, ничего не понятно, да и всё равно не понятно, где там беременная женщина... И в том же

1945 году: «Корзинка с хлебом». В картине чётко прорисована каждая соломинка корзинки, а хлеб настолько натурален – запах чувствуешь.

Небольшая площадь перед Театром-музеем так же является площадкой для экспонатов, своеобразно представлен философ, телом которого служит ствол дерева; художник, восседающий на постаменте из колёс трактора; каменный фонтан с атомом водорода. На ступенях лестницы, спускающейся от площади к параллельной улице, установлена узкая вытянутая стилизованная фигура без одежды, сваренная из кусков, металла, обе руки были развёрнуты вправо. Понятно, что Дали. Дочка попросила сфотографировать её на этом фоне. Позже мы узнали, что это изображение Ньютона(??)



(Испания г. Фигерас скульптура Ньютона)

Партер бывшего театра перестроили в холл, в котором поставили «дождливое такси»: бросаешь монету в специальную прорезь и внутри машины с крыши льётся дождь на манекен, сидящий за рулём и на всё внутри. А на крыше такси установлена фигура безобразно-толстой голой бабы. Гид объяснила, что это царица Эстер (?) И зачем это— мне не понятно. В нишах стен холла на уровне 2-3-4 этажей стоят манекены в позах древнеегипетских жрецов., на стенах, какие-то иероглифы, умывальники, скелеты животных(!) Путешествуя по музею, переходя по лесенкам из маленьких комнат в большие залы, видишь Дали, как постановщика, мистика, экспериментирующего с различными художественными стилями.

Он экспериментировал с голографией и трёхмерной живописью. Его высоко ценили как ювелира, коллекция ювелирных изделий, созданная Дали, также выставлена в музее. Рассматривая очередную экспозицию, слышу разговор, рядом стоящих мужчин. Один говорит другому: – «Вот мужик – жил как хотел и делал, что хотел». А тот отвечает– «так деньги были» Но, как я поняла из объяснений гида, деньги он зарабатывал сам, начиная с нуля. В родной дом он вернуться не мог, и первое своё жильё –рыбацкую хижину приобрёл с помощью друга, она была и спальней, и мастерской, и кухней.

В1983 году Дали купил и присоединил к театру рядом стоящие строения – часть средневековых стен города и башню. Всё отремонтировали, стены и башню выкрасили в терракотовый цвет и покрыли ритмично повторяющимся узором – буханками крестьянского хлеба. Крышу башни и стены украсили гигантскими яйцами. Дали использовал яйца во многих своих картинах, скульптурах и оформлениях интерьера. (Как и наш известный художник Николас Сафронов в своих картинах часто изображает летающие полупрозрачные шары. Была на его выставках.) Сам Дали писал: – «Хлеб стал

одним из давних предметов фетишизма и навязчивых идей в моих произведениях, это номер один, которому я был более всего верен». Он мог появиться в общественном месте с плоским хлебом на голове, как в шляпе. Его не смущали взгляды окружающих, его вдохновлял собственный эпатаж и гротеск.

Башня стала его последним домом, в одной из комнат которой он и умер в 1989 году. Согласно его завещанию, тело забальзамировали и уложили в склепе в Театре-Музее. И все посетители видят место погребения легендарного художника современного искусства.

Каждый день, направляясь к морю, мы проходили мимо усадьбы с петухом, забор был высоким, но мы нашли щелку и заглядывали украдкой в испанскую жизнь. Видна была торцевая стена дома и часть двора. Когда-то здесь был то ли фонтан, то ли круглый бассейн. Сейчас это было совершенно пустынное место: кроны деревьев совершенно закрывали солнце, и сырая земля была местами покрыта мхом. Тут стояла будка и рядом лежала чёрная большая собака. И тут дочка моя выдала: – «Шарик, Шарик!» – позвала она. О-о-о! Ностальгия уже! «Ну, какой же это тебе Шарик – говорю – это дон Педро, чёрный испанец». Иногда мы видели, что пёс что-то ел или пил и было видно, что он очень стар, на суставах лап шерсть совершенно вытерлась, видимо он был и слеп, поэтому его поместили в такое тёмное место. А кругом светило яркое солнце!

Через несколько дней, накупавшись в море, в бассейне, позагорав на пляже, едем в местечко Пуболь, в замок XIV века, в замок Галы – жены С. Дали. С Еленой Ивановной Дьяконовой Сальвадор познакомился в 1929 году. Ему было 25 лет, ей 35 лет. Елена Ивановна была замужем за поэтом Полем Элюаром и у них была дочь Сесиль. Елена – русская, её муж француз. Большая заслуга этой женщины, что она и из первого мужа сделала известного поэта, и благодаря её большим усилиям и Сальвадор Дали стал известен миру. Елена

Ивановна сама назвала себя Гала, т.е. праздник (как гала-концерты). Она совсем не была красавицей, но обладала большой внутренней энергией, чем и притягивала к себе окружающих. Дочь она оставила мужу и его родителям. Уйдя из довольно обеспеченной семьи, стала жить с Дали в рыбацкой хижине, и была для него менеджером, пресс-секретарём и финансистом.

Ещё в тридцатые годы Дали обещал своей музе подарить замок. Но, только в 1971 году она смогла переехать в уединённое место, ей было 77 лет, и она устала от бурной жизни Дали.

На автобусе мы приехали в почти средневековую Испанию. Вот и замок! У нас коттеджи у многих бОльшего размера. Здание в два этажа, плюс чердачное помещение и подвал. Вплотную к замку (у них общая торцевая стена) – церковь, тоже XIV века, вокруг небольшая деревня; это всё было окружено крепостной стеной, от которой сейчас остались фрагменты – феодальная крепость. Мы немного подождали на площадке перед церковью пока выйдет предыдущая группа туристов, время мы не теряли, осматривая снаружи церковь и деревеньку. Церковь каменная, по тёмным стенам расползся мох и плющ; дверь её высокая и массивная окована железом, почти ворота, открывается раза два в год. И в эту церковь шесть веков ходят люди! И мы прикоснулась к этой древности! Деревня не перестраивалась с феодальных времён. Каменные дома в основном в два этажа стоят кучно, почти вплотную друг к другу, они конечно подновлялись, но улочки остались такими же узкими. Если встать посреди улицы и раскинуть руки, то можно достать пальцами до противоположных стен. В улицу окон почти нет, если есть, то узкие как бойницы, дворов никаких нет. Грязи нигде нет, т.к. всё вымощено камнем. Крохотные дворики с торцевых сторон домов так же вымощены камнем и много цветов, но в горшках. Никакой

живности мы там не заметили. Эта средневековая деревня вызвала у меня не меньший интерес, чем замок. Поля и огороды вынесены за пределы бывшей крепостной стены. Вид ухоженных полей мне так понравился, что я сделала фото, которое и висит у меня в гостиной. Первая декада октября, и одно поле вспахано, а второе покрыто какой-то низкой растительностью, и отделено одно от другого зелёной стеной – высокий кипарис, затем какой-то куст, и снова кипарис и куст и так и повторяется, ну, очень красиво. На огородных грядках кусты баклажан метровой высоты и плоды до 35 см.

Проходим в ворота замка и попадаем на большой двор, и из него уже можно войти в замок, где тоже вначале попадаешь во внутренний дворик., а уж там по наружной лестнице – в помещение. Дали купил полу разрушенное здание. Ремонт и переделка под вкусы Галы длились почти два года. Дали занимался отделкой элементов помещений. В замке его картины и картины других художников Испании, интересные гобелены, расписные потолки. Не сказать, что комнаты замка большие, но есть Гербовый зал со стрельчатыми готическими окнами – по стенам геральдические гербы, трон и что-то в виде алтаря, покрытого белой тканью, на нём стоят подсвечники, чаши, вазы... Есть гостиная и есть комната для гостей. Спальня Галы – в синем цвете, круглый маленький столик на страусовых ногах, с прозрачной столешницей, сквозь неё видно чучело лошади на первом этаже в вестибюле. Дали любил такие, как бы сейчас сказали, приколы, так в Гербовом зале он нарисовал дверь, так реалистично, что её хочется открыть. И почему-то он любил устанавливать в помещениях, где жил чучела животных и птиц. На этом этаже есть и очень чистенькая белая кухня, в которой никогда ничего не готовили. Для Галы и её гостей готовые продукты приносили местные жители или привозили по заказу.

Гала говорила, а Сальвадор подтверждал, что он не может приехать в замок, когда захочет, а должен предупредить об это Галу заранее. Сама она жила в замке только летом и то три-четыре недели. Но он приезжал в гости и писал картины. В одной из комнат стоит мольберт, напротив кресло в полотняном чехле. Дали всегда писал сидя и вытирал кисти о ткань чехла, на чехле видны пятна краски. Как я могла упустить такой «исторический момент» и не сфотографироваться у мольберта Дали!

В чердачном помещении замка выставлена коллекция платьев Галы. Мне, как швейнику, было очень интересно рассматривать модели и ткани, рисунки некоторых тканей придумывал Дали, а модели для Галы создавали известные модельеры Кристиан Диор, Пьер Карден, Элизабет Ардэн. Очень экстравагантных платьев было два или три, а остальные элегантные однотонные или в цветочном принте всевозможных расцветок. Тут нам рассказали, что причёску с чёрным бантом придумала для Галы Коко Шанель. (Но насколько я помню причёску с чёрным бантом ещё с 1919 года носила Ирина Одоевцева – русская поэтесса).

Гала умерла в возрасте 88 лет; в марте 1982 года она перенесла операцию на шейке бедра и больше не поднялась, отказывалась от пищи и скончалась в июне этого же года. Дали распорядился забальзамировать тело.

В подвальном помещении замка – склеп... Это не глубоко, спускаюсь по широкой лестнице, правда без перил (Дали их придумал, но они так и не были сделаны). Оттуда выходили люди, но, когда я туда вошла, там никого не было. Дочка со мной идти не захотела. Я стояла в довольно просторном помещении со сводчатым потолком. Передо мной на низком постаменте лежали две надгробные плиты, никаких надписей не было, около правой в простом кувшине стоял большой

букет свежих цветов. Я поняла, что там и погребена Гала. Это было её желание – быть похороненной в замке Пуболя. Дали приготовил место и для себя под левой плитой, но через семь лет его намерения изменились. За плитами у противоположной стены стояло чучело жирафа(!), зачем оно здесь в таком траурном месте? Дали верен себе. Простояла я одна, минуты две, размышляя о русской женщине, которая сама управляла своей жизнью. Потом мне стало как-то не по себе – всё-таки склеп...

После осмотра замка нас повели в сад, и в чаще деревьев мы увидели две фигуры слонов из бетона на длинных и тонких стрекозиных ногах. Дали часто изображал слонов на тонких ножках... А, в самом дальнем конце сада находится овальный бассейн глубиной около 70 см (без воды). Противоположную от нас сторону бассейна украшает стена с аркой. В центре этого сооружения – мальчик на большой рыбине, из пасти которой когда-то в бассейн лилась вода. Стена в виде древнегреческого храма с двумя кариатидами по бокам. Всё очень красиво и вдруг справа и слева от этой красоты по бортику бассейна расставлены разноцветные бюсты. Зачем? Бюсты, оказывается, композитора Вагнера, которого Сальвадор очень любил. Разноцветные и одинаковые эти бюсты (бежевые, зеленоватые разных оттенков) – по семь штук с каждой стороны, в общий стиль как-то не вписывались. Но, Дали это нравилось.

Экскурсия в испанскую деревню XIV века мне очень понравилась, пусть тут что-то и изменилось, осовременилось, в замке много от Дали, но общий феодальный уклад ещё просматривается.

Не полным было бы знакомство с Испанией без экскурсии «День испанских традиций». Нам обещали театр «Фламенко» и корриду. Конечно, мы поехали. Было воскресенье, вторая

половина дня и страшная жара, хотя и начало октября. Нас привезли в какую-то деревушку, где была специально оборудованная терраса для обеда. На столах были расставлены кувшины с сангрией, какие-то лёгкие закуски, что-то сладкое. Когда все расселись, два официанта внесли громадную сковороду диаметром не менее метра с паэльей: рис, овощи, морепродукты. Мне вкус не понравился. Но, приготовить вкусно такое объёмное блюдо, думаю, сложно.

Затем нас пригласили пройти к импровизированной сцене и началось представление театра «Фламенко», это испанская гитара, кастаньеты, музыка, песни и танцы, необычный танцевальный ритм, в музыке цыганские мотивы... Худенькая изящная испанка танцевала старательно, но без задора; да и понятно – у неё уже было утреннее выступление, жара, а на ней длинное коричневое платье. Я представляла совсем другой наряд – яркое платье с воланами по юбке и на рукавах. Такие детские платья в испанском стиле продавались здесь в каждой лавочке. Испанец хрипло пел, аккомпанируя на гитаре, кастаньеты щёлкали...Ну, в общем терпимо.

Затем началась коррида. Испанская коррида – бои быков – символ Испании, испанцы считают, что это зрелище способно воспитать мужество и стойкость характера. Когда-то это был ритуал жертвоприношения, но разъярённый бык смертельно опасен для человека. В настоящее время в Каталонии убийство быков на сцене запрещено. Но на нашем представлении были какие-то вялые быки, они тоже устали; особенно один бычок веселил всех зрителей. Его выпускали на арену, он оббегал круг и стремился попасть в ту, уже закрытую дверь откуда его выпустили, и никакие ухищрения и уколы пикой не могли его от этой двери отогнать. Молоденькие и очень худенькие пикадоры и тореро, видимо ещё ученики (а учатся этому искусству с десяти лет) в очень красивых

костюмах тщетно пытались обратить внимание животных на себя и заставить их броситься в атаку. Общее зрелище было однообразным и унылым. Скрашивало ситуацию то, что официанты постоянно разносили вина по рядам зрителей.

Говорят, что настоящая коррида в Мадриде и Севилье. Но, поверхностное понятие об испанских традициях мы получили.

Кончился наш сказочно прекрасный отдых. Единственно, жалею, что не побывали в Валенсии, там в Кафедральном соборе Святой Марии хранится Чаша Грааля! Подлинность подтверждена Ватиканом!

Мифы, легенды и полёты на современных Боингах – всё перемешалось.

Прилетели мы в Хабаровск в 10 часов утра. И я подумала, что в это время в самой западной точке нашего полушария ночь, и хрипло кричит испанский петух и дремлет в своей будке Шарик-дон Педро.



(Испания г. Соллоу, бульвар вдоль пляжа)

Два дня в Камбодже



В Камбоджу я попала из Таиланда, летела в Таиланд именно с такой целью – посетить Камбоджу. Путёвка из Таиланда в Камбоджу в 2014 году стоила мне всего шесть тыс. рублей.

Первый день – экскурсия по стране, второй – посещение Ангкора и это самое главное, что мне хотелось увидеть.

После пересечения границы (где у нас забрали паспорта для оформления визы), сразу едем в городок Сиём-Реап в отель и на обед. Отель – периода колониального французского господства – уютный, отделан красным деревом. Номера просторные, потолки высокие, но есть и кондиционеры, и холодильники, и возле отеля бассейн!

У нас был прекрасный гид – Виталий. Вначале, я подумала, что мальчик очень молодой – худенький, светленький с тонкой косичкой из русых кудрявых волос на

затылке. Оказалось, что ему за тридцать. Родители живут в Новосибирске, а сам он уже десять лет разъезжает по разным странам, знает семь языков. В каждой стране работал по два-три года. Думал, что и в Камбодже задержится года на два, а уже – пятый год тут. Очень ему понравилась природа, климат и психология людей: главное – не напрягаться, принимать жизнь – как есть, ни на чём не заморачиваться, радоваться тому, что есть. И пока мы ехали от границы, Виталий нам рассказывал про историю Камбоджи-Кампучии. Уже 15000 лет назад здесь были поселения. Когда-то это была довольно обширная страна, объединяющая части территорий теперешних Лаоса, Таиланда, Вьетнама. Живёт в теперешней Камбодже 15 млн. человек. Религия – буддизм. Храмов – 4390. Глава государства – король. Страна с Запада на Восток протяжённостью 560 км, с Севера на Юг – 480 км. Больше половины площади – горные массивы, климат тропический. На северо-востоке в джунглях есть ещё дикие племена.

Про историю Камбоджи и роль в ней Пол Пота можно писать отдельный очерк. Но я описываю только свои впечатления.

После обеда едем в автобусе к озеру Тонлесап, а Виталий нам рассказывает и показывает: вот рис сушат на обочинах дорог (естественно пылица!), вот перевозят куда-то свиней на мотороллере! Говорит, что это он часто видит. Вместо сидения для пассажиров – поддон. На нём смирно на спинках лежат три свинки средней упитанности. Связаны и привязаны к поддону. Предварительно их кормят коноплём. Пока автобус обгоняет мотороллер нам видно, что одна свинья моргает глазками. А две другие зажмурились, и даже ногами не дрыгают. Иногда видим пасущихся коров, но очень худых. Виталий говорит, что они почти не дают молока, а европейские лошади вообще не выживают. Почему, он и сам объяснить не может.

Рассказывал Виталий про местные обычаи, в частности, про местные свадьбы. Приглашают всю деревню (или район города) – свадьба длится от 3-х до 7 дней. И молодые должны встречать каждого гостя угощением с утра до вечера, а гости идут весь день как им удобно. В первый день – гости самые почётные, их так и приглашают: кого на первый, кого на второй день... На свадьбу берётся кредит в банке. Подарки – деньгами. Даже есть такса. В зависимости от общественного положения семьи жениха дарят одним 100 долларов, другим на свадьбу можно принести не более 50 долларов, а третьим и 10 достаточно. Виталий сам был на таких свадьбах. После недельного празднования бедные новобрачные уже еле на ногах стоят, но, подсчитав деньги, сразу возвращают кредит и только на оставшуюся сумму покупают необходимые вещи для семьи.

Население очень бедное, хотя полезных ископаемых достаточно: драгоценные камни, (сапфиры, рубины, гранаты, чёрный янтарь и др.), драгоценные породы деревьев – сандаловое дерево, красное палисандровое дерево, каучуковое дерево. Растёт сахарный тростник, какао; в год собирают 2-3 урожая риса. Драгоценные камни довольно дешёвые, по нашим меркам. У Виталия в одной из предыдущих групп были две девушки из Москвы. Купили драгоценности, в Москве их продали, вернулись в Камбоджу и в течение года ещё дважды приезжали за камнями. Ну, и Виталий на этом примере решил тоже сделать свой бизнес. Улетая в отпуск в Новосибирск, прикупил небольшую партию разных камней. Но, никуда их пристроить не смог, в конце- концов всё раздарил. Не только не обогатился, чуть не разорился, еле на обратный билет наскрёб. Как он сказал – «на всю жизнь понял, что коммерция – это не моё» (и не моё).

Интересно, что в кафе и ресторанах здесь можно заказать суп с курицей или уткой и с коноплей. Есть такие специальные заведения, где можно заказать и «хэппи-пиццу» тоже с марихуаной. Из опыта Виталия: двое молодых людей очень хотели попробовать такую пиццу – специально ехали за этим в страну. Их предупредили, что могут быть осложнения в самочувствии. Действие от такой еды на организм бывает длиться от 14 до 20 часов. Вечером они развлекались, а утром один кое-как поднялся. А второй был невменяемый. В автобус его забросили, и весь день всю экскурсию он проспал на заднем сидении автобуса.

Вот и озеро Тонлесап – одна из достопримечательностей Камбоджи.

Это самый большой водоём в Юго-восточной Азии. В сезон дождей его площадь бывает до 16000 кв. км.

По озеру нас катали в широких лодках – сидишь как в летнем кинозале: по середине - проход, справа и слева лавки, над головой тент. А по озеру в тазиках плавают чумазенькие дети и просят один доллар, показывая пальчик по горизонтали. А доллар равен 4000 риелей. (а 1 риель= 1 коп.).

Вода непроглядно мутная – жёлтого цвета – это мелкая глинистая суспензия. Но разнообразная рыба есть: и пресноводная, и морская. Предполагают, что озеро соединяется с морем; и посреди этой водной глади деревня на воде с десятью тыс. жителей. И жилища, и церковь, и школа, магазин и даже спортивная площадка(!) – всё на понтонах. Жилища убогие, кое-как слеплены, у некоторых вместо стен навешаны тряпки. Но церковь, администрация и школа выглядят прилично – обычные дома. В домах у богатых жителей для приготовления пищи и освещения используется энергия солнечных батарей и на крышах TV антенны. Те, что

победнее, используют движки. Таких деревень на озере несколько.

Живут здесь и занимаются рыбной ловлей вьеты (выходцы из Вьетнама). Многие как родились здесь на воде, так и умирают здесь (правда, кладбище на суше). Они сдают рыбу кхмерам, живущим по берегам. На берегах дома на сваях. В период разлива озеро увеличивается в четыре раза, вода поднимается на 8 метров и затапливает окрестности. Когда же озеро мелеет, на илистых равнинных берегах выращивают рис.

Здесь же, посреди озера на плоту что-то вроде рынка. Продают обычные галантерейные товары и картины – акварель и масло. Купила за 5 долларов на память о Камбодже довольно приличный вид местной тематики: домик на сваях и рядом лодка.

На берегах такая же нищенская деревня. Стены жилищ из досок и через щели видно, что внутри нет ничего кроме какого-то тряпья по углам. Но люди все весёлые энергичные. Может это умеренное употребление марихуаны сказывается? (Но это моё личное мнение). Виталий, общаясь с местными жителями, пытался выяснить: почему они не стремятся к лучшей жизни? Некоторые пытались: уезжали, учились, получали профессии, но прожив в городах 2-3-4 года, возвращались обратно к почти первобытному укладу. Городской ритм утомлял их, привыкших к свободному режиму: встал, когда выспался, захотел – починил сваю под домом сегодня, нет желания – оставил на послезавтра.

После озера – экскурсии, опять экскурсии по магазинам, по крокодильим фермам. В Камбодже, как и в Таиланде, крокодилов насмотрелась до отвращения. Надо сказать, что это редкая гадость, особенно когда они собираются в кучи по 10-15 штук, валяются один поперёк другого в грязной луже. У

некоторых оторван-откушен хвост или лапа... Но, кое-что интересное я узнала: оказывается, наш крокодил Гена из мультфильма и не крокодил вовсе, а аллигатор (по форме носа или правильнее –рыла). Есть ещё и гавиалы – тоже род крокодилов – но с длинным тонким, скорее острым носом – их всего тысяча особей сохранилась в мире. Из общей кладки яиц вылупляются мальчики, если окружающая их температура от +30 до +34; и получаются девочки, если температура меньше +30 или больше +35. Как всегда, и везде самки менее прихотливы.

Интересно, что в Таиланде из кожи слонов не изготавливают ничего; там это священное животное. А в Камбодже нам предлагали ремни, пояса, сумки и портфели из слоновьей кожи.

В стране самый уважаемый человек, естественно после короля и его семьи, – это Аллен Делон! В своё время, он скупил много земли, построил на ней несколько отелей. Выпускает сигареты «Аллен Делон». Тут и рабочие места, и прибыль стране... Человек обладает не только талантом актёра, но и коммерческим. Не растратил свои гонорары, как многие, а думал о старости.

Когда-то столицу Камбоджи посетил Хрущёв, а после отъезда он прислал в подарок городу СВЕТОФОР. До этого времени светофоров местные жители не видели. Установили светофор на самом людном перекрёстке. Но порядка больше не стало. Местный транспорт, подъезжая к перекрёстку, останавливался, и водители долго любовались переключением разноцветных огоньков, создавались огромные пробки. Пришлось ставить дополнительно регулировщика, пока люди не привыкли.

Вечером нас ждал ужин – шведский стол в странном помещении похожем на большой ангар. Около двадцати или

более туристических групп ужинали одновременно, сидя за длинными столами, поставленными поперёк «зала» перпендикулярно к сцене. Кухня похожа на тайскую, и чего тут только не было!! Очень много блюд из риса – первые, вторые, десерт и водка 50°. А вот выступление «королевского танцевального ансамбля» довольно скучное однообразное зрелище. Конечно, это не первый состав, похоже и не второй.

Наконец завтра едем в АНГКОР!!

День второй – АНГКОР!

Ангкор – древняя столица общей площадью 200 га.

В конце XII века это был самый населенный город мира – от 1 до 2-х мл жителей. (в это время самые крупные европейские города едва насчитывали 50 тыс. жителей). В конце XIV века Сиам (ныне Таиланд) захватил и разграбил Ангкор. Жители ушли из города, он пришёл в запустение, зарос джунглями. И пять столетий о нём ничего не знали. Современные жители Камбоджи даже забыли, что великолепные, колоссальные дворцы были построены их предками. В 1861 году английский инженер случайно наткнулся в джунглях на развалины громадного города.

Ангкор-Ват – крупнейшее религиозное сооружение в мире. На его территории находилось 70 храмов и дворцов. Террасы в три яруса, башни высотой в двадцатиэтажный дом, тысячи изваяний и скульптур! Развалины дворцов даже и через шесть столетий производят колоссальное впечатление!

Вот оно!! То, что так хотелось увидеть с тех пор, как посмотрела мультфильм про Маугли.

Вот она!! Легендарная империя кхмеров!!

Для туристов расчистили джунгли, разобрали исполинские здания по камням, очистили и снова сложили. Но

для наглядности оставили несколько сооружений обросших корнями исполинских деревьев.

По территории древнего города туристы ездят автобусами, на такси или личных машинах, на велосипедах, ходят пешком. Нет, за один день здесь невозможно всё осмотреть! Хотя мы и приехали рано утром, но здесь уже много туристических групп из разных стран, шум, гомон, очень много китайцев, а они люди эмоциональные.

Главный храм посвящён божеству Вишну. В древности здесь ещё и хоронили царей. Башни и галереи украшены тонкой резьбой, барельефы сохранились почти в первозданном виде, но, естественно, камень изъеден временем. А храм Та-Прохм, заросший джунглями, специально не расчищен. Старые деревья испаряют эфирные масла, многовековые лианы оплетают их, а вокруг прыгают, живущие здесь обезьянки. Голова крУгом! Корни огромных деревьев оплели камни. Ощущение, что деревья шагают по развалинам. Это здесь снимался фильм «Лара Крофт – расхитительница гробниц».

Бийон – храмовый комплекс – каждая башня Бийона увенчана ликами Будды и королей на все четыре стороны света. Каждое лицо по вертикали – два метра, а всего их 208 и где бы ты не находился – древнее лицо с незрячими глазами смотрит на тебя.

В период расцвета строились не только дворцы, но и школы, больницы, дороги и вдоль дорог дома отдыха для путников. Ангкор – памятник древней культуры страны, мировой музей азиатской культуры. Но разве можно описать все экспонаты в любом музее? А в таком – тем более!!

Сколько же людей создавали эту красоту!

Имена царей сохранились, а тысячи имён древних архитекторов, камнетёсов, резчиков по камню никто никогда не узнает. Я водила ладонью по барельефу и мысленно разговаривала с создателем его: – «Шестьсот лет назад ты вырезал на камне этих людей, животных, эти узоры... Ты и не думал, что через столько лет кто-то увидит их, кто-то вспомнит про тебя. Может быть тебя пригнали сюда силой, оторвали от семьи, может и не платили за работу, а только кормили и подгоняли плёткой. Но, вот прошло столько столетий! А твоя работа всё ещё восхищает проходящих сюда людей. Имя твоё забыто или вовсе неизвестно, а след остался. Я вспомнила про тебя и, значит, ты ожил на какое-то мгновение...».

Нет, развалины эти – не мёртвое царство. Они до сих пор излучают ту древнюю энергетику.

Смотря издали на гигантские сооружения, проникаешься былым величием этой страны, а вблизи восхищаешься тонкой работой скульпторов прошлого.

Некоторые люди возвращаются сюда, чтобы ещё что-то осмотреть, досмотреть...

Возвращаясь из Ангкора в отель, заехали на рынок. Он буквально в квартале от нашего отеля. Рынок крытый только крышей. Вот то, о чём рассказывал Виталий: ряды швейных машин. Тут принимают заказы и шьют тут же. Ткани висят, как у нас в магазинах. Виталий и говорил: если кто-то начнёт точить ножи на новом месте или поставит швейную машинку, – сразу собираются такие же спецы, и этот первый уже не монополист – вокруг коллеги. Так и здесь образовался целый швейный цех – машин 15. А, вообще, ничего интересного.

Но, вот вижу: у входа в рынок молодая тёмненькая босая и замызганная, но, в общем, приятная женщина тянет за собой

тележку, а в тележке под рогожей что-то шевелится. Заметив мой заинтересованный взгляд, она, улыбаясь, откинула рогожу, под ней сидели двое ребятишек – девочка и мальчик года по три-четыре. Чумазы хорошенькие мордашки, тоже улыбаясь, смотрели на меня тёмными глазками. Я удивилась, а она, вся просияв, прикрыла их снова рогожей, впряглась в свою телегу и повезла свои сокровища куда-то. Она, видимо, вполне счастлива – у неё есть такие милые дети, и даже телега, чтобы их возить, и ей не нужны ни бриллианты, ни шубы, ни «лабутены» (может быть от кроссовок, она бы и не отказалась). Каким только бараклом мы себя не окружаем и нам всё равно чего-то не хватает... А ведь древний мудрец сказал: «В итоге – всё суета и ловля ветра».

Как быстро промелькнула передо мной Камбоджа! Как это мало – два дня! Ведь мы так и не увидели национальные парки реликтовых лесов, водопады и прекрасные морские пляжи!! И так хочется туда вернуться!!!

Может быть – это какой-то зов каких-то предков? Есть же такая теория, что у нас всех одна праматерь из Индии...



(Развалины Ангкора)

Таиландская история

почти криминальная

В Таиланде побывали, наверное, 10% населения России. Ничего нового для них о стране рассказать не могу; а те, кто ещё не был там – будут. Мечтать надо активно.

Паттайя, начало марта. Гуляю по улице Джомтьен, улица идёт вдоль берега залива. С одной стороны улицы рестораны, забегаловки, различные лавочки, а через дорогу узкая полоска пляжа. Пляж тоже называется Джомтьен. Жара, искупаться хочется, но вода настолько грязная, как и сам пляж – окурки, обрывки бумаги, полиэтиленовые пакеты... Бр-р-р... Хоть морским воздухом подышу.

На обзорной экскурсии уже побывала; развлекательные мероприятия посетила; ювелирные, сувенирные и кожаные магазины посмотрела. Теперь гуляю сама по себе: сувениры выбираю, экзотические фрукты пробую, тайские фразы по разговорнику пытаюсь безуспешно зазубрить.

Недалеко от ресторана «Армения» я опять его увидела. Он сидел, как и вчера, на каменных ступенях входа какой-то лавочки. Сидел, как и вчера, согнув одну ногу, голым коленом почти в подбородок, и так же смотрел на залив светло-голубыми глазами. Если бы не голубые глаза, я бы и внимания не обратила. Мало ли местных седых оборванцев шатается в безделье вдоль берега. Значит он европеец. Не турист – уж больно худой и грязный. Милостыню вроде не просит, но по виду – очень в ней нуждается. А как подашь? Может обидеться, а... может и нет...

Вчера прошла мимо, а сегодня ещё разглядела, что лицо не слишком морщинистое, но тёмное от загара, как и всё полуголое тело. Похоже, не очень старый, но давно тут. Кроме рваных джинсовых шорт, на нём ничего не было, ну, ещё седые невымытые космы и седая включенная борода.

На третий день решила: думаю – подам 10 бат (почти 10 рублей – на что-нибудь съедобное хватит) и скажу по-

английски - «plis». У меня всё есть: живу, на всём готовом, развлекаюсь. Подошла и вложила в его кисть свёрнутую трубочкой купюру. Он вздрогнул, удивился, посмотрел на деньги, на меня и вдруг сказал - «спасибо». Русский! «Вы русский?!». «Да» - как-то растеряно ответил он. Я тоже растерялась: здесь полно русских, почему же никто не может помочь ему. Никто не обращает внимания или он не хочет?

- Вы тут давно?

- Наверное, года три, чуть больше...

Наверное! Потерял счёт времени, а может частично и рассудок? Среди бурлящей и кипящей жизни в полудивилизованной Патгайе, просто какой-то Робинзон Крузо.

- А... чем занимаетесь? (хотя итак понятно, что ничем, если сидит целыми днями грязный и оборванный, пялясь на море).

- «Ничем» - сухо ответил он.

Я поняла, что надо уходить - «Извините».

Опять гуляю по Джомтъян, воздухом дышу. В море не купаюсь, вернее, купаюсь в море у острова Ко Лан и в бассейне при нашем отеле. Бассейн большой причудливой формы, с глубокими и мелкими местами, с мозаичным полом, чтоб не скользко; тут же душ с пресной водой. Благодарить!

Около ресторана «Армения» всё так же сидит Робинзон. Увидел меня и чуть-чуть кивнул головой и вроде улыбнулся, а может и нет - разберёшь там в зарослях бороды и усов. Я тоже в ответ слегка поклонилась и изобразила улыбку. Прошла дальше, а на обратном пути - вот чудо, слез со своего пьедестала и стоит, вроде меня ждёт. Да, так и есть. Сделал шаг в мою сторону и заговорил:

-Вы не могли бы дать мне ещё 20 бат. Мне очень стыдно, но больше не к кому обратиться.

Интересно!! Не к кому обратиться! Живёт тут три года, и знакомых нет? Или всем уже задолжал? А я, значит, похожа на богатую даму или дуру, которая одаривает всяких оборванцев? Быстро прикинула в уме - сколько десятков (ну не сотен же) могла бы выложить без ущерба для себя. А если дать сегодня 20, завтра попросит 30? Ну что ж 50 бат ещё могла бы выложить в «пользу бедных».

- Хорошо, я дам Вам двадцать бат, но с условием, что Вы мне расскажете свою историю, как Вы дошли до этого состояния.

- Да зачем Вам это?

- Ну, мы сделаем бартер: я Вам деньги, Вы мне - информацию, оплачу за рассказ.

Он подумал секунд пять. Вздохнул.

- Ладно, но надо где-то сесть – и посмотрел на мои белые шёлковые брюки - тут везде грязно.

- Ничего, сядем там, у моря на камни.

Я подстелила себе полиэтиленовый пакетик (да и брюки не новые). Он сел рядом, согнулся, опустил голову, помолчал. Понятно, человеку надо собраться с мыслями, решиться.

- Приехали мы с женой сюда отдыхать четыре года назад или меньше... Тогда мне было 37 (а выглядит на 50 – подумала я), а жена на четыре года меня моложе и очень красивая. Ну, в общем, банальная история. Дочке тогда было десять лет, её оставили дома: она активно и успешно занималась гимнастикой, у неё как раз в это время намечались зональные соревнования. Да, она и не рвалась – мы уже были с ней здесь. Тогда посмотрели все достопримечательности, на различных экскурсиях побывали. Теперь полетели вдвоём, и это был сплошной тюлений отдых: пляж, купание, фрукты.

Жена загорела, похудела, стала ещё красивее и выглядела лет на двадцать пять. А я рядом с ней, конечно, проигрывал – худой, рыжеватый, в очках. Я всю жизнь занимался наукой и

работал в научном институте, мы вместе работали. К тридцати семи годам я уже был "доктором наук", и руководил лабораторией. Жизнью был доволен. Родители дали мне хорошее воспитание, видимо, слишком хорошее... Говорят же: «добро должно быть с кулаками.» А я окончил музыкальную школу – играл на флейте, играл прилично в шахматы, и совершенно не знал теневую сторону жизни. За эти последние годы я не раз обдумал и проанализировал всё, что случилось с нами.

Так вот, уже прошла неделя отдыха, и тут появился этот турок – атлет, весь заросший шерстью. Я не очень обращал на него внимание, а жена обратила, и он на неё. Он пристроился к нам, когда мы плавали, но на берегу расположился отдельно. На другой день уже поздоровался и, вначале ненавязчиво, а потом всё откровеннее и, не стесняясь, стал оказывать жене знаки внимания. А я наблюдал за её реакцией, она вначале смущалась, стеснялась меня, а потом уже откровенно улыбалась ему, смеялась с ним – по-русски он говорил довольно прилично. Для неё это был, возможно, первый флирт после замужества, а для него, понятно, отработанная техника. Вот тут мне и надо было объяснить этому Кериму, что не стоит заводить интрижки с замужней женщиной. Но мне, почему-то, было неудобно выяснять отношения с Керимом, думал – через пять дней уедем, пусть жена развлечётся, на глазах же. А надо было учитывать разницу культур. Если бы я стал так откровенно ухаживать за его женой-мусульманкой, да ещё на виду у всех, думаю, что мне после первого поползновения переломали бы все рёбра. А я молчал. Ясно, что Керим стал относиться ко мне с пренебрежением. Что за мужик, который наблюдает со стороны, как обхаживают его жену, не ограждает её от чужих рук: сидя на пляже, Керим, как бы, невзначай, касался то её руки, то щиколотки. А я наблюдал, как последний идиот. Изучая в своё время труды Ленина, я страшно возмущался, что он назвал интеллигенцию «дерьмом». А

теперь думаю, что Ленин был прав. Мне неудобно было отшить подонка, воспитание, видите ли, не позволяло!...

Мы теперь и ужинали втроём, иногда и завтракали. Единственное, что я себе позволял – это иронично подшучивать над женой: мол, «завлекла богатого поклонника, может он паша, или султан, или визирь султана? Изумрудов тебе ещё не дарил? Ну, хоть будет что внукам рассказать».

В последний вечер перед отъездом, жена после ужина (ужинали мы в ресторане отеля), попрощавшись с Керимом, пошла в номер. А мне предложила посидеть ещё на воздухе пока она вещи соберёт. К завтрашнему отъезду. Мы с Керимом и посидели у фонтана во внутреннем двореке отеля. Примерно через полчаса Керим встал, распрощался со мной, сказал, что уезжает через три дня. А я ещё посидел минут двадцать и поднялся в номер.

Жены не было. Сразу подумал – пошла прощаться с Керимом? Спустился вниз, обошёл вокруг отеля, близлежащие улицы – их не было. Что делать?! Заявлять, что у меня ушла куда-то жена? Глупо... Сел ждать. Ждал и каждую секунду сходил с ума. Воображал себе все возможные варианты их свидания. Решил: увижу Керима - зарезу! Господи! Да, чем же я его резать буду?! У нас только маленький пластиковый нож!...

Она не пришла и утром. Через два часа посадка в автобус, чтобы ехать в аэропорт, а её нет!! Всё-таки решил – найду русского гида, расскажу ему. В её паспорте есть фотография.

В сейфе паспортов не было – не было и пластиковой сумочки, в которой лежали паспорта, деньги и другие документы. Но что-то в сейфе лежало – это были несколько купюр в долларах, в батах и в рублях. Ушла, уехала? Зачем мелочь оставила, у меня же есть пластиковая карта. Но и пластиковой карты на месте не было. Билет обратный оплачен, но без документов меня не выпустят!. А она!! Где, где её искать? И когда? Автобус вот- вот отойдёт. Надо посмотреть

её вещи... Кое- что осталось, но забрала лучшее. Я совсем потерял голову. Плевать уже на Керима, лишь бы она вернулась!

Кто-то постучал в дверь. Жена!! Я вскочил, открыл. Вошли двое. Заговорили по-английски.

- Мы знаем, что у вас пропала жена. Мы знаем где она. Идёмте с нами...

«Хотят выкуп?! Но для выкупа моих денег не хватит. Есть ещё обручальное кольцо и цепочка... Какой-то глупый детектив».

- Где она??

- Идёмте с нами !

Пойти с ними?... Неизвестно, куда заведут, не пойти – не узнаю где жена, даже если и пойду - вряд ли узнаю что-нибудь о ней... Я сел.

- Нет, я через час уезжаю.

Они усмехнулись:

- Куда поедете без документов? - Они и это знают!

- Она у Керима?

- Кто такой Керим?

И правда, кто такой? Ни фамилии, ни откуда он; может и не Керим, и не турок...

Один подошёл ко мне - Так Вы отказываетесь идти с нами? – наклонился. Я подумал - что-то сказать на ухо хочет, но вдруг почувствовал укол в предплечье... И ничего не помню. Очнулся на веранде отеля, в кресле. У ног – мои вещи. Судя по солнцу - уже полдень. Автобус уехал, в нём наша группа, наш гид, который, может, быть меня и запомнил.

Самолёт улетел. Телефона нет. Доллары и тридцать тысяч русских рублей пропали. Надо полагать – эти всё и забрали, но почему-то оставили сто пятьдесят бат. Вспомнил, что в холле

есть информационный стенд, там должен быть адрес консульства России в Паттайе.

В консульстве приняли моё заявление, записали адреса родственников в России. Но всё время удивлялись – зачем жена забрала все документы и даже копии. В фотоаппарате, который я упаковал заранее, были фото жены и один раз мелькнул профиль Керима. Фото пересняли, помочь обещали. Но личность мою подтвердить было некому, документы сразу оформить не могли, сказали – ждите. И начался кошмар ожидания. Каждый день я регулярно ходил в консульство. И дня через четыре мне сказали, что по их оперативным данным «человек, которого Вы знали, как Керима, улетел в Турцию с женой вечером накануне Вашего отъезда. Женщина, сопровождавшая его, была в восточном костюме и кроме глаз, ничего не было видно. Не исключено, что это Ваша жена, хотя паспорт на неё – был подлинный. Этот «Керим» известен, как вербовщик женщин для оказания различных услуг в странах Ближнего Востока. Правда, потом они все попадают в тамошние бордели. А затем их продают и перепродают по мере потери ими молодости и красоты».

Вот это - было уже выше моего понимания!. Как моя жена вообще решилась улететь?! Но, вывезли её ведь не насильно! И когда она могла договориться с Керимом?! Наедине она с ним не оставалась, во всяком случае, я такого момента не припомню... Телефон! Чем, чем он мог её заманить! У нас же дочь!

Через две недели из России пришёл ответ на запрос о моей личности. Прислали копию российского паспорта, мои фото, характеристику с места работы и письмо жены к её матери. Письмо она написала, видимо, перед отъездом из Паттайи, но на конверте стоял московский штемпель. Похоже, она отдала письмо вечером кому-то из группы, что бы сбросили в Москве в почтовый ящик.

И вот в нём своей матери она сообщала, что подписала контракт на год, по которому ей надо будет сниматься в

сериале какого-то фильма в Турции; просила позаботиться о дочери и обо мне. Написала, что Борису (т.е. мне) ничего не сказала, т.к. знала, что он будет против; но такой шанс упускать не хотела – «это ведь раз в жизни бывает и всего на один год»!

В консульстве мне объяснили, что запрос в Турцию, конечно, сделают, но найти её – шансов почти нет. Ни о каких съёмках речи быть не могло, т.к. «так называемый Керим» работал совсем в другой индустрии. Кроме того – «она ведь добровольно подписала контракт». Ну, а через год всплывёт ещё какой-нибудь документ, подписанный ею «добровольно».

Я в неистовстве бродил по Паттайе. Не помню ел ли, спал ли, хотя мне и дали убежище в Консульстве, пока готовили временный документ, чтобы улететь в Россию. Надо было подождать дня два. И, видимо, от нервного перенапряжения я заболел – бил озноб, болела голова и в таком состоянии, бродя поздно вечером по пляжу, поскользнулся на мокрых камнях, упал и ударился головой о камень. Очнулся в какой-то местной больнице. Одет я был ещё прилично, но т.к. документов у меня не было, сообщать было некому, то дня через три меня оттуда выставили. Но, трагедия была в том, что при ударе я повредил какой-то речевой центр мозга. Сказать, объяснить ничего не мог, да долго и ничего толком не помнил. Где-то через полгода, начал приходить в себя. Обнаружил, что нахожусь в каком-то убогом помещении, ухаживает за мной пожилая тайка. Даёт еду, в прохладные дни тряпьё – укрыться. Потом узнал, что работала она в отеле, где мы с женой проживали, и знала мою историю. Она и рассказала мне про травму и про больницу.

Только через год я начал вспоминать отдельные фрагменты своей жизни. Прошло ещё с полгода, пока я вспомнил всё, и начал сносно говорить. Снова пошёл в Консульство, но я имел такой дикий вид (видимо одежду мою хозяйка продала), что меня просто отогнали от дверей. Мне бы надо написать заявление, но я до сих пор плохо пишу, да и не на чем. На Ваши деньги я бы купил бумагу, ручки, вначале

поупражнялся бы, руки отвыкли писать, а уж потом снова схожу в Консульство с заявлением.

Да, однажды мне показалось, что я видел Керима. Вот и вся моя история.

- Почему же Вы до сих пор ни к кому не обратились? Здесь же полно русских!!

- Я как то пытался..., но, люди отдыхают! Им не до грустных историй. Могут и не поверить. Мало ли... попрошаек...

Я дала ему 300 бат.

– Помойтесь, приведите себя в цивилизованный вид, Вас тогда и впустят, и заявление примут.

Он так покраснел, что это было видно даже сквозь густой загар.

-Спасибо.

Я посмотрела в его голубые, близорукие честные глаза и как будто лёгкая насмешка промелькнула в них..., а может мне показалось... Хотелось бы ему верить...

В оставшиеся восемь дней моего отдыха, я его не встречала.



(Таиланд, Паттайя)

Хайнань!! Змеиная кровь



(Китай о. Хайнань)

«Кой чёрт несёт меня на этот остров!» - в двадцатый (или более) раз вопрошал себя или кого-то Николай Ильич, садясь в самолёт.

Друг уговорил два месяца назад. Старый друг, знакомы лет тридцать. В молодости любили бегать на лыжах, часто по воскресеньям с семьями устраивали такие вылазки в окрестности города.

Валентин моложе на одиннадцать лет, а Николаю Ильичу уже семьдесят. Болезни, соответствующие возрасту, уже имелись. Как всегда, говорят врачи: -«А что Вы хотите? Вспомните о возрасте...» Николай Ильич, конечно, знал сколько ему лет, но постоянно помнить эту цифру не хотелось. Он очень боялся старческой немощи и по утрам (вечером не было настроения) делал зарядку, бегал трусцой, обливался холодной водой зимой и летом. Курить бросил давно. А ещё Николай Ильич любил рыбалку – летнюю и зимнюю. Говорят – «время, проведённое на рыбалке, в счёт жизни не

засчитывается». Ежедневный труд с восьми до пяти вечера он сбросил с плеч год назад, и серый смок жизненной скуки его ещё не накрыл.

В мае друг Валентин предложил тур на о. Хайнань. «Санья – мировой курорт, море, девочки» - уговаривал Валентин.

Николай Ильич удивлённо поднял брови. Про девочек он ещё помнил, но не в том ракурсе. На всех девочек он смотрел, как на ровесниц своей девятнадцатилетней внучки Полюшки.

Летели вдвоём, т.к. и Валентин и Николай Ильич давно расстались с жёнами. Валентин оформлял документы и выбирал отель.

А Николай Ильич вдруг занемог: от летней ли жары или от «хорошей» рыбалки поднялось давление и три недели не опускалось. От лекарств, что выписал врач, началась аллергия: кашель и крапивница. Кашель и зуд измучили Николая Ильича. И мысли о чёрте, который несёт его куда-то, постоянно вертелись в больной голове. Никуда не хотелось лететь и ехать. Врач менял лекарства, дабы избавить пациента от побочных действий, которых в каждой таблетке содержалось раз в пятнадцать больше, чем пользы.

За пять дней до отъезда Николай Ильич запаниковал, решил вообще отказаться от поездки; даже потеря сорока тысяч рублей, уплаченных за путёвку, казалась мелочью по сравнению с ценой жизни.

Прочитав в интернете про различные болезни с его симптомами, решил, что у него «красная волчанка», а значит - летальный исход неизбежен. И тогда он решил ... лететь: - «за две недели не помру, а там будь, что будет. Зато увижу лучший мировой курорт».

Устроившись в узком самолётном кресле, Николай Ильич успокоился и после набора высоты задремал, а привычный уже

вопрос: - кой чёрт несёт меня на этот остров – всё также, хоть и медленно, вертелся между извилин мозга.

Вдруг он услышал голос – «что ты всё спрашиваешь: кой чёрт, да кой чёрт? Тебе не всё равно как его звать? Ну, Семён, или Джон, или Вацлав. Несёт он тебя и несёт, делает свою работу».

Николай Ильич открыл глаза. Перед ним, как бы на спинке впереди стоящего кресла, сидел кто-то в чёрном кожаном балахоне. Там, где должна быть голова – тёмно-серое пятно, но какие-то искры проблёскивали- глаза?

«Ты... Вы кто? - спросил Николай Ильич - самый-самый?». Его рука с вытянутым указательным пальцем потянулась вверх, но Николай Ильич опомнился и указал ВНИЗ.

«Нет, я только полномочный представитель. Так зачем тебе имя моего сотрудника? Тем более их несколько. Каждый на своём этапе направляет тебя... А то, уж больно ты правильный, даже противно».

Николай Ильич не успел ответить. Голос стюардессы объявил по всему салону: - «Пристегните ремни, входим в зону турбулентности».

Самолёт ухнул в яму. Николай Ильич моргнул и ... никого нигде не было. Он покосился на Валентина: тот дремал в своём кресле. " Приснится же чертовщина. Меньше надо поминать чёрта" - тут же сказал себе Николай Ильич.

Приземлились, поселились в отеле. Номер был просторным, стандартным - две кровати, столики, кресла, холодильник, сейф; но по TV по всем каналам - только китайские передачи и фильмы. Внизу хороший ресторан, во внутреннем дворике - большой красивый бассейн.

На следующий день поехали на обзорную экскурсию.

За окном автобуса сверкало море, вдоль дорог росли пальмы с зелёными кокосами, какие-то кусты с жёлтыми и красными плодами и всё это освещалось жарким, тропическим солнцем. Николай Ильич отвлёкся на окружающую красоту и уже не спрашивал себя – кто и куда его несёт. Потом проехали скоростной тоннель; сопровождающий гид, милая женщина-китаянка, объяснила, что «под городом несколько скоростных тоннелей; этот длиной два километра, но есть и длиннее. На Хайнане – продолжала она - живёт более двадцати национальностей. Есть и мусульмане, потомки персидских купцов (здесь проходил когда-то «шёлковый путь»). На острове запрещена всякая промышленная деятельность, поэтому здесь очень чистый воздух. По чистоте воздуха, Хайнань занимает второе место в мире после Кубы. На острове произрастает сто тридцать семь противораковых растений и даже растёт дикий чай. Много жителей, которым более ста лет». И она многое ещё чего рассказывала интересного про парки Хайнаня, про термальные источники и остров обезьян. И Николай Ильич подумал, что он тут, возможно, и вылечится.

Как обычно на обзорных экскурсиях, посетили шёлковую фабрику, сувенирные лавки, фабрику по производству медикаментов из натурального сырья. Хрящи, печень и жир акулы, внутренности морского котика и женьшень — это натуральное сырьё использовалось для производства медикаментов. На последней такой фабрике упорно предлагали все эти экзотические продукты оздоровления.

Гид предложила поехать на змеиную ферму и очень убедительно живописала-рассказывала, как полезна змеиная кровь для здоровья, как омолаживает организм и повышает иммунитет. В группе часть туристов отказалась от поездки на ферму, а часть загорелась желанием попробовать «кровушки». В любом сообществе найдутся экстремалы... Особенно

рвались на ферму три старушечки – видимо, очень хотели омолодиться.

Валентин тоже хотел поехать и очень уговаривал Николая Ильича. Решили ехать. «Ферма» располагалась в каком-то бараке внутри двора среди таких же одноэтажных облезлых домишек. На ферму в нашем понимании никак не тянула. Три почти пустые грязные комнаты, в больших кубических аквариумах ползали или лежали, свернувшись клубками, змеи разных видов, размеров, расцветок.

- Ну, что – спросила гид - будете пить кровь?

-Будем, будем – загалдели старушки.

Валентин, Николай Ильич и ещё один престарелый бодрячок тоже не стали отказываться.



(шоу «Поцелуй кобры»)

Все желающие сбросились по двести юаней, их рассадили на диванчиках. В начале, им показали шоу – «Поцелуй кобры». Дрессировщик держал в каждой руке по небольшой кобре, крутил их в руках, приближал друг к другу,

разводил в стороны и, видимо, уловив определённый момент, сблизил их головы. Тут раздался смачный звук-чмок, это кобры впились друг в друга. Дрессировщик быстро рванул руки в стороны и, сделав поклон, исчез за шторой.

Через некоторое время тот же дрессировщик принёс живую змею, держа её вниз головой, быстренько отстриг эту голову ножницами и выпустил кровь в стакан. Затем, вскрыв внутренности, вынул печень и размешал её в стакане с кровью. На столике уже стояли шесть стопок с водкой грамм по пятьдесят и в них быстро разлили стакан крови. Все выпили, закусив кусочками льда, которые подали в блюдцах. У Николая Ильича вдруг к горлу подступила тошнота, и он ощутил вкус крови. Но, проглотив ещё один кусочек льда, подышал глубоко и всё прошло.

В отель возвращались весело. Старухи развеселились, видимо от выпитой водки без закуски. Глазки у них блестели, увядшие щёчки зарозовели, они вспоминали какие-то анекдоты, строили глазки мужчинам. И Николаю Ильичу вдруг вспомнилась Наина в старости из кинофильма «Руслан и Людмила». «Это ужасно – думал Николай Ильич, глядя на них – или это уже змеиная кровь действует?...»

Он-то решился выпить этот варварский коктейль только ради здоровья. Может и давление стабилизируется, как гид уверяла; может, и кашель уменьшится... Валентин с бодрячком от старушек не отставали, анекдоты сами собой вспоминались, в машине все хохотали (кроме шофёра-китайца. Он не мог уловить двойной смысл анекдотов, хотя и понимал по-русски).

Через день была поездка на термальные источники, где множество больших и маленьких бассейнов с целебной водой и температурой от +30 до +60 градусов расслабляли, снимали стресс, лечили суставы уставших туристов. Николай Ильич

нашёл для себя небольшой и не глубокий бассейн – раза в три больше ванны, улёгся в него, расслабился и задремал. Вокруг бассейна живой изгородью росли какие-то кусты и необыкновенно крупные красные цветы свисали к самой воде. «Как в раю – подумал Николай Ильич и ухмыльнулся – а ведь занёс-то сюда чёрт».

Он посидел ещё и в бассейне, где маленькие от трёх до шести сантиметров рыбки щекотно объедали кожу с пяток и пальцев. Но, мысль, что это не гигиенично (там сидело человек шесть) выгнала его из воды через пять минут. Потом он поплескался в бассейне с кокосовым молоком, потом в другом с запахом лепестков хризантем (как было написано на табличках у бассейнов); погулял по дорожкам среди густых зарослей тропических растений и понял, что не зря прилетел на Хайнань.

Из рассказов гида Николай Ильич помнил, что на Хайнане десять парков: парк «Райский лес», парк «Мир орхидей», парк «Долина роз», и т.п.. Кроме того, есть «Ущелье бабочек», «Музей морских раковин», «остров Обезьян».

«Ну, китайцы! Это ж надо! Из всего делают деньги - думал Николай Ильич - разделили остров на зоны, каждую назвали по-своему, в какую-то насадили больше орхидей, в какую-то - роз, куда-то запустили больше бабочек, куда-то обезьян! Конечно, видна большая интересная и дорогая работа дизайнеров».

Так как цветы и бабочки друзей не интересовали, то на экскурсию поехали на остров Обезьян. Попасть на остров можно или на катере, или по канатной дороге. Решили, что лучше посмотреть сверху на море, на горы, на пролив, где расположена морская деревня (люди там живут и работают на воде всю жизнь). Остров обезьян – это единственный в мире заповедник, где живут около 1500 диких макак в природном

тропическом лесу, где растут диковинные деревья, необыкновенные душистые цветы и летают чудесные птицы и бабочки.

В тропическом лесу обустроили парк, а в нём обезьяний цирк. Милые дрессированные обезьянки светлой масти показывали разные трюки, смешно корчили рожицы, но, гид предупредил, что при этом могут и что-нибудь стащить под шумок. По парку бегали и дикие макаки. Перед Николаем Ильичом шла женщина с ребёнком. Откуда-то с дерева спрыгнула пушистая обезьянка, выхватила у мальчика бутылочку с водой, ребёнок вскрикнул, протянул руку, и тут обезьяна укусила его за палец. И мама ребёнка, и гид начали ругаться, выясняя – кто виноват.

А через день пришёл тайфун. На ресепшене объяснили, что вообще-то сейчас не время тайфунов; они бывают в августе-сентябре, а этот только краем задел Хайнань. Но пальмы сгибались и стелились от ветра, как ковыль в наших степях. Заборы, ограждающие стройки, полегли сразу, на улицах ни машин, ни людей, ливень завесой закрывал обзор из окна. В отеле Николай Ильич, валяясь на кровати, ломал голову над sudoku, а Валентин маялся, переключая каналы телевизора.

«Пивка бы... Может, я сбегаю – предложил Валентин – тут ведь рядом, в отеле напротив лавочка. Пойду в плавках, будто я из бассейна вышел, а юани спрячу в карман в плавках».

Отель, в котором продавали пиво, стоял напротив, как бы в одном дворе; между отелями была дорожка с деревянным настилом, справа от дорожки – общий бассейн, слева на газоне росли пальмы.

Валентин переоделся, завернул 100 юаней в кусочек полиэтилена, спрятал в карманчик плавков. Выйдя из отеля, он понял, какой силы ветер! Кое-как спустившись со ступенек

отеля, Валентин, согнувшись, почти полз по дорожке, но тут сильный порыв ветра слева почти сбросил его в бассейн. Он рефлекторно ухватился за большой лист пальмы, оказавшийся перед ним так же от порыва ветра. Громадный лист размером с хорошую ветку не смог удержать Валентина. Лист оторвался от пальмы, и они вместе упали в бассейн, при этом Валентин как-то оказался на листе. Ветер погнал этот «плот» к противоположному бортику и Валентин, не успев с амортизировать руками, ударился головой о каменный бортик бассейна.

В это время старший администратор отеля, стоя у окна вестибюля, увидел, как Валентин барахтается в воде: - «Что эти русские туристы только не придумают! В тайфун, в ливень – купаться в бассейне!!»

Валентин кое-как зацепился за бортик бассейна, перебирая руками, добрался до места ближе всего расположенного к своему отелю, выбрался из воды и вошёл в отель. Тут его встретил старший администратор:

– Платить штраф. 200 юань.

– Валентин остоленел

–?? За что?

–Ви нарушил правил: нельзя купаться тайфун. Вон висит правил -100 юань. Ви сломал пальму -100 юань. Все турист ломать пальму – будет пустынь».

Администратор всё это высказал очень эмоционально, при этом энергично жестикулируя, но вдруг увидев, что у Валентина по щеке течёт кровь из разбитой головы, что-то громко сказал по-китайски девушкам за стойкой. Те побежали, принесли бинты и какую-то жидкость. Голову Валентину обработали и забинтовали.

Валентин молча вытащил из кармашка плавок 100 юаней и отдал администратору.

Когда Валентин вернулся в номер, Николай Ильич всё также спокойно полулежал на кровати, разгадывая кроссворд. Валентин вкратце описал своё приключение. «И самое обидное – заключил он, что ни купаться, ни ломать пальму я не собирался, я ж не дикарь... И без пива остались...»

От нечего делать решили днём поспать. И просыпаясь, в полусне Николай Ильич услышал пение, ему казалось, что он сидит в театре и слушает итальянского тенора. Но, неизвестный пел по-русски.

Николай Ильич окончательно проснулся. Тайфун, видимо, прошёл, в щели от задёрнутых штор пробивались солнечные лучи, а пение продолжалось... Валентина в комнате не было, но в лоджии виден был его силуэт. Пение прекратилось, и раздались бурные овации. Николай Ильич вышел на балкон. Валентин выглядел смущённым, но и довольным.

-Кто пел?

-Я

-??

-Не знаю, как-то странно получилось. Вышел на балкон, тут солнце, тепло и так петь захотелось!!! И слова какие-то сами вспоминаться начали и запелось.

С балконов кричали: «бис», «ещё, ещё», «браво!»

-Ну что ж, спою ещё - Валентин вздохнул, глубоко вдохнул и запел:

-«Как ярко светит после бури солнце, его волшебный луч всё озаряет...»

Откуда? Откуда Валентин знает эту прекрасную неаполитанскую песню? А Валентин пел и сам вдохновлялся

от своего пения. И хотя эта лучезарная песня совсем не сочеталась с его белым махровым отельным халатом, это его не смущало.

Старший администратор на первом этаже тоже слышал пение и овации: - «Опять русские! Ну, хоть ничего не ломают...»

Теперь почти каждый вечер Валентин давал концерты на площадке у бассейна. Его приходили слушать из других отелей и не только русские. Однажды пришёл с гитарой молодой китаец, и стал приходить регулярно. Репертуар Валентина оказался, как ни странно, очень обширным, он исполнял и по заявкам. Иногда какую-нибудь знакомую песню подхватывали слушатели. Общее веселье объединяло! Вспомнили даже почти забытую популярную в пятидесятые годы песню «Москва – Пекин», где были слова: «Русский с китайцем братья навек...» После концерта люди шли в ресторан, и администрация отеля была очень довольна.

Конечно, у Валентина появились поклонницы. Особенно досаждала одна жгучая (скорее крашенная) брюнетка. Сказала, что она из Молдавии, что её звать Эсмеральда, при этом подмигнула чёрным покрашенным глазом; было ей лет за пятьдесят, и волосы она подкалывала заколкой с искусственной розой. Всех других, желающих пообщаться с Валентином, она как-то умело отстраняла и оттесняла.

Валентин злился и однажды заявил Николаю Ильичу, что «переименую её в Дездемону и задушу своими руками». На что Николай Ильич резонно заметил ему –«А, тебя потом расстреляют на площади, это в лучшем случае. Помнишь, гид на экскурсии в монастыре рассказывал, что китайцы боятся тюрьмы больше, чем смертной казни. В тюрьме их почти не кормят, в лучшем случае дают воду, преступники сидят прикованные в одной позе. Тех, кого осудили на

«пожизненное» отправляют на юг, на фабрики по расфасовке специй. Там они быстро погибают в страшных мучениях от того, что лёгкие забиваются перцовой, чесночной пылью и пылью отходов других пряных трав. Терпи, уже три дня осталось до отъезда».

При отъезде администратор отдал Валентину 100 юаней, сказав – «штраф нет. Приезжай ещё».

Возвращаясь домой, в самолёте Валентин сказал Николаю Ильичу – «Ну вот, теперь моя старость обеспечена, буду петь в ресторанах. А может мне сразу уволится и заняться пением?!».

А Николай Ильич размышлял – «скорее всего, чистый морской воздух причина такой метаморфозы у Валентина, но ведь должен быть и какой-то толчок к этому. Может это змеиная кровь так повлияла? Может быть, змея была старая и мудрая и решила одарить перед смертью Валентина таким талантом. А почему Валентина? Наверное, потому что он моложе всех был в той нашей компании. А чем мне помогла змеиная кровь? Прошёл кашель, зуд, вообще жизнь ощущается с позитивом».

Он посмотрел на знакомых трёх старушек, что сидели через проход. Они тоже вроде помолодели, уже не скажешь – «старухи», скорее - пожилые женщины, а лучше «женщины в возрасте» - как пишет Рубальская.

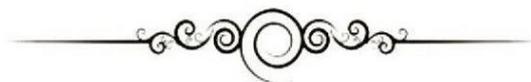
«Ну, спасибо, чёрт, что ты меня сюда занёс – Николай Ильич впервые за две недели мысленно произнёс это слово.

За его левым плечом сидел, не видимый никому, маленький серенький чертёнок. Он уловил мысль Николая Ильича и довольный ухмыльнулся.

А за правым плечом сидел, сложив белые крылья, тоже никому не видимый, ангел. Ангел думал: - «сколько же раз за

последний месяц ты поминал этого и даже сейчас. А обо мне ни разу не вспомнил. Это ведь я охраняю тебя всю жизнь. В детстве, когда ты падал, когда на тебя в пять лет бросилась большая собака, когда ты дрался со сверстниками, я своими крыльями загоразживал тебя от наиболее сильных ударов, ослабляя их. Конечно, ты сам выбираешь свою дорогу, иногда под влиянием Этого, уж очень активного, серого, что трётся за твоим левым плечом. А моя задача не дать тебе погибнуть раньше времени, отмерянного тебе; не дать тебе опуститься до скотского состояния. А ты вот пьёшь кровь гадов! Это богопротивное деяние. И я виноват, что не уберёг тебя от этого. Но, хорошо, что всё нормально закончилось, и ты выздоровел. Но, иногда перед сном не мешает и ко мне обратиться – «Ангел мой, будь со мной. Ты впереди – я за тобой». Ведь ты уже в том возрасте, когда надо больше думать о душе».

Николай Ильич подсознательно улавливал мысли ангела; убаюканный равномерным гулом самолётных моторов, овеваемый ветерком ангельского крыла, он спокойно уснул в самолётном кресле.



РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ



Новости 1920-года

Примерно в 2005 году моя подруга Ирина привезла из города Свободного— её малой родины - три газеты 1920 года выпуска! Разбирали на чердаке старого дома вещи и нашли в сундуке газеты, репродукции гравюр из старых журналов и ещё какие-то бумаги.

1920 год! Это же период интервенции Японией Дальнего Востока!

С дрожью разворачивала я тонкие пожелтевшие листы. Газетам по восемьдесят пять лет, другая эпоха, другая Россия!! Газеты - «Амурское слово» и «Амурская жизнь» от 1 января и от 4 января 1920 года, напечатаны в Благовещенске.

Формат газеты такой же и масса объявлений, как и в современных газетах, новостные и рекламные материалы, городская киноафиша, частные объявления, криминальная хроника.

Вот некоторые объявления и заметки, показавшиеся мне интересными:

«Продаётся выездная кошевка, шины для подков, седелка, сено стогом – первый сорт. Театральная 56.»

«Продаётся конское мясо, Амурский базар, мясные ряды. Покупаю коней для мяса».

«Желаю купить автомобиль до 40 сил, ул. Станичная №11»

«Продаются горжеты скунсовые, лисьи, муфты, мужская шапка котиковая, барнаульская шуба – ул. Кузнечная 43 кв. 2»

«На Ипподроме сегодня в воскресенье - 4 января 1920 года в 11 часов – БЕГА. Состоится частное пари в 10000 рублей!»

«Вновь оборудованный завод вырабатывает ШТАУФЕР (? шифер?) Адрес: Коммерческая 35»

«С 6 января поступает в продажу БАРДА на Амурско-Зейском винокуренном заводе (бывший Лукина) —набережная реки Зеи, угол Иркутской, тел. 524»

А вот ещё – в новогоднюю ночь «задержаны за появление на улице в пьяном виде С.Д. Корненко, С.В. Мокин, Н.П. Кривун и П.М. Леонов.» «За халатное отношение к караульной службе начальником самоохраны оштрафованы следующие самоохранники по пятьсот рублей: С.В. Баранов, Н.И. Сошников и т.д. (всего 14 человек.) По триста рублей: Григорьев, Воробьёв и т.д. (всего 13 чел.)»

За неочистку тротуара против дома №23 по Садовой улице привлекается Е.З. Платонов.»

(Печатали же фамилии и не стеснялись, сейчас бы так!)

В разделе «Вести из столицы» маленькая заметка:

«В боях под Петроградом принимали участие и суда большевистского флота. Левый фланг армии Юденича обстреливался всё время огнём орудий дредноута «Полтава», вошедшего в Неву и стреляющего с 9-ти вёрстного расстояния поверх домов столицы».

Раздел «По нашей окраине»:

«По всей линии железной дороги от Владивостока до ст. Океанской до такой степени все разъезды и станции запружены вагонами с живущими в них, что никакое маневрирование поездов невозможно; от этого страдает доставка в город дров и угля».

«Из Владивостока ушли японские пароходы, зафрахтованные для перевозки на родину чехословацких войск из России».

«Главный начальник края генерал Розанов приказал атаману Калмыкову и управляющему Приморской областью организовать охрану зимнего почтового тракта Хабаровск – Николаевск. Для охраны тракта будет привлечено местное население».

«ПРИКАЗ атамана Семёнова от 25 декабря 1919 года №12

О необходимости образования при главном начальнике снабжения войск Дальнего Востока и Иркутского военного округа совещания из представителей от существующих органов самоуправлений, общественных, профессиональных и экономических объединений для обсуждения мероприятий по поднятию экономического благосостояния населения вверенного мне района...»

(Вот как! Вверенный атаману Семёнову район оккупирован японцами, идёт гражданская война и при этом, он озаботился экономическим благосостоянием населения!)

На этом же совещании было принято решение об утверждении фиксированных цен на продукты первой необходимости: муку, гречневую крупу, соль, сахар, фуражное зерно и сено, керосин.

Большая статья: «НЕДОИМЩИКИ»

«В пятницу 26 декабря в заседании Благовещенской городской думы, городской голова, выступавший в защиту необходимости повышения платы за электрическую энергию с 15 до 30 рублей за килоуатт, между прочим сообщил, что повышение платы вызывается отчасти крупными недоимками за абонентами, которые также необходимо принять во внимание.

Величина этих недоимок за электрическую энергию достигла почтенных размеров в полмиллиона рублей.

На запрос гласных, кто же является таким крупным недоимщиком, городской голова пояснил: японское командование, русские воинские части, тюрьма и правительственные учреждения.

На вопрос – какие меры принимались к получению недоимок, получился стереотипный ответ: просили, писали, но без результата.

Обращались к управляющему областью, но с тем же успехом, или вернее неуспехом.

Пробовали пригрозить выключением тока, но получили строгий приказ – не выключать, т.к. тюрьма не может остаться без освещения.

Городское самоуправление оказалось в безвыходном положении и принуждено терпеливо созерцать рост недоимок и проистекающие от этого убытки распределять между другими более аккуратными плательщиками. Обывательский карман весьма терпелив, но, к сожалению, не бездонен и запасы средств в нём весьма истощились.

Правительственным учреждениям следовало бы служить примером законности и аккуратности и не нарушать их, пользуясь правом сильного. Такое право родит безправие.» (орфография сохранена)

(Похожа ситуация на наше время!?)

В газете «Амурская жизнь» от 1 января 1920 года колонка редактора. Этим текстом я и закончу краткий обзор нечаянно попавших мне в руки газет:

«Умер старый год. Умер и унёс с собой отгадку той дикой вакханалии, которая в своём вихре снесла крепкие устои здравого смысла... Пусть же скорее скроется в вечности этот

год. Пусть отнесёт и передаст истории правду о наших чёрных днях.»

Вот, какая-то правда и дошла до нас.

Когда читала старые почти истлевшие страницы газет, было ощущение, что попала в то время. Названия некоторых улиц оставались прежними, казалось, что можно пойти на улицу Кузнечную и купить муфту или эту странную «барнаульскую» шубу. А мясные ряды на Амурском базаре я застала в начале 70-х. Они были всё те же, что и в 20-м году, а вкусная копчёная колбаса из конского мяса была без консервантов и красителей. Читала, что орудия дредноута «Полтава» обстреливают левый фланг армии Юденича и воспринимала это в настоящем времени. Вот она- магия живого слова!

Летом 2017 года я нашла характеристики Благовещенских газет 1920 года в «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX-XXI веков» в статьях А.В. Смыковского. Вот выдержки из этих статей:

«Газета «Амурская жизнь» выходила в Благовещенске по инициативе Амурской областной земской управы с октября 1919 года по февраль 1920 года, позиционировала себя как внепартийное издание, отстаивающее интересы среднего класса. В центре внимания корреспондентов «А.ж.» находились наиболее острые вопросы, связанные с последствиями гражданской войны: тяжёлый экономический упадок, перебои в продовольственном и топливном снабжении, транспортный коллапс, чудовищная инфляция, разгул преступности и пр. Издание прекратило существование в связи с восстановлением советской власти в Приамурье. «Амурская жизнь» являлась одним из самых влиятельных демократических изданий области в период Гражданской войны и интервенции».

«Газета «Амурское слово» - ежедневная общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в Благовещенске с июля 1919 по февраль 1920 года при финансовой поддержке колчаковских властей. Первую и последнюю полосы газеты занимали постановления местных органов власти, обзоры центральной и зарубежной прессы, часто приводились объемные выдержки из газеты «Голос Японии». Особое место в издании отводилось литературным материалам, которые помещались в каждом номере на второй или третьей полосе ... Большой частью эти материалы носили критический характер по отношению к большевицкой власти. Издание прекращено в феврале 1920 года в связи с восстановлением советской власти в Амурской области».

Газеты Ирина сдала в Амурский областной краеведческий музей; но, перед этим, я кое-что выписала в свой блокнот. Жалею, что мало.

И я сохранила несколько газет 1992 года, может быть, и наши потомки что-то узнают о наших черных днях.



Ветки старой черёмухи

Она проснулась от духоты. В это сырое лето комарья наплодилось полно, окна и двери приходилось закрывать плотно. В темноте нашарила выключатель и взглянула на будильник – десять минут четвёртого, а вроде выпалась. Легла ведь, как только смерклось, восьми не было. Телевизор редко вечерами смотрела, хоть и купила большой цветной, чтобы всё как у людей – для того и держала каждый год пару свинок, неизменных Борьку да Машку.

Полежала ещё немного, потом начала одеваться. Дел-то, дел по хозяйству полно, и свиньям варить пора и огород почистить надо. Зачерпнула ковшом воды, отпила и вышла на крыльцо. Прохладно.

В сентябре светает не так уж рано, рассвета ещё не было, но чернота уже спадала. Вернулась в избу, набросила телогрейку, платок, в сенцах взяла ножовку – всё в хозяйстве лежало на своих местах, и хоть с закрытыми глазами, хоть в темноте могла она найти любую мелкую вещь.

Давно собиралась отпилить две сухие ветки у старой громадной черёмухи, что росла у самого дома. В свои семьдесят с лишним лет она каждый август забирается по стремянке на плоскую крышу пристройки, где ветки лежат на тёплых ветхих досках крыши и можно рвать ягоды и сидя и стоя на сколько хватает рук, а верхние так и остаются не обобранные и висят пока их не собьёт ветер или не склюют воробьи. Оставшиеся ягоды довисят до весны и тогда уже молодые побеги заставляют их, старых и высохших, опасть на землю.

Другими делами сейчас не займёшься – темно, а эти две ветки спилить самое время. Соседи все старики глухие, измученные бессонницей, засыпают под утро крепко и не слышат ничего.

Пилила и думала: «Да, старики одни вокруг, молодых вовсе нет, живут дети в отдельных квартирах, по всему городу разъехались, а то и дальше, а старики так и живут в своих избах, обещают снести дома, и не сносят. Да, и куда от земли денешься! Рядом дед Николай живет с бабкой, совсем старый, восемьдесят третий год пошел, зимой почти не вставал, ноги не носили, а весна пришла, стал на лавочку выползать, до обеда посидит, кости погреет, а после и в огороде пошарится, а там и рассаду потащил в парники пересаживать. Вот ведь, как не болел, а о жизни думал. Так потихоньку весь огород засадил, за лето и ожил. Бабку-то его гипертония замучила, совсем в наклон работать не может, а он сухой коряжиной скребётся по двору, помаленьку, хоть и с одышкой дело делает. Куда же от земли уйдёшь, она и кормит и лечит и силу дает.

А детям нашим всё некогда. Прибегут огород покопать когда-никогда и на том «спасибо». А уж когда начинается свежая редисочка да огурчики, все вспоминают, что у них бабки есть. И тогда от радости, что видишь своего ребёнка или внучонка всё готовы им отдать – себе ещё нарастёт.

А у нас только и остался один внучек – Вовкин сын. Вовке уже пятый десяток, а всё Вовка. Да и сама она всё ещё Лушка. Лушка да Луша, никто по отчеству её, наверное, и не знает. В отделе кадров, когда документы на пенсию выдавали только и назвали по имени-отчеству.

Теперь бы ей и прабабкой можно было быть, если б Катькин старший не сдурел да не запил с семнадцати лет, и пошло одно горе за другим. Киоску обворовали с такой же шпаной – ящик водки унесли и пяток банок консервов. Пацанов поймали, Катькиному Пашке два года дали, отсидел, вышел, а через год опять сел за драку. Оттуда уже больной вернулся и пил запоем, через год помер. А потом и с Катериной беда – два инфаркта и нет Катерины, уж восемь лет как нет».

Она тяжело вздохнула. Допилила ветку, и та с тяжёлым хрустом упала на землю. Заметно посветлело. Лушка опустилась на крыльцо передохнуть.

«Полжизни прошло здесь. Как мужа схоронила, так в город и подалась, купила здесь этот домишко с огородом, как смогла, прилепила к нему пристройку с отдельным входом для квартирантов. Соседи помогали столбы ставить... Постепенно и летнюю кухню слепила и сараюшку для свинок. Дети подрастали, работали в огороде и по дому, но больше и требовали.

А как в селе после войны хорошо жили! Бедно, конечно, но весело! И мужа дождалась с фронта, и дочка с сыном подросли, а Наташка, та уже после войны родилась. Родня была большая. На праздники ли, на поминки, на родины собирались все, несли на закуску у кого что было, а бражку уж она сама Лушка варила. Лучше её, вкуснее да хмельнее никто не умел. В родне и гармонисты, и танцоры – все были, да ещё и соседи заглянут и тогда уж праздник на пол-улицы».

Она вспомнила, как гуляли однажды на 9 Мая, и тихонько засмеялась. Да, до сих пор смешно – утром проснулись, а брат Федора, мужа, в собачьей будке спит, вместо Жулика – пёс был здоровый и конура под стать собаке. Жулику, видно, жарко стало – шерсть зимняя ещё не вылиняла, он с вечера на травке молодой и устроился. А Лёнька Федькин брат, его место занял, а как уж он в будку залез, самому Лёньке не понятно, еле вытащили. Тогда же утром и Катьку потеряли. Потом за ворота вышли, а она в кювете спит, в бурьян прошлогодний зарылась. Хорошо, весна сухая была - Катерина даже не простудилась, да и то - молодая, крепкая, шестнадцать годков уже стукнуло. Нет, хорошо, весело жили, дружно, день-два гуляют, и дети здесь же вертятся, где подадут, где уберут, а то и подпоют. Конечно, и драки были, а как же без этого, однажды мужики

сцепились, и Вовке нечаянно попало поленом по левой руке. Неделю синяя опухоль не спадала, пришлось к бабке водить.

Она ещё посидела минут десять, отдыхая, и начала прилаживаться ко второй ветке, та росла значительно выше. Бабка подставила стремянку, укрепила её, взобралась и начала пилить.

Опилки лёгкими щепотками брызгали из-под ножовки. Мысли опять вернулись к детям.

Как же она свою первую – Катерину - любила! Самой семнадцать лет было, как Катюшку родила. Пойдёт, бывало, в гости к матери на другой конец деревни и Катюшку несёт. Деревня длинная – одна улица вдоль реки. Идёт, идёт, и сил уж нет – Катька крупная тяжёлая. Прямо у дороги положит, развернёт и любуется. Уж, лучше её нет! И черноброва, и как яблочко налитая, щёчки пышут, а ножки-то, ножки – смех один! Мизинец еле видно, а на нём ещё и ноготок!..

Ничего теперь не осталось от Катерины и деток её, только вот мать одна и помнит. Мало того, ведь обеих дочек бог прибрал! Бог, это только так уж говорится, ни в какого бога она сроду не верила. Отчего же такая напасть?! А как про Наташку вспомнишь, так сердце и вовсе останавливается. Восемнадцатый год как схоронила. Доченька моя! Двадцать лет всего ей и было!

И собой-то была приятненькая светленькая, всем хороша, только училась слабенько, да ведь и ученье не всем даётся. Весёлая была и по кухне любила помогать, а как гости соберутся, всегда пела для них. Голосок тоненький звонкий и выводит, и выводит... А потом выпьет маленько, да и спит в уголку. Говорила я ей: «рано начала, погодила бы, твоё от тебя не уйдёт». А она всё больше да чаще, и не дома уже пьёт, а где попадя – еле до калитки добредёт и падает тут же. Чувствовала, видно, что мать не бросит. Ах, Наташка, Наташка, только

восемь классов окончила и замуж вышла. Не знала уж горевать ли, радоваться. Думала - муж будет, семья, там детки пойдут, остепенится. Так нет, и парень такой же попался. Вместе пили, гуляли неделями и работать постоянно не работали. Ох, и тяжкое было время, уж ругала их, ругала, а всё без толку.

Тонкий лучик просыпающегося солнца осветил верхушку черёмухи. Старуха почувствовала это, подняла голову. Надо передохнуть, но слезать не стала. Слезать, залезать – одна маята на старости лет. Прислонилась к черёмухе, усталую руку опустила вместе с ножовкой. «Да, был бы какой-никакой мужик в хозяйстве – всё было бы легче, а то везде сама, вот и Наташкин Сашка не прижился, да и то сказать – такое сотворил, вспомнить страшно».

Она снова принялась за ветку. «Деток у Наташки так и не было, ни одного не доносила. Переживала из-за этого сильно и пила запоем, даже Сашка меньше пил и уже вместе её ругали, а она всё пила. Потом стала из дома уходить. Неделями жила у разных подружек или ещё где-то, а Сашка ходил, искал её. Знала бы чем это кончится, запирала бы её дома. Так и в тот раз – два дня её не было. Сашка уже начал злиться и вечером пошел её искать, пошел, вроде, не сильно злой и водки-то за ужином не больше полстакана выпил, а через два часа приходит весь белый, трясётся.

- Мама – говорит – я Наташку зарезал!! Бежала, себя не помня, думала – может жива, может для испуга её кольнул! А нет ведь, пять раз ударил...

Двадцать годков, двадцать годков всего и было ей! Соседки, кто утешал, а кто и корил: сама, мол, виновата. Да, как же сама?! Какая мать дитю плохого хочет, я что ли её пить учила! Я - ругала. Нет, видно, у неё судьба такая.

Ветка начала падать, она подхватила её, но ветка оказалась тяжелой, и старуха чуть не упала вместе со

стремлянкой. Оправившись от испуга, она слезла на землю и устало опустилась на крыльцо.

В сараюшке давно настойчиво хрюкали свиньи. «Надо пойти, насыпать им груш, в этом году много падает, пусть успокоятся пока» Ныла правая рука, хотелось есть и не было сил подняться. И опять вспомнилось недавнее, вчерашнее.

Вчера приходил Володька. Помог в огороде убрать и перекопать, у свиней почистил. Поработал, вроде, не много, а сердце схватило, ох, и напугал! Побежала к соседям просить, что б сбегал, кто, помоложе, «скорую» вызвать. Пока врача ждала, выла в голос – думала - помрёт. Последняя кровинка! Уколы сделали и полежать велели. Он лежал, а она глядела и думала – господи, как на Фёдора похож, и лицом, и телом, и голосом. Фёдор почти в таком возрасте помер, так, ведь, от ран, что на фронте получил. И что же это делается – без войны, а детей лишаюсь! Все какие-то болезные.

Отлежался, усадила его с собой ужинать, а он не ест.

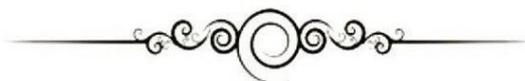
- Володенька, - спросила – может, водочки глоточек выпьешь для аппетита?

Как он на неё глянул! - От твоей водочки, мама, загноёшься, неужели сама не понимаешь? И тебе её бросать надо.

«Бросать! Нешто я алкоголик какой, так держу, на всякий случай, иногда вечерком с тоски и приложись. Одна ведь, одна – разве они понимают какво одной в пустом дому!»...

Откуда-то подул холодный ветер. Показавшееся солнце затянуло тучами и утро, обещавшее быть тёплым и радостным, стало серым и хмурым.

Старуха сжалась, сгорбилась – скоро зима – длинная, холодная, одинокая, нескончаемо одинокая зима.



Вишня

«Скорая» приехала через час. Это ещё хорошо, всё-таки не в городе да по разбитой и размытой от дождей дороге. Врач сразу сказал – «аппендицит, срочно собирайтесь: документы, пижаму, тапочки, стакан». Жена засуетилась, растерялась – пижамы сроду у Саньки не было.

Теперь он лежал на жёстком топчане в «приёмном покое» и радовался, что хотя бы кончилась дорожная тряска. В голове носились обрывки мыслей: –«это приёмный покой и поэтому так спокойно..., покойно..., покойник... Нет, нет, дети ещё маленькие...»

Рядом, в холле какой-то мужик громко разговаривал по сотовому, и в открытую дверь Санька слышал, как тот отдавал кому-то приказ – «подогнать» ему сегодня бутылку коньяка, не слишком дорогую – тысяч за, пять т.к. завтра его выписывают и «надо врача отблагодарить. Да упакуй, упакуй, чтоб на десять смотрелась».

Пришёл врач, поспрашивал, пощупал, отрывисто сказал – «срочно в операционную». Появились двое с носилками. «Я сам пойду...» «Ложись, отходился уж». «Как отходился?!?»

Потом наркоз. Очнулся в палате, огляделся; в палате – шесть человек. Двое лежат, двое ходят, один у окна сидит, и он шестой. «Живой, живой, всё закончилось!» – Санька даже чуть улыбнулся и уснул.

Температура держалась, рана гноилась, сделали чистку. Лекарства мало помогали. Лечащий врач хмурился, вздыхал и через три дня как-то смущённо сказал, что надо бы лекарство сменить на более сильное, но его покупать надо, у них в

больничной аптеке есть по две тысячи ампула, а надо минимум пять штук.

Тут он взглянул на Саньку и замолчал. Удивление в глазах Саньки сменилось на обычное тоскливое выражение. Не глядя на врача, он тихо и как бы извиняясь, сказал: – «я расчёт за месяц получил одиннадцать тысяч. Три отдали за коммуналку – свет, воду, три отдали долг в магазин, остальное жене оставил, она мне пятьсот рублей сунула на обратную дорогу.»

Врач вздохнул и ушёл; снова взял историю болезни: Александр Тахов, тридцать пять лет, работает кочегаром, живёт – пос. Горный. В направлении, что писал врач «скорой», внизу мелкими буквами приписка – «трое детей». Обычно про детей нигде не отмечают... Да, трое детей могут остаться сиротами. И, почему-то, жалко стало этого Александра Тахова и его детей, вспомнились его тоскливые глаза. «Да, нужен сильный антибиотик, аппендицит-то паршивый был, прямо в руках развалился, вроде и подчистили всё, но парень уж сильно истощён, организм почти и не борется.

Надо спросить у старшей медсестры, может осталось несколько ампул от того здоровяка, что выписали четыре дня назад. Там и без этого антибиотика можно было обойтись, но родственники подсуетились.»

Оказалось, что осталось две ампулы. «Мало, мало, ну колИ, введи ему сегодня вечером и завтра утром, а там посмотрим.»

В бухгалтерии удивились: – «Вы же, Олег Николаевич, никогда аванс не брали!» Выписал шесть тысяч, купил три ампулы. «Обещал купить младшему коньки, пока летние скидки, ну, да ладно, в следующем месяце куплю».

После двух инъекций Саньке полегчало, температура немного спала, и он даже с удовольствием съел суп, отметив про себя, что очень вкусно. И чего это не нравится некоторым!

Вечером медсестра, ставя ему третий укол, сказала: – «Благодарите Олега Николаевича, это он принёс лекарство.» Когда медсестра вышла, Санька вдруг вспомнил, как в первый день слышал в «приёмном покое» телефонный разговор, в котором мужик просил привезти бутылку, чтобы «отблагодарить врача». Бутылка стоила как его двухнедельный заработок.

В палате начали обсуждать тему благодарности врачам – кофе, хороший чай, конфеты. Санька молча тосковал. Тут вспомнили, что однажды какой-то охотник после выздоровления принёс своему врачу ляжку сохатого, а другой – рыбак принёс калужёнка. Запрещённая ведь рыба! «Ну а ты, Санька, – высказался дед, которого назавтра должны были выписать, – можешь принести Олегу Николаевичу ведро хорошего, отборного... угля.» Если бы они могли, ржали бы на всю больницу. Но, смеяться и кашлять – ох, уж как больно с распоротым и зашитым животом... Санька только криво улыбнулся.

Олег Николаевич никакой материальной благодарности и не ждал. Он переживал – хватит ли пяти инъекций, что бы Санька мог выкарабкаться.

Санька лежал третью неделю. Соседи менялись и почти все были местные. Каждый день то одному, то другому приносили передачи, и они угощали Саньку. Никогда он не ел таких вкусных киселей, таких наваристых бульонов, домашних кексов и заморских фруктов.

В детстве он постоянно был голодным. Мать с отцом хоть и работали, но частые компании в доме съедали всё

заработанное. Потом работы не стало, а родители и не думали искать хоть какой-то заработок. На самогон меняли домашние вещи. Огород они не сажали и Саньку этому не учили. Санька мечтал, что уйдёт в Армию и уедет из посёлка и где-то там начнётся новая жизнь и никогда-никогда он сюда не вернётся. Но, в армию его не взяли. Приехавшая в посёлок медкомиссия, обнаружила у него дефицит веса, плохое зрение и плоскостопие, и признала его негодным к службе. Санька плакал, не стесняясь, и просил, чтобы ему разрешили служить: —«я здесь сопьюсь, помру, я тут не могу, не хочу жить.» Уехать он никуда не мог, не к кому, а уехать в никуда было страшно. Это были как раз 90-ые годы, которые Патриарх Кирилл назвал «святыми».

Тогда же в восемнадцать лет он и женился. Соседка Люська была на год старше. Жила в такой же семье, после девятого класса работала уборщицей, но всё, что зарабатывала, дома отбирали, носила обноски старшего брата – футболки, треники. Жить они стали в доме у Люськиной бабушки на другом конце посёлка. Домик был не большой, но ещё имелся и огород, и маленький садик. Бабушка была только рада. Тогда же они и решили, что пить никогда не будут, а детям дадут хоть какое-то образование. Санька тоже после девятого класса работал, дворником, устроили по знакомству. А в двадцать один год его поставили сменным кочегаром. Работа, правда, была сезонная, но летом он искал какой-нибудь заработок, а его огородом любовались все соседи. Кроме того, Санька со старшим сыном, а потом и со средним постоянно рыбачил. Потом уж они и без Саньки ловили рыбу, и это был хороший приварок семье. Во всяком случае дети не голодали.

Олег Николаевич заходил каждый день. Он же и отправил Саньку на рентген лёгких, видя, как тот постоянно кашляет; он же и посоветовал Саньке сменить работу. Да где же тут другую

работу найдёшь? Только если в дворники снова... Иногда врач разговаривал с Санькой не только о самочувствии, спрашивал о детях. Санька с гордостью рассказывал, что старший, любит читать, оканчивает в этом году девять классов и будет поступать в строительный колледж.

Приближался день выписки, и Санька всё больше впадал в уныние. Он всё думал, что же сделать хорошее для Олега Николаевича. «Ну, как же я уйду, как свинья неблагодарная! Он же меня почти с того света вытащил.»

За день до выписки Санька, попросив телефон у соседа по палате, позвонил домой. Свой телефон, он при отъезде в суматохе забыл взять. Не долго разговаривал в больничном коридоре с женой, и пришёл, как бы даже и успокоенный.

На другой день к Саньке приехала жена. Документы он получил, но уходить не торопился, всё выглядывал в коридор, видимо, карауля Олега Николаевича. Наконец, увидев, что тот вышел из кабинета и пошёл по коридору в другую сторону, Санька быстро вошёл в ординаторскую и спросил, где стол Олега Николаевича. Ему показали, Он поставил у стола пакет с чем-то тяжёлым, попрощался и быстро вышел.

Олег Николаевич, сделав все срочные дела, решил заглянуть в палату к Саньке. Но, оказалось, что тот уже ушёл, в душе как-то царапнуло – «ушёл, не попрощавшись!» Вернувшись в ординаторскую, увидел пакет. «Тебе твой пациент принёс» – объяснили ему. Заглянув внутрь, удивился и улыбнулся. Сверху лежала записка: –«Спасибо за всё.... Извините. А. Тахов». За что «извините»? В пакете стояла трёхлитровая банка свежей вишни.

Дома жена обрадовалась, но, когда узнала, что это принёс больной, опять возмутилась: –«Ну, зачем ты берёшь у больных?! Этот, видимо измучился, думая, что тебе дать в

благодарность, люди из районов...Они так трудно там живут!». «Не брал я, не брал, ты же знаешь, что всегда отказываюсь, но он принёс и поставил, когда меня не было... может стеснялся».

Сварили две пол-литровых баночки варенья, дети наелись свежих ягод, и жена на ужин приготовила вареники с вишней. Вспомнила, как её мать кормила их такими варениками. Все другие члены семьи никогда не ели вареников с вишней. Как это вкусно, оказывается! Спасибо, тебе Санька!

А Саньку, пока ехали домой в пригородном автобусе, мучила совесть. Он всё думал, не обиделся ли Олег Николаевич, может другие врачи смеялись над ними. Кому-то вон бутылки коньяка дарят, а я вишню!

Долго в семье Олега Николаевича вспоминали эти вареники. На базаре вишня дорогая, покупали лишь детям полакомиться, А, вареники, оказывается, такая вкусняшка!!



Подлинная история

Марина работала в соседнем отделе, общение было чисто деловое. Она была в меру доброжелательной, хотя и несколько категоричной. Крупная нижняя челюсть уравнивалась очками с толстыми линзами. Крепкое тело, большой бюст – в общем: монументальная фигура. Думалось, что коня на скаку она остановит, но в горящую избу отправит своего мужика. А мужичок у неё был довольно незаметный тихий телемастер Алексей. Их дети уже выросли, жили своей жизнью. Сын работал в другом городе, дочь была замужем и ждала первенца.

Но, тут бес ткнул телемастера в ребро. Бороды Алексей не носил, поэтому неизвестно была ли там седина. Но, бесу виднее.

Видимо, надоело Алексею быть всю жизнь ведомым, а для кого-то на нём свет клином сошёлся. «Ну, а что - думал он – детей вырастили, жена не пропадёт... А тут... скучная жизнь «под каблуком», однообразная работа, жизнь проходит...» В общем, хоть и не сразу, телемастер решил и свою жизнь изменить и кого-то осчастливить; всё оставив жене, уйти налегке. Там, куда он собирался, его принимали с радостью и хоть в тапочках.

А Марина! В начале, она страшно удивилась. Как это?? Как уйти? Куда? И с чего вдруг? Потом возмутилась – никуда не уйдёшь! Я не разрешаю... И обычное - «только через мой труп.» Она ведь привыкла к Алексею (как-то о любви здесь и не говорилось), её всё устраивало. Мы все тяготеем к стабильности.

Скандалы длились неделю. Дочка тоже подключилась и выдвинула ультиматум – «если ты бросишь НАС, я брошусь с моста!» (И это-то на шестом месяце!) Ну почему НАС? Он же не отказывался от детей и внуков.

Тихий телемастер сдался. Поверил дочке, испугался, ну и привычка подчиняться.

Если бы они знали, чем это всё закончится, то сами бы собрали ему чемодан и не один.

Через две недели у дочки родился мёртвый ребёнок. На Алексея обрушился новый ураган обвинений и проклятий. Мы все были в курсе событий, т.к. Марина ничего и не скрывала.

Через три месяца у Марины обнаружили рак груди, после операции - инсульт. Через полтора года она умерла. До самого конца Алексей самоотверженно за ней ухаживал. К этому времени дочка успешно родила второго здорового ребёнка.

Прошло уже лет семь. Недавно я встретила Алексея на остановке автобуса. Остановка находится в районе их прежней с Мариной квартиры. Из этого я сделала вывод, что он там и живёт – в их трёхкомнатной квартире. Так как до того мы были едва знакомы, мы поздоровались, но спрашивать о его теперешней жизни, я сочла неудобным. Выглядел он ухоженным и довольным.

Вот такая, типичная история и описана типичными литературными штампами. Штампы в литературе, видимо, и возникли, что описывают однотипные события. У некоторых моих знакомых такое случалось, но с менее трагическим концом.

Я часто думаю – а нужны ли были такие жертвы? Марина перенесла столько моральных и физических мук; дочка потеряла ребёнка.!

Древняя мудрость говорит: - «бойся желаний своих, ибо они осуществимы». Не надо сгоряча желать другим различных неприятностей. Если они и не сбудутся, то вернуться к вам бумерангом.

А вот в любовных романах XIX века я часто встречала такую фразу – «как я могу составить Ваше счастье?» ВАШЕ! А не СВОЁ. А теперешнее общество слишком меркантильно. Живём под лозунгом – «Ничего своего не отдам». Ну, расстались бы мирно, и не было бы этих жертв. Может и Марина была бы жива, и внук бы родился. Нянчилась бы с первенцем, радовалась и утешалась этим.

Имена изменены.



Божий промысел

Она держала маленькое тёплое тельце, прижимала его к груди, рассматривала личико, тёмный пух на головке. Он моргал, чмокал, зевал, иногда останавливал взгляд слегка мутных голубичных глаз на ней, но, вероятно, не видел её. Она читала, что младенцы в первые недели жизни не различают ясно предметы.

Ребёнок был правнуком её подруги, но, взяв его на руки, она ощутила нежное щемление в груди. Мальчик завозился, закричал и она почувствовала под рукой, как намокли пелёнки. Развернула, чтобы перепеленать и стала рассматривать: крохотные согнутые ножки, ещё округлые подошвы стоп, малюсенькие пальчики и на них ноготки.

И ручки... Ручки! Ручка!! Уже сорок четыре года она стоит перед глазами! Крохотная оторванная от плеча, совершенно обескровленная, согнутая в локотке под прямым углом ручка..... Акушерка держала её пинцетом за локоток – сантиметр до плечика, сантиметр до ладошки с растопыренными пальчиками. ОНА вначале и не поняла, что это? Зачем ей это показывают. Ей, итак, больно и плохо.

«На, смотри – грубо и с презрением сказала акушерка – мог бы быть человечек!» Мог бы быть... Мальчик ли, девочка – мог бы быть человечек... Уже сорока трёхлетний человек! Уже бы внуки взрослые были, а может и вот такой же правнук.

Ребёнок на её руках моргнул, сдвинул едва наметившиеся бровки, почмокал и задремал. Она обнимала это чудо, покачивала его, хотя и не своё, но такое милое.

Никак нельзя было оставить того ребёнка. Дочке всего год, муж уезжает на шесть месяцев в командировку, а во

времена её молодости женщине после родов полагалось пятьдесят шесть дней декретного отпуска и свой очередной, если до этого не использовала, и всё – и выходи на работу. И как-то спокойно решилось, что надо избавиться от незапланированного – от случайной помехи.

Сейчас-то она думает иначе. Почему никак нельзя было оставить? Люди в войну рожали и детей растили! Правда, в этом городе ей некому было помочь - родители жили слишком далеко. Но тогда думалось о карьере, да просто о работе - ведь после декретного отпуска её могли перевести на другую менее интересную работу.

Но эта ручка! Она впервые осознала, что это уже был живой ребёнок, что ему, может быть, было больно и очень больно... Она почувствовала себя убийцей. Муж пришел вечером, она рассказывала и плакала, а он утешал - «больше не будем ни от кого избавляться, будем всех рожать». Рожать больше не пришлось. Было две попытки, окончившиеся выкидышами. «Организм запомнил»- думала она тогда. А теперь в старости, став сентиментальной, думает иначе: - «это всё Божий промысел – не нужен тебе ребёнок – и не получишь больше».

И с дочкой несчастье случилось, и нет у них внуков. Муж молчит, вздыхает, глядя на чужих ребятшек, и только однажды сказал: - «а наша веточка засохла...» Она не поняла, а он добавил – «тянулась, тянулась веточка с первобытных времён и всё...» Веточка засохла...

Да, образование получили, карьера удалась у обоих, по миру покатались, и с чем к старости пришли? Говорят – «с детьми горе, а без них вдвое». Интересно, - думала она сейчас – что же важнее – яркая жизнь в молодости, активная в зрелости или спокойная в старости? Спокойная – значит тихая, без внуков? А есть внуки – не будет скуки? - народная мудрость. Жизнь, конечно, прекрасна в любом возрасте, но сейчас как-то потеряла смысл. Она вспомнила, как её мать всё

говорила – «хочу пожить одна, спокойно», Мечта её сбылась – дети разъехались, муж умер, а она пережила его всего на три года, хотя была значительно моложе. И одинокая жизнь радости не приносит, даже, если и получаешь то, о чём мечталось.

Они подумывали усыновить ребёнка, но это всё откладывалось, откладывалось, а потом уже оказалось поздно – начались болезни.

Маленький на её руках закрутил головкой, сморщил носик и чихнул. Это её растрогало – как взрослый! А ему только три недели! Три недели всего из его будущей длинной жизни, большею частью трудной.

Месяца через четыре-пять подруга позвонила и предложила сходить в Дом Малютки – надо отнести вещи, из которых маленький вырос, да и новых много осталось, а там пригодятся. Их впустили, вещи взяли и предложили пройти в группы. В большой комнате стояло восемь кроваток. В каждой сидел или стоял, плакал или играл ребёнок от шести месяцев до года, непонятно мальчик или девочка – все лысенькие в одинаковых ползунках. Почти все повернули к ним головёнки, двое протянули ручки. Подруга подошла к ним. А она сразу обратила внимание на беленького с большими серыми глазами – подумалось: мальчик. Он сидел в кроватке, держался за прутья и молча смотрел на неё, как бы из клетки. Она подошла и взяла его на руки. Он оказался удивительно лёгким – сразу прижался к ней, положил голову на плечо и обхватил её шею ручками. Она гладила его по спинке и чувствовала, как бьётся его и её сердце.

-«Его зовут Олег -Олежек, тут имя дали - сказала сопровождающая их медсестра - ему одиннадцать месяцев. Мамочка его умерла при родах, совсем молоденькая, восемнадцать лет, студентка, никто за мальчиком не пришёл. И никто его не взял, он был очень слабенький, долго болел». Она ходила с ним по палате, гладила других детей по головкам,

разговаривала с ними. Олежек всё так же крепко обнимал её тонкими ручками. Когда пришло время уходить, он покорно сел в кроватку, но неотрывно смотрел на неё.

Дня три она промучилась, вспоминая его взгляд, а потом, накупив на всех подарков, поехала одна в Дом Малютки.

-«Хорошо, если Вы будете приходить регулярно, мы рады волонтерам» -сказали ей. И она стала приходить; кормила их, меняла ползунки, но больше всех тянулась к Олежке. Он на её руках повеселел, стал активнее, лучше кушал и через два месяца начал ходить вдоль кроватки по периметру и сам этому радовался. Она приходила домой и с воодушевлением рассказывала мужу про Олежку. Вот он громко засмеялся, вот стал сам пить из кружки. Иногда, а потом всё чаще и чаще они вдвоём уже приходили к Олежке и вместе гуляли с ним в скверике при Доме Малютки.

И вдруг на них стали сыпаться несчастья. Вначале она сломала ногу, перелом был сложный, пришлось делать операцию. Два месяца она носила аппарат Елизарова, потом училась ходить по квартире, хозяйством занимался муж. В городе началась эпидемия гриппа, и вначале заболел он, затем она. Спасибо соседям и друзьям – помогали, подкармливали, приносили что-то из магазина; потом пригласили и работника из соцзащиты. Она перенесла грипп легче, а у него начались осложнения – болела спина, почки, отказывали ноги, потом сердце. Ни лекарства, ни народные средства не помогали. Через восемь месяцев он умер. Она была готова к этому – врачи предупреждали, но никак не могла привыкнуть, что осталась одна. Ей всё казалось, что он тихонько стонет или зовёт её. Еду готовила по привычке на двоих. Она сильно одряхла.

Наконец собралась к Олежке – почти год его не видела и боялась, что он отвык и не узнает её. Но оказалось всё хуже. Хуже для неё. Олежку усыновили, адрес ей не дали - нельзя по закону. Но, утешали тем, что люди его забрали хорошие, бездетные, обеспеченные и он на них очень похож. Умом она

понимала, что для него это хорошо, но душа её тосковала. Она стала ходить по паркам, скверам, по детским площадкам, высматривая его. Но в большом городе встретить нужного человека сложно, встречаются, когда не ждёшь. Так и случилось. Она сидела в скверике и наблюдала за голубями. И вдруг увидела: по аллее прямо к ней идут трое – в центре, держась за руки взрослых, шёл мальчик с большими серыми глазами. Олежек!! От радости у неё сел голос, сердце стучало... Когда подошли ближе, она позвала, получилось шёпотом – «Олежек..., Олежек». Он посмотрел на неё и будто узнал – бровки взметнулись, ротик открылся. Она протянула руку, и он дёрнулся к ней. Взрослые встрепонулись – «Что Вам нужно? Вы кто?».

-«Я...Я к нему приходила... Мне ничего...Разрешите только видеть его иногда, если можно, разрешите...и помогать вам ,как бабушка...» - она торопилась всё сказать пока они не ушли, не увели его.

- «А, вы та бабушка, что навещали его, а потом исчезли? Нам рассказывали. Ладно, ладно – мы вам позвоним».

Мужчина подхватил ребёнка на руки и быстро пошёл. Олежек из-за плеча молча смотрел на неё, как в первый раз из кроватки, но бровки и губки сжались. Он не мог понять чего-то.

- «А телефон...телефон...мой номер не взяли» - её рука и всё тело тянулось к ним. Они не оглянулись. Шли быстро. Она поняла, что больше не увидит Олежку. Надо как-то привыкать доживать одной... Вспомнилась строчка из какого-то стиха «Старость- это награда или... кара за всё...».



АНТОН И САШКА

В вагон загрузились быстро, шумно. Их было трое из одной бригады и мастер соседнего участка. Очередная вахта закончилась, и они разъезжались по домам.

Мастер Иван Валерьевич, уже довольно пожилой, уезжал совсем. Ему намекнули, что в шестьдесят девять лет пора бы... место освободить, хотя, «опыт у Вас и большой, но видно, что работа уже в тягость...»

Всех мастеров звали просто по отчеству, но «Валерьевич» как-то плохо выговаривалось и его называли полным именем.

Иван Валерьевич занял нижнее место и Фёдор – шустрый хохол- тоже. Антон с Павлом и не возражали. Фёдор сразу же вытащил из сумки купленную в привокзальном буфете бутылку псевдоармянского коньяка и четыре пирожка.

- Ну, шо, поужинаем?

Остальные стали доставать, то, что припасли в дорогу. Павлик тоже достал бутылку. Выпили, закусили, расслабились.

-Я вот подсчитал – сказал вдруг Фёдор, - что нам не доплатили тысяч по десять.

-Как ?! - встrepенулись все - как ты считал?

-Я заранее всё подбил, ну, коэффициент там, премиальные... По моим подсчётам должно быть больше, что-то намудрили начальнички, жаба давит честно с рабочими расплатиться.!

-Тоже мне, бухгалтер, а что же раньше молчал!?

Настроение ухудшилось. Помолчали.

Потом Фёдор, доедая чёрствый буфетный пирожок с капустой начал мечтательно вспоминать: - А какие пироги моя Нюська печёт! А какие борщи варит!! Уже, небось, и тесто поставила, знает, что завтра буду. Может и курочку запечёт – потёр он руки...

-То-то ты и сам такой пышный на пирогах – подал голос Павел.

- А чтой-то пышный? Мужчина в самом расцвете сил такой и должен быть. Вон Антон у нас сухой, будто и жинки у него нет или не кормит?

-Есть, есть- буркнул Антон – и сын есть, сам знаешь – и вспомнил, что не отложил заначку из полученных денег: обещал же сыну велосипед купить. Прошлый раз не получилось, а в этот уж точно купим.

-И меня моя Лида ждёт- заговорил Павел – как же общага надоела! А дома всегда как-то светло, чисто. Мы с Лидуськой в школе вместе учились, после школы она в институт поступила, а я по конкурсу не прошёл, год работал, поженились, потом армия. Из армии пришёл, курсы экскаваторщиков закончил. А она у меня умница – столько читает, столько знает! Меня в театры, на концерты выводит. Учиться заставляла, но я уж не хочу хотя и стараюсь читать побольше, чтобы ей соответствовать. Готовит тоже вкусно, заготовки там разные на зиму, варенье...

- И что, никогда не ругаетесь? - спросил Антон.

- Да бывает - по мелочи, но сразу и миримся. Она обо мне заботится, и я для неё всё, что могу... И две девчонки у нас, как при них?..

- Да – задумчиво произнёс Иван Валерьевич — вот, я о себе расскажу. Была у меня в молодости жена, хорошенькая, чёрненькая, худенькая, грамотная довольно, но ленивая! Готовить страх, как не любила. Всё какие-то магазинные пельмени, вареники да макароны варила. Ну, я её любил и ел это тесто. А потом стал замечать, что и дома то она ничего не делает, полы не моет – в кухне ноги к полу уже прилипают, а она будто и не чувствует и грязи не видит. А, если окна помыть весной или осенью, она сразу «заболевает» - и я мою. И если общую лестницу очередь подошла мыть – у неё «голова болит»

- и я мою и полы дома постоянно мыл. Ну, делал я это всё делал, а потом что-то мне тоскливо стало – вижу, хитрит моя девочка, и друзья уже «подкаблучником» называют. Предлагал ей на какие-нибудь курсы по домоводству пойти, отвечает, что её всё устраивает. Кашу сварит – сладкая, есть противно, а масла в ней нет, его и в доме нет. И всё меня на какие-то гулянки тащит. А я наработаюсь, мне бы отдохнуть в тишине, да выспаться, так надо ещё и робу себе постирать...

А доконало меня, когда увидел, как она пыталась рыбу чистить – двумя пальцами держит эту наважку и так брезгливо на неё поглядывает и умильными глазками на меня. Ничего не говорит, но по лицу вижу – сейчас врать начнёт, что она уже палец порезала и от запаха рыбы её тошнит... В общем, четыре года прожили, и любовь куда-то ушла... Вижу ресницы красит, ногти мажет, а ноги не моет, по этому грязному полу босиком бегаёт и спать так ложится. Расстались. Хорошо – детей не было. Я после этого ещё пять лет не женился – по хозяйству я всё и сам умел...

А потом встретил Веру, нравилась она мне очень, но всё присматривался – какая она хозяйка, ведь уже и детей хотелось, чтобы семья настоящая была. Хозяйка оказалась хорошая, мать да бабка её всему в детстве выучили. Уже и дети у нас выросли, и дочка вся в мать. Хорошая жена — это тыл. Это радость, когда идёшь домой и знаешь, что тебя там ждут не только для того, чтобы ты пол помыл или деньги принёс.

-Да, да – заторопился Павел – как это моя говорит, сейчас вспомню, - так: «руки доброй женщины, ... обвившиеся вокруг шеи мужчины – это спасательный круг... брошенный ему...судьбой с неба» - вот! Вычитала где-то умница моя!

Антон лежал на верхней полке, слушал и думал: «А меня дома ждут? Мать вечно была занята чем-то; не помню, чтобы что-то хорошее от неё получал, кроме подзатыльников, вечно кричала «паразит, проглот» и к внуку так же относится... А жена! Как угораздило на такой жениться. Да, как!!

Нравилась Леночка из дома, напротив. Их балконы на четвёртых этажах смотрели друг на друга. Но, смотрел с балкона только Антон, Леночка училась на два класса младше и как-то не обращала внимания на худого невзрачного пацана, пусть и девятиклассника. Потом он поступил в ПТУ, нет уже в «колледж» - на специальность «машинист крана». Там оказалось, что он неплохо стреляет из мелкокалиберки, его стали хвалить, учиться ему понравилось, всё было интересно, он как-то взбодрился. Однажды принёс и показал матери грамоту за II место в городских соревнованиях по стрельбе. Мать равнодушно посмотрела, ничего не сказала. Это было обидно.

Леночка окончила школу, и он увидел её с балкона в выпускном платье со светлыми локонами – ну, Золушка на балу!! Он всегда только издали смотрел, она возможно и замечала его неотступный взгляд...

Он работал, деньги почти все отдавал матери, а та всё была чем-то недовольна, но «паразитом» уже меньше обзывала.

Антон отслужил в армии и вернулся в день свадьбы Леночки. Она вышла замуж за выпускника военного училища и уехала по месту его службы. Он тосковал месяца три. Как-то ребята затащили его на танцы в городской парк. А там эта (как теперь он называл её мысленно «тётка в тапках») привязалась. Пригласила на «белый» танец, потом он её из вежливости, и она уже от него не отходила. Рассказала, что приехала из села, заканчивает торговый «колледж». Выспросила, где и с кем живёт, ему льстило её внимание, и светлые волосы напоминали Леночку. Уже потом он понял, что она в свою деревню возвращаться не хотела, искала, как бы пристроится. Договорились встретиться на другой день в воскресенье. Через неделю она пришла к ним – «с мамой познакомиться». Мама была, конечно, не рада. Мама вообще мало чему в жизни радовалась. Но, он женился, через год родился Сашка и теперь они жили вчетвером в

двухкомнатной квартире. Жена быстро начала покрикивать на него, потом и на сына, с матерью они вечерами любили пропустить стопарик и не один, и внешне они как-то совпали - обе рыхлые, расплывшиеся. Антон смотрел, как эта тётка шлёпает в тапках 39 размера и вспоминал иногда тоненькую светленькую Леночку. Потом он устроился на работу вахтовым методом. Все были довольны: и денег больше и дома просторней.

«Да, как это Павлик сказал: «руки женщины – спасательный круг»- Антон вздохнул, повернулся на бок и стал смотреть в окно. Там тоже тоска – облезлые деревенские дома с заросшими травой огородами или брошенные военные городки, в которых остовы двух-трёхэтажных зданий без окон и крыш, как декорации к фильмам о войне. Антон опять вздохнул - как тяжело на душе! - и, засыпая, снова вспомнил, что не отложил денег Сашке на велосипед. Но уже не хотелось лезть за деньгами, прятать заначку... Поезд ритмично постукивал, они выспались, проснулись поздно, почти перед приходом поезда.

На перроне только Ивана Валерьевича встречала жена. Она приветливо со всеми поздоровалась, заодно и попрощалась, подхватила мужа под руку, и они, радостно переговариваясь, пошли с перрона.

Время было обеденное, и Антону уже изрядно хотелось чего-нибудь проглотить. Он вспомнил, как Фёдор рассказывал про борщи своей Нюськи. «Может и мои что-нибудь приготовят».

Но дома тарахтела стиральная машина, жена стирала, мать толклась на кухне, встретила его равнодушно:

- А, приехал, вроде завтра должен был...

Из ванной услышал:

- Деньги-то привёз?

- А кормить вы меня будете?

- Сейчас достираю и что-нибудь сварю...
- А раньше не могла? Да, дай я хоть пройду, умоюсь,
- Подождёшь, не барин.

Антону опять вспомнились пироги Фёдора, стало тоскливо, есть захотелось ещё больше. Прошёл в комнату, сел на диван и огляделся, как будто и не жил здесь тридцать пять лет. Он не мог бы сформулировать по мужскому складу ума и определить, что шторы на окнах грязные, что экран телевизора, как пухом, оброс пылью, обивка на стульях протёрлась - какое-то общее запустение - это видел Антон. «Ну, почему, почему? Две здоровые женщины не могут сделать уютной квартиру? И денег вроде должно хватать.»

Жена опять включила стиральную машину и вошла в комнату:

- Давай деньги...
- Да что так сразу? А поесть? Я уж давно хочу...
- Нажрёшься ещё, успеешь... Давай деньги.

Антон полез за деньгами и вспомнил, что так и не отложил Сашке на велосипед,

– Подожди, подожди, я же обещал Сашке велик...

– Чего обещал? Обойдётся Сашка, его к школе надо собрать, парень в седьмой класс пойдёт, вырос из всего, и мне куртку, и тебе штаны тёплые на работу.

Антон пытался удержать три тысячных бумажки, но жена вцепилась в пачку и, вырвав всю у него из рук, быстро ушла в другую комнату,

– Небось, оставил себе, вот и покупай.

«Вот чёрт! Осталось всего пятьсот рублей... Опять придётся все два месяца клянчить у неё мелочь даже на троллейбус. Да что же я такой дурак! Идиотская, паскудная жизнь! А Сашке что скажу? Для чего это я там в холоде упираюсь? Что бы отдать этой тётке всё, что заработал, а она и

«спасибо» не сказала! Зараза! Мать её,,! Скотина деревенская! Сволочь, деньги ей отдай, а пожрать – так, подожди.. Скотина!!».

Прибежал Сашка, в руках его был чёрный воронёнок.

– А, пап, привет! Смотри, что у меня – ворона! Залетела в комнату, у неё крыло как-то вывернуто, я и поймал, Уже два дня у меня живёт, ходил с ней к Кольке в соседний подъезд, а там бабка увидела и сказала, что это плохая примета, если птица в дом залетает. Плохая, да?

Антон пожал плечами.

– Папка, а велик сегодня пойдём покупать? - понизил голос Сашка.

– Мать все деньги забрала...

– А, ты?!! Ты же обещал!! Ты уже два раза меня обманул! Эх, ты... - губы у Сашки тряслись – я так ждал! Пацанам во дворе сказал...

Он смотрел на отца с обидой, презрением и даже с ненавистью – так показалось Антону. У Сашки брызнули слёзы, и он отвернулся. Антон напрягся: «Да, что ж я не мужик!»

– Отдай нам три тысячи на велик - как можно громче заорал он в сторону ванной.

– Чо орёшь- то? Перебьётесь...

– Лучше отдай!

– А то, чо? Сам заберёшь? Пойди, найди вначале.

Сашка сидел в углу дивана и исподлобья смотрел на отца, слёзы текли у него по щекам. «Да, что же это я?! И набить ей морду, и отобрать деньги свои не могу. Почему так всё... Почему такая б.....ая жизнь? Ни у меня ничего хорошего, ни у Сашки... А я тут вообще, как бы лишний» - с отчаянием подумал Антон. Грудь сжимала тяжесть, хотелось вздохнуть, не хватало воздуха. Он встал и вышел на балкон.

Осмотрелся. В своём дворе он знал каждую выбоину, заметил, что дверь подвала не заперта. На балконе - верёвки для белья. Какая-то ещё не оформившаяся мысль, скорее мыслеобраз, замаячил в гудевшей голове. «Гады, гады – на работе, дома. Отвязаться бы от всех...»

Антон снял верёвку, всю, длинную, смотал и быстро вышел из квартиры. Сашка видел с балкона, как отец вошёл в подвал. Тут мать с тазом белья вылезла на балкон.

– А где верёвки?..

– Отец снял и ушёл в подвал.

– Вот паразит, чего там делать? Иди за ним, пусть обратно несёт. Мне бельё вешать надо. Сашка побежал.

Антон осмотрелся. Бетонная балка пересекала подвальный коридор, в ней торчал толстый ржавый штырь. Трясущимися руками накинул сложенную вдвое верёвку, соорудил петлю. «Пусть, пусть живут без меня»... Нашёл пустой ящик, подставил под ноги. Всё делалось на едином порыве, тело сотрясала мелкая дрожь. «Никого не видеть... не хочу...» Накинул петлю и спрыгнул с ящика. Петля затянулась, стало тяжело, невозможно дышать, верёвки передавили сонную артерию, и он начал терять сознание. Не было даже инстинктивной борьбы за эту жизнь. Угасающим сознанием он услышал Сашкин крик...

P.S. Некого было судить за «доведение до самоубийства»

P.P.S. Сашка стал наркоманом и тянет жилы из матери и бабки.



Он был родом из амурских казаков

Отец мой Казанов Николай Иванович родился в селе Бабстово Амурской области девятнадцатого декабря 1901 года, и назван поэтому в честь зимнего Николы. У нас хранится «выписка из «Метрической книги» о родившихся за 1901 год, что «новорождённый Николай – сын Иоанна Гаврилова Казанова казака Амурского Казачьяго войска Михайло-Семёновского Станичнаго округа крещен 29 декабря 1901 года».

В то время, Бабстово было довольно большим селом, в селе была школа, в которой учительствовал дядя Николая. А в школе висел портрет полковника Бабста А.К., который основал посёлок в 1865 году (это мне отец рассказывал). Окончив школу, шестнадцатилетний «казачий малолеток» (как тогда называлось) уехал учиться в Хабаровск. Поступил в железнодорожное училище, окончил его и работал в депо ст. Ин, затем в Хабаровске в каком-то конструкторском бюро. Хорошо чертил, очень много читал с детства, любил классическую и научную литературу. В период службы в рядах

РККА (1924–1926 гг) был внештатным армейским корреспондентом. До последних дней выписывал две-три газеты, один-два журнала и для детей детскую периодику. Дома у нас была большая библиотека и много подписных изданий. Однажды он купил у букиниста «Золотого осла» Апулея. Я – уже взрослая, но такого автора не знаю. И мой папа мне объясняет: - помнишь, ещё Пушкин писал – «...читал охотно Апулея, а Цицерона не читал...» Он ещё и «Евгения Онегина» цитировал!

В 1938 году отец поступил на заочное отделение Ленинградского Горного института, но не окончил, т.к. началась война. К этому времени он уже работал старшим инспектором «Котлонадзора» по Хабаровскому краю (потом эта организация стала называться «Госгортехнадзор»).

Первый раз Николай женился в двадцать семь лет на учительнице Клавдии Мамаевой, которая после окончания школы военных техников (ШВТ – была такая в Хабаровске) работала на ст. Ин. В 1930 году у них родилась дочь Аида. Потом семья вернулась в Хабаровск и в 1937 году они расстались. Через полтора года Николай Казанов женился на Нине Свирской – моей будущей матери. Она на тринадцать лет была его моложе. И сколько я себя помню в комнате над их кроватью висела фотография его дочери семилетнего возраста, а я помню, как всем говорила, что «это Адочка – папина дочка.» Отец сам фотографировал и у нас много снимков его работы. Он всегда помогал той семье и не только обязательными алиментами, и наша мама всегда это поощряла. Родственные связи мы сохраняем до сих пор.

Когда я родилась папе было тридцать девять лет. На фронте он не был, у него была бронь; после освобождения наших территорий нужны были специалисты для

восстановления разрушенного хозяйства, и отца направили в Ворошиловград (ныне Луганск).



Переезд из Хабаровска я помню смутно, мне ещё не было четырёх лет. Война ещё не закончилась и ехали мы недели три.

В вагоне всё время было жарко и тесно спать, то с папой на второй полке, то с мамой на нижней. Вагон был плацкартный, всё время кто-то что-то рассказывал, часто где-то играла гармошка, и кто-то пел, и кто-то плакал, и так под этот говорок и песни я, то засыпала, то просыпалась...

В Ворошиловграде мы прожили около года. Помню там пленных немцев – разбирали разрушенные кирпичные дома. Разрушений было очень много.

Затем, летом 1945 года мы переехали во Львов, куда отца перевели заместителем начальника Западно-Украинской инспекции «Котлонадзора». Вот здесь было очень много беженцев – украинских, польских русских.

Львов старинный польский город, очень красивый. Наш дом находился на окраине, как сейчас помню: улица называлась Крымская. Дом трёхэтажный, вода и канализация имелись. Отапливались комнаты изразцовыми голландками. В первом полуподвальном этаже жила довольно пожилая пара поляков, дед хромал и на войне не был. На третьем этаже жила хозяйка этого дома, молодая красивая полька с двумя дочками. Одна была старше меня на год – Крестя, другая - младше. Мы подружились. Они рассказывали, что это их отец-инженер построил этот дом: третий этаж для своей семьи, первый — для прислуги, а на втором две квартиры сдавал. Второй и третий этажи полукругом огибали большие балконы. Девочки и

показали мне фото отца: очень симпатичный русоволосый мужчина лет тридцати сидел в траве на пригорке и, улыбаясь, обнимал девочку. Я тогда еще подумала: «зачем ему надо было идти на войну?» Он не вернулся – пропал без вести. На втором этаже мы и жили в двухкомнатной квартире, которую выделили отцу.

Папа часто ездил в командировки по всей Западной Украине, а в области орудовали бандеровцы, вырезали целые семьи (помню разговоры об этом дома). Отцу выдали пистолет, а он, уезжая, оставлял его маме и учил её стрелять. Мама говорила тогда: - «может я и успею один раз выстрелить, ну, а если их много будет?». Но, пистолет под подушкой придавал какую-то уверенность. Папа приезжал и рассказывал, что творилось на вокзалах: билет купить невозможно, толпы атакуют кассы, не только беженцы, но и спекулянты, расписания поездов не соблюдаются, на вокзалах воруют багаж.

Помню такой его рассказ. Сидит он на вокзале, ждет поезда; напротив сидит женщина с двумя детьми. Один – грудной плачет, второй примерно четырёх лет – просит пить. Оказывается, сидят уже вторые сутки. Едут к родственникам, во Львове пересадка. Купить билеты она не может, к кассе не пробиться и денег на билеты уже не хватает, т.к. на еду детям потратила. Что делать?! Отец спросил – сколько осталось у неё, чтобы добавить и купить билет, а она боится отдавать, вдруг обманет... «И тогда – рассказывает - папа маме – я представил, что, если со мной что случится, ты вот так же будешь сидеть с детьми (у меня тогда уже родился брат) и никто не поможет. Решил купить билет на свои деньги. Влез в толпу и, показывая краешек своего служебного удостоверения (которое было такого же красного цвета, как у служащих МВД), добрался до кассы, купил ей билет, принёс воды и помог сесть в поезд. Она плакала от благодарности».

Это же удостоверение красного цвета помогало мне проходить в театр. Видимо, в характере моего отца присутствовала какая-то доля авантюризма. Львовский театр оперы и балета был одним из лучших в Европе. Оставлять меня дома было не с кем, и родители брали меня с собой. На вечерние спектакли детей не пускали, но кто бы смог не пропустить, если человек показывал край красной книжечки. Я сидела тихо и до шести лет просмотрела весь классический репертуар. Помню, что зал всегда был полон. А сейчас думаю, что и билеты были доступной для всех цены. Люди устали от ужасов войны, а тут – прекрасная музыка, яркие костюмы, страстные чувства.

Потом был такой случай: папа приходит с работы и рассказывает, что на площади у фонтана (во Львове почти на каждом перекрёстке фонтан или скульптура – и это всё «площади») сидит дед в нижнем белье и девочка лет пяти, оба босые. А помню, что было уже холодно. Мама быстро завернула в бумажный свёрток для деда папины рубашку и брюки, а для девочки малое мне пальто и туфли. Папа взял меня с собой, и мы пошли к этому фонтану, он вручил мне свёрток и велел отдать деду. Они сразу же всё надели; помню девочка потопала ножками в туфлях, и пальто ей оказалось впору.

Когда я вспоминаю этот эпизод, то думаю, что дед напомнил папе его отца или деда... Папа много рассказывал нам о своем детстве, о семье. Семья была большая: пять сыновей да пять дочерей (он младший из сынов), отец, мать, да бабушка с дедушкой. Чтобы прокормить четырнадцать человек, надо было иметь большое хозяйство. Конечно, имелись и кони, как у всех казаков – строевые и рабочие, коровы, овцы, птица, пашня и большой огород, в общем – натуральное хозяйство. Батраков не держали, хватало своих сил. Бабушка, когда уже не могла делать другую работу, пряла

шерсть, вязала всем носки, рукавицы, шали, поддевки (жилетки). Из овечьей шерсти валяли валенки – назывались катанки. Дед мой умел шить всякую конскую упряжь, и однажды сшил внучке (не мне) саквояж – всего лишь где-то увидел образец. Папа всегда нам говорил: – «человек формируется в семье личным примером старших. Чем больше умеешь делать своими руками, да еще со смекалкой, тем легче живётся. И всегда надо помогать тем, кому труднее». Его дедушка, мой прадед Григорий Ефимович дожил до девяноста двух лет. (Так я добралась до предка --- Ефима Казанова, который родился, по моим подсчётам в 1780-89 годах). А уж сколько испытаний выпало им за долгую жизнь! Казакам всегда жилось трудно на Дальнем Востоке. Амурские казаки — это выходцы из Забайкальских казаков, а те из Донских...

В 2008 году в Благовещенске был издан документально-исторический двухтомник «Амурские казаки». В нем отражена история освоения Дальнего Востока, организация Амурского казачьего войска, информация о казачьей службе. Я приобрела эти книги в подарок брату, и оказалось не напрасно – там неоднократно упоминается наша фамилия. Так в июле 1917 года старший урядник А.Ф. Казанов избирался делегатом 3-его войскового круга АКВ (Амурское казачье войско). В родне был и георгиевский кавалер – Петр Казанов награждён Орденом Св. Георгия 4-ой степени за китайский поход 1900-1901 годов, в последствии – хорунжий, младший офицер 2-ой сотни АККП (Амурский конный казачий полк). В этом же двухтомнике есть упоминания и о других Казановых, и все они из Михайло-Семёновского Станичного округа. Значит наши родственники.

Из жизни во Львове ещё помню, как выселяли поляков. После войны Западная Украина и в том числе Львов отошли России (или скорее Украине). Поляков выселили за сутки весной 1946 года. Всех. К нашему дому подъехала открытая

грузовая машина с досками-лавками поперёк кузова. Она была уже наполовину заполнена людьми. Наши поляки: пожилая пара и мама Кристи с девочками залезли в машину, и та быстро уехала. У каждого в руках был только небольшой узелок. Гораздо позже я слышала разговоры о том, что им разрешили взять только минимум ручной клади. Хорошо, если в Польше у кого-то остались в живых родственники. Они уезжали, бросив свои дома и вещи; они уезжали, а я бежала за машиной и плакала. Я привыкла к девочкам, и вообще, было как-то жутко: почему они так быстро собрались и молча (все молчали), не попрощавшись, сели в машину и куда-то поехали. Дома ничего не объяснили, тоже молчали, потом папа сказал «так надо, это не нашего ума дело». Я была ещё слишком мала...

Мне пора было идти в школу, а преподавали во Львовских школах на украинском языке. И мой папа решил, что семье надо возвращаться на Дальний Восток, его просьбу удовлетворили.

Вернулись мы в Хабаровск в 1948 году, жили в районе завода им. Серго Орджоникидзе в деревянном доме в одной из двух комнат коммунальной квартиры. В 1954, году мы переехали в собственный дом из пяти комнат с мансардой, отец сам его спроектировал. Провёл водяное отопление от бачка-нагревателя в кухонной плите. В то время большие дома индивидуально строить не разрешалось, но нас было пятеро, с нами жила бабушка. Отец сделал кухню в верандной пристройке, и поднял крышу на метр, чтобы получилась четырнадцатиметровая комната для меня. Так у всех стало по отдельной комнате.

Помню, дома по вечерам отец часто чертил, он брал работу на дом – проектировал автономные котельные, делал расчёты и всю сопутствующую документацию (тогда ещё не построили ГЭС). А я всё вертелась рядом, и папа мне

объяснял—«вот это дверь так обозначается, так - окна, а это трубы, это капитальные стены, а это перегородки...». И я с детства научилась читать чертежи. Отец чертил, мама что-то вышивала, и они вполголоса пели: «По диким степям Забайкалья», «Тонкая рябина», «Раскинулось море широко» и другие народные песни. Отец наш был высокий, сухощавый, немного сутулый, покладистого и весёлого нрава; на семейные праздники, когда собиралась вся родня, а это было не более пяти раз в год, он всегда был в центре компании. Рассказывал какие-то анекдоты, изображал в лицах то китайцев, то японцев. При этом норма спиртного у него была – три маленьких стопочки. В другое время он вообще не пил алкоголь, слов нецензурных я от него ни разу не слышала. Он постоянно что-то придумывал и изобретал: то приспособление для скручивания верёвок (после войны и этого не было), то станок для вязки сетей - охота и рыбалка были его любимым занятием. То он пытался построить лодку из стекловолокна, пропитав её эпоксидной смолой, даже смастерил метровую модель. Когда родилась моя дочь, он сам собрал ей коляску из каких-то частей, т.к. в продаже детских колясок не было. С маленькими детьми он охотно занимался, умел их отвлечь от капризов и чем-то занять.

Главное хобби его жизни— рыбалка и охота. Охотился только на водоплавающую дичь, и оделял ею всю родню и знакомых. А свежая речная рыба не переводилась у нас круглый год... Отец и меня с братом на рыбалку брал; и червей на крючки перемётов я наживляла, и из охотничьего ружья стреляла. Перед охотой я помогала ему набивать гильзы: на специальных крохотных весах взвешивала порох и дробь, вырубала войлочные пыжи (тогда достать патроны нужного калибра было сложно).

Осенью отец брал отпуск, собирал друзей (говорил – сколачивал артель), и они ехали на кетовую путину в низовья

Амура. Разрешение получали, договор заключали, часть рыбы сдавали, часть привозили. Отец её солил, вялил, коптил. Маленькую коптильню он соорудил в нашем огороде. Мой брат Виктор лет с пяти ездил с ним на рыбалку, позже на охоту. В четырнадцать лет отец подарил ему ружьё - охотничью одностволку, тогда уже брат с друзьями ездили на охоту самостоятельно. После школы Виктор окончил лесоинженерный факультет Хабаровского политехнического (тогда ещё) института.

Прожил мой отец 86 лет, до конца жизни он занимался хозяйством: привозил воду из колонки и носил уголь из сарая, если бы не эта тяжёлая работа, он мог бы и дольше прожить, но дети его (т.е. мы с братом) в Хабаровске не жили, а дом обменять на небольшую квартиру со всеми удобствами не получалось (закон запрещал).

Этот дом по улице Некрасова 111-а и сейчас там стоит; жаль, но никто из родных там не живёт. Когда старшее поколение умерло, дом перешёл к моей дочери, а в двухтысячном году его уже можно было обменять на двухкомнатную квартиру, что она и сделала.

Доброжелательность отца к людям и животным, любовь к детям –это, я думаю, всё из детства. Это от казачьего семейного уклада.

В 2001 году я отметила столетие со дня рождения моего отца. Мне говорили, что нельзя умершим отмечать день рождения. Но, отмечали же во вселенском масштабе столетие со дня рождения Ленина или двухсотлетие со дня рождения Пушкина. А я – в узком кругу, собрав родных и друзей, которые его ещё помнили.

Мы и сейчас тебя помним, папа.

От Варшавы до Хабаровска



1910

Вот моё первое впечатление от бабушки: я просыпаюсь утром в большой бабушкиной кровати, видимо, родители оставили меня у неё ночевать; мне года три. Бабушка уже встала и что-то делает на кухне. Солнечный свет из двух больших окон ярким золотом заливает всю комнату, тогда ещё не было теневого штора. За окном слышен гул моторной лодки (дом был в районе Хабаровского Затона). Мне тепло, уютно в мягкой постели, энергия солнца переполняет меня, и я в восторге начинаю прыгать на кровати.

. Тут входит бабушка, улыбается, ловит меня в охапку, целует, мы обе смеёмся, радуемся друг другу и мне так хорошо в крепких и ласковых бабушкиных руках! И это ощущение радости, даже счастья - безмятежного и наивного – так и осталось в памяти. И теперь, когда я слышу гул катерка на реке в солнечный день, сразу возникают в душе отголоски той детской радости.

Моя бабушка по материнской линии Мария Иосифовна Свирская (девичья фамилия Бучинская) родилась в 1889 году в Варшаве. Польша в тот период входила в состав Российской Империи. Моя прабабушка Юзефа, мать Марии умерла в тридцать пять лет, в семье было четверо детей и Мария - старшая. Все заботы по хозяйству и о детях достались пятнадцатилетней девочке. Она, вспоминая тот период, никогда не жаловалась на трудности. Но, однажды рассказала мистическую историю. После смерти матери маленький брат плакал вечерами, Мария его укачивала, укачав засыпала

рядом, он снова плакал, она снова качала колыбель... Иногда она слышала шаги на чердаке (дом был одноэтажный деревянный) – было страшно. В один из вечеров уснула и когда ребёнок начал снова плакать никак не могла проснуться, но сквозь сон опять услышала шаги, от страха укрылась с головой, и вдруг плач прекратился. Мария приподняла одеяло и в щелку увидела, как бы силуэт матери у колыбели. Мария зажмурилась, плотнее укрылась, было жутко! Ребёнок больше не плакал, и мать больше не приходила к нему. Моя бабуся, (мы так все её звали на польский манер, и мои дети так звали мою маму, и мои внуки так же называют меня) моя бабуся, сколько я её помню, ничего не боялась, ни в кого не верила и рассказывала эту историю спокойно без страха.

Окончила она в своё время церковно-приходскую школу в Варшаве. Что касается её отца – моего прадедушки – то, чем он занимался, бабуся не смогла мне внятно объяснить – что-то было связано с мукомольным производством, но не мельница. Иногда я спрашивала её – «ты католичка или православная?» Она всегда отмахивалась от таких вопросов; но я слышала, как она иногда восклицала - «О, Матка Боска!» (О, Матерь Божья). В двадцать один год она вышла замуж за Яна Свирского, он был старше жены на четыре года, тоже житель Варшавы. В этом возрасте Мария выглядела старше своих лет – высокая, статная, серьёзная, со строгими серыми глазами, с аккуратной причёской из пепельных волос. После смерти матери она шесть лет вела домашнее хозяйство, научилась это делать экономно и рационально, большая ответственность, видимо, и отразилась на внешности. Через год после свадьбы родился сын Олег, который умер в полуторагодовалом возрасте. "Паспортная книжка" деда на русском языке хранится в нашем семейном архиве. Этот странный, истрёпанный документ рассказывает всё о жизни семьи. Фотография в нём не предусмотрена. Паспорт выдан в 1910 году "на основании

записи в Книге постоянного народонаселения г. Варшавы дом 5138 стр.462". Жена, как и дети вписываются в паспорт мужа.

Пункт 7 паспорта: Отношение к отбыванию воинской повинности: "Младший писарь 14 Восточно-Сибирского стрелкового полка."

Интересно! Жителя Варшавы приписывают к Восточно-Сибирскому полку! Началась Первая Мировая Война и Яна (по паспорту Иоанна) Свирского мобилизовали. Где дед служил и воевал неизвестно, но жена была рядом и в декабре 1914 года у них в Смоленске родилась дочь. В паспорте это событие описано на стр 9: "У означенного в сём паспорте мещанина Иоанна Афанасьевича Свирского и у законной его жены Марии 22 Декабря 1914 года родилась дочь. Крещена 11 Января 1915 года в Казанской Смоленской церкви и при святом крещении дано ей имя - Нина. Что с применением церковной печати удостоверяю". И это была моя будущая мать. Из того же паспорта узнаём, что семья бедствовала, т.к. имеется штамп: Пользуется одеждою из Секции пом. беженцам при Смоленской Р (?)К Благотв. О-ве" и ещё записи: " 24 января 1915 года из польского комитета выдано 5 аршин подкладки под одеяло. 19 ноября 1915 года выдано 1 п. валенок, 1 п. портянок, 1 фуфайка, 1 юбка. 24 ноября 1916 года выдано 1 пальто».

В Смоленске много записей о перемене места жительства. Больше двух месяцев почему-то нигде не жили. А весной 1918 года, видимо, решили ехать на Восток. Есть отметка Иркутского пропускного паспортного пункта от апреля 1918 года. И следующий штамп: май 1918 года - "Явлень въ 2-мь уч-ке г. Благовещенска". Тогда в Благовещенске находилась большая польская община. Поляков, постоянно поднимавших бунт против правительства России за отделение Польши, ссылали на окраину Империи. Так в Благовещенске постепенно осело немалое количество

поляков; чтобы легче было жить в ссылке, они объединялись в общины. Они даже смогли построить небольшой кирпичный костёл на отчисления от своих скудных доходов. При Советской власти все деревянные храмы в Благовещенске разрушили, а костёл остался, но его стали использовать, как православный храм. Этот храм и сейчас стоит на углу ул. Горького и 60-летия Октября (современное название улиц).

В Благовещенске прожили до марта 1922 года и выехали во Владивосток. Гражданская война ещё не закончилась, работу найти было трудно. Ян Свирский, работая ночным сторожем, попал в уличную перестрелку и погиб в ноябре этого же 1922 года. В паспорте об этом событии – обширная запись: в каком возрасте, от чего умер и где похоронен. Может, это было удобно – не собирать нигде никаких справок, всё в одном документе.

Мария осталась одна в разорённом гражданской войной, холодном Владивостоке, за тысячи миль от родной Варшавы, почти не зная языка, не имея никакой специальности. А на руках восьмилетняя дочь и через пять месяцев должен родиться второй ребёнок. Средств к существованию тоже не было, и Мария пошла к врачу принимать меры; ей было и страшно и стыдно. За услуги врачу предназначалось золотое обручальное кольцо, но, эта плата врача не устраивала - в свои тридцать три года Мура (как тогда звали её все знакомые) была ещё очень хороша собой, да ещё шарм иностранки, убитой горем..."Да и что Вам теперь терять?" - ворковал врач над ухом, поглаживая ей плечо. Когда до несчастной женщины дошёл смысл докторского предложения, она, по её словам, "вскочила со стула, плюнула ему в морду и убежала, хлопнув дверью». Зная свою бабушку, я вполне этому верю. (А многие ли современные женщины поступили бы так же?)

Марии с дочерью помогли переехать обратно в Благовещенск. Там же в Благовещенске жил и её родной брат Йозеф (Иосиф) и там, в апреле 1923 года Мария родила сына, которого назвала в честь мужа Яном. Жизнь была тяжёлой, но Мария знала, что ей надо вырастить детей и бралась за любую работу: и уборщицей в швейной мастерской, посудомойкой в кафе, и горничной в гостинице. А летом – с мая по октябрь работала на пароходах кастеляншей. Детей оставляла на квартирную хозяйку. И ещё находила время посещать «ликбез», учила русский язык. Брат женился, у Марии теперь была и невестка и племянница - родные люди, опора. Через пять лет Мария Свирская снова вышла замуж за помощника капитана парохода Фёдора Васильевича Усачёва, и он усыновил Янока. Так Ян Янович Свирский стал Иваном Фёдоровичем Усачёвым. Но, свою фамилию Мария не поменяла. Фёдор Васильевич никогда не был женат и был на девять лет моложе Марии, конечно, его родные были не довольны его выбором, но Мария сумела расположить к себе родню мужа, и в дальнейшем у них были нормальные отношения.

В 1931 году Фёдора Васильевича перевели на работу в Управление Амурского пароходства, и семья переехала в Хабаровск. Началась спокойная благоустроенная жизнь. Дочь Нина уже окончила семилетку, играла в драмкружке, работала в машинописном бюро Дорпрофсожа Хабаровского края, вышла замуж. Иван Усачёв в 1941 году окончил школу № 1 в Хабаровске и одновременно аэроклуб при школе ДОСААФ, затем учился в лётных училищах Ленинск-Кузнецка и Черногорска. Высокий русоволосый красавец был очень похож на своего родного отца. Основную цель - вырастить детей - Мария осуществила.

И тут закончилась мирная жизнь, началась война - Вторая Мировая.

В 1943 году арестовали Фёдора Васильевича за фразу о том, что "американские велосипеды лучше русских" и через шесть месяцев выпустили уже больного. Над диваном, где он умирал от рака, висела крупная фотография приёмного сына в форме курсанта лётного училища. Самые большие страдания причиняла мысль, что его арест может повлиять на дальнейшую судьбу сына. И, испытывая сильнейшие боли, он думал о том, что его Ванюшке на фронте ещё труднее - его могут сбить в любую минуту. В феврале 1944 года Мария похоронила второго мужа.

За полгода до этого ушёл из жизни её родной брат Иосиф. Тоже после заключения. Он работал в инспекции «Рыбнадзора», видимо кому-то не угодил, был какой-то донос, к тому же он ещё и инородец (а поляков всегда подозревали в шпионаже) ... Отпустили его уже больного и через два месяца он умер. От тяжёлого горя Марию отвлекала работа в швейной мастерской - чинила и перешивала с другими женщинами солдатские гимнастёрки.

Сын воевал на Ленинградском фронте. Он на истребителе дважды сбивал немецких "юнкерсов" на высоте более 10000 м, до этого таких примеров не было. Очерк об этих воздушных боях был написан военным корреспондентом С.Бытовым и опубликован в ленинградской газете "Защита Родины", а затем напечатан в газете «Тихоокеанская звезда» 10 декабря 1944 года под названием "Амурский сокол". Этот очерк сохранился в нашем семейном архиве. Ах, как тогда гордилась сыном моя бабушка! Сколько поздравлений приняла она от близких и не знакомых людей! Войну Иван Усачёв закончил, имея пять боевых наград, и среди них Орден Красного знамени и Красной Звезды. Было ему в то время двадцать два года! Позже Иван женился и у бабушки появились ещё две внучки – одна родилась в Ленинграде, другая в Китае в 1954 году (семья сына жила в Китае, пока авиационный полк воевал

в Корее). Эта младшая внучка - высокая и сероглазая - одна из нас троих похожа на бабушку Свирскую и внешне и характером. После войны Иван попросился о переводе на Дальний Восток. В Ленинграде, в музее обороны города остался его портрет. (Умер Иван Усачёв от инфаркта в 1972 году, не дожив до пятидесяти лет). Его дочери, внуки, внучка и правнучки живут в Хабаровске. Его вдове в сентябре 2019 года исполнилось 96 лет, она бодрая, в меру энергичная с хорошей памятью.

После войны жизнь стала более размеренной. Дома у бабуся всегда было уютно. Она хорошо вышивала «гладью» и «ришелье», на стенах висели, а на столах лежали салфетки; почти в семьдесят лет она вновь начала вязать крючком и у меня на память остались её кружевные салфеточки. А однажды, когда ей было уже за восемьдесят, я застала её за чтением романа Дюма «Дама с камелиями». Она всегда аккуратно и со вкусом одевалась, по мере возможности следила за модой. И в то же время занималась огородом, разводила кур и гусей в голодные послевоенные годы.

В семьдесят девять лет у неё обнаружили рак груди. И она сразу сама сказала – «делайте операцию». Врачи боялись, что сердце не выдержит наркоза и сделали операцию под местным наркозом. За день до операции я пришла к ней в больницу, она встретила меня в больничном садике, совершенно спокойная, и сказала, что вечером собирается в душ, а потом накрутит себе «папильотки» (которые она уже заготовила), «чтобы, если умру, в гробу лежала красивая».

Моя бабуся всё выдержала и прожила ещё тринадцать лет! А как она вкусно готовила! И как-то ненавязчиво учила и меня, просто просила в чём-то помочь. Научилась я у неё пироги печь, рыбу мариновать, готовить котлеты мясные, рыбные, картофельные, клёцки и галушки. А щуку фаршировать так и не умею. Была она общительной и доброжелательной, но, если

кто не нравился, говорила: - «эта особа щепетильная, как французский пёсик». Это была высшая степень презрения. А мы смеялись – «Где это ты тут видела французского пёсика?» Знакомых у неё в Хабаровске было много, тесная дружба связывала её с семьёй доктора М.И. Афолина ещё со времён жизни в Благовещенске. Его дочь Ольга Михайловна в пятидесятые годы работала главным экономистом Амурского пароходства. Семья Малиновских (не знаю, имели ли они отношение к маршалу Р.Я.Малиновскому) приглашала её пожить в их доме (она говорила «домовничить») во время ежегодного отпуска, когда выезжали на лето в Крым. Последние годы бабушка жила с нами - в семье дочери. В большом пятикомнатном доме была у бабушки отдельная комната. Бабуся и с моими подругами общалась, знала всех по именам и гадала нам десятиклассникам на «кавалеров». Не думаю, что она была опытной гадалкой, но нам было интересно с ней. И нам с братом было уютно в доме, где ждут нас после школы, где чисто и вкусно пахнет...

Никогда она не рассказывала про Польшу, но, видимо, скучала, т.к. любила в компании петь печальную песню «Среди долины ровныя» и сильным голосом выводила: «...ни роду нет, ни племени в чужой мне стороне...» и «...друг милый спит в сырой земле, на помощь не придёт...». До самой смерти она сохранила тёплые родственные отношения с женой брата и племянницей, а мы продолжаем эту дружбу.

Умерла моя бабушка Мария Иосифовна Свирская в возрасте девяноста двух лет. Проболела всего пять дней – простыла, слегла, начался отёк лёгких. Она, видимо, предчувствовала конец, т.к. за месяц до этого погладила своё чёрное муаровое платье, которое вынула из «узелка» (оно лежало там лет десять). А мне велела сшить ей кружевной чепчик, и заявила: - «чтобы косынку мне не подвязывали, когда умру». Прощаясь с ней, я обратила

внимание на её руки. Руки были крупные, но красивой формы, пальцы ровные, никаких распухших утолщённых суставов. Да она и не жаловалась почти ни на что, кроме плохого зрения и слуха. Тогда я подумала – вот, это результат естественного отбора. Она выжила в детстве без антибиотиков и была всю жизнь активной, сильной, никаких старческих маразмов. Когда в моей жизни возникали трудности, я всегда вспоминала свою бабуся, её стойкость и оптимизм. Никаких подвигов ратных или трудовых она не совершила, просто была домохозяйкой, но ХОРОШЕЙ хозяйкой, добрым, общительным и отзывчивым человеком.

Чистокровная полька Мария Иосифовна Свирская (Бучинская) прожила на Дальнем Востоке более шестидесяти лет. Этот край стал для неё родным. О её жизни можно написать и повесть, и роман, а вся её жизнь- как иллюстрация к истории XX века.





Амурский сокол

На улице Тургенева в Хабаровске в районе Затона жил с мамой, сестрой и отчимом Иван Усачёв – Ванюшка, как звали его все родственники. Был он пионером, был активным комсомольцем, играл в футбол, собирал металлолом, сажал деревья с одноклассниками, купался и ловил рыбу в Амуре, очень любил читать. В шестнадцать лет записался в аэроклуб при ДСААФ. В 1941 году окончил десять классов и вместе с аттестатом получил характеристику и путёвку в лётную школу.

Боевые самолёты он начал осваивать в Ленинск-Кузнецке, затем в Черногорске. Скучал по дому, и регулярно присылал письма и фотографии. Вот он снят в форме курсанта училища, на голове пилотка, вот в шлемофоне, вот с друзьями у самолёта: шлемофоны сдвинуты на затылки, чубы (по тогдашней моде) вьются по ветру. Друзья стоят обнявшись, смеющиеся, счастливые лица от того, что молоды, что скоро сбудутся мечты – их отправят на фронт, бить врага! А вот он уже в форме младшего лейтенанта. Часто моя бабушка

рассматривала эти фотографии, а я с детства знала, что мой дядя – лётчик.

В январе 1943 года Иван окончил училище и был рад, получив назначение на Ленинградский фронт, куда непросто было попасть молодому лётчику. Он очень гордился, что летает на истребителе, что именно истребители сопровождают наших разведчиков Пе-2 и Ил-2 и наших бомбардировщиков Ту-2, попутно штурмуя живую силу противника, ведя бои с «мессершмиттами» и «брустерами». Много раз вылетал он на прикрытие своих войск на переправах, по линии фронта, одновременно обстреливая зенитную артиллерию врага. Прошёл год и настали счастливые дни, дни салюта в честь освобождения города от блокады. Но немцы ещё били по городу из дальнобойных орудий, и, для корректировки огня, каждый день в небе над Ленинградом, на больших высотах появлялись немецкие разведчики – «юнкерсы». Зенитки не могли их достать, а наши самолёты тогда не поднимались ещё на такую высоту.

А теперь я приведу выписки из очерка С.Бытового – военного корреспондента, который был опубликован в ленинградской газете «Защита Родины» и напечатан в газете «Тихоокеанская звезда» 10 декабря 1944 года:

«Он возвращался с боевого задания. Горючее в баках было на исходе, но дотянуть до аэродрома хватит. День был тихий морозный, видимость прекрасная, и под крылом его истребителя разворачивалась панорама великого города... Прямым курсом, экономя каждую каплю горючего, вёл машину на аэродром лётчик-истребитель Иван Усачёв. На его счету был уже не один десяток боевых вылетов. И вдруг он заметил на земле тень вражеского «юнкерса». Присмотревшись, понял: довольно высоко над ним летит немецкий разведчик, и, может быть в эту минуту немец

фотографирует какие-то районы Ленинграда, чтобы потом их бомбить.

«В атаку! Не уйдёшь, гад!» – мелькнула мысль, и вторая, так же быстро: «А горючее?!». Бросил взгляд на приборы и, решив, что для скоротечного боя горючего хватит, стал набирать высоту – 9000м, 9500... Немец спокоен: русские на таких высотах не летают.

Кислородный прибор Ивану помогает, но одновременно и теснит лёгкие, а надо лезть ещё выше, выше. На высоте 10000м Усачёв уже неотступно следовал за «юнкерсом». Догнал и, когда до него осталось метров пятьдесят, открыл огонь одновременно из пулемётов и пушек, но «юнкерс» летит. Ещё рывок и новая атака комбинированным огнём почти в упор. «Юнкерс» вспыхнул и начал стремительно падать.

«Ну разве я мог упустить «ганса»?!» – ответил Иван технику, когда тот ужаснулся, что лётчик приземлился с сухими баками. Этот «Юнкерс-88» был сбит 26 февраля 1944 года. А 6 марта, вылетев по тревоге на перехват очередного вражеского самолёта, который уже произвёл разведку и лёг на обратный курс, Усачёв провёл бой и сбил второй «юнкерс» уже на высоте 10500 метров, утвердив за собой славу воздушного аса». Очерк С.Бытового назывался «Амурский сокол». Он сохранился в нашем семейном архиве.

В то время, когда Иван сбил первых «юнкерсов», ему было всего двадцать лет, даже усы ещё плохо росли. Знакомясь с девушками и стесняясь своего имени, (всех русских немцы называли «иванами») он представлялся Костей: очень модной тогда была песня «Шаланды полные кефали...». Только одно приносило ему неудобство: его высокий рост – 1 метр 88см. Когда в шестнадцать лет он записывался в аэроклуб, никто не думал, что этот русоволосый юноша вымахает в такого атлета. В кабине самолёта было тесно и холодно, в одной позе всё

тело, а особенно ноги, затекали и мёрзли, и унты не спасали. Для лица выдавали кожаную на меху маску с прорезями для глаз, носа, рта. Эта маска долго валялась у нас дома.

Войну Иван закончил, имея пять боевых наград, и среди них Орден Красного Знамени и Орден Красной Звезды, а было ему всего двадцать два года.

В наше время никто не верит, что на таких высотах можно было летать на тогдашних самолётах. А дальневосточник Иван Усачёв первым из ленинградских лётчиков показал своим примером, что можно и воевать на такой недосыгаемой, казалось бы, высоте.

Один раз за войну он был ранен. Но, «не было бы счастья, да несчастье помогло»: осколочное ранение в ногу Иван долечивал в Железноводске, где в 1945 году и познакомился со своей будущей женой. Валя училась в пединституте и была такая же высокая и стройная, играла на гитаре, он на аккордеоне. Похожа была Валя на американскую актрису Марику Рокк, исполнительницу главной роли в кинофильме «Девушка моей мечты». Через два года Иван привёз Валентину в Левашово под Ленинград, где стояла часть. Какая была пара! Усы к тому времени выросли, и он подстригал их под Дугласа Фербенкса – этих довоенных звёзд кино нынешнее поколение уже не знает.

Пришлось Ивану Фёдоровичу повоевать и в Корее. Он рассказывал, что в полётах лётчикам запрещалось переговариваться между собой на русском языке (но, было необходимо). И весь эфир был заполнен словами существительных и глагольных форм русского мата. В 1953 году жители ещё не всех стран знали, что означает ЧТО на этом диалекте, а лётчики друг друга понимали. Семьи военнослужащих живут в гарнизонах по месту службы главы семьи. Советские лётчики воевали в Корее, семьи их жили

недалеко – в Китае. В Китае и родилась у Усачёвых вторая дочь Алла. А первая Ирина родилась в Ленинграде в 1948 году.

После Кореи можно было выбрать место службы, и Иван выбрал Дальний Восток – он очень скучал по любимому Амуру и синим сопкам Хехцира. В Хабаровске жила его мама и все родные. А в Ленинграде в музее обороны города остался его портрет.

Комиссовали Ивана Фёдоровича по состоянию здоровья в конце 50-х годов, а умер Иван Фёдорович Усачёв в 1972 году в Хабаровске от инфаркта, не дожив полгода до пятидесяти лет. Всё-таки сказались военные перегрузки. В Хабаровске живёт его семья Валентина Трофимовна Усачёва, его две дочери, трое внуков, внучка, и три правнучки. Валентина Трофимовна в свои 96 лет чувствует себя нормально, каждое утро зарядка не менее часа, сама себя обслуживает, с ней можно разговаривать на любые темы и чувство юмора она не утратила.

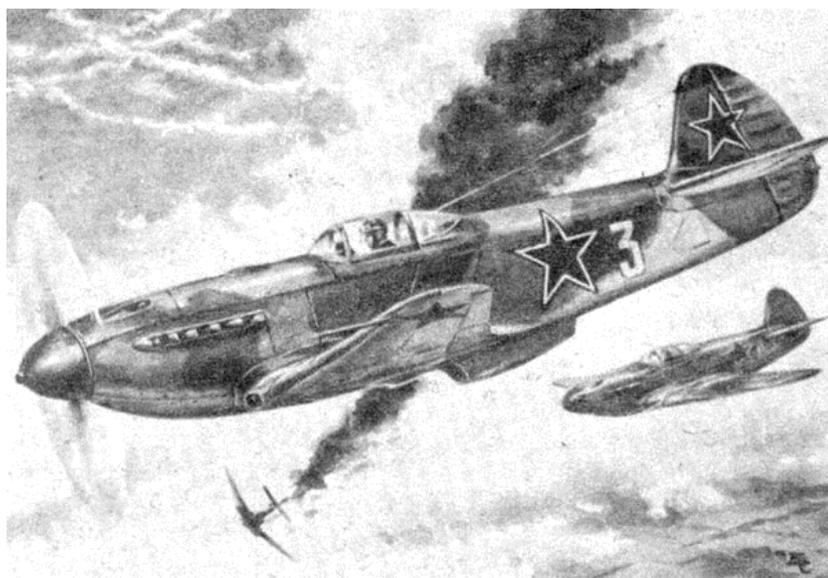
В 2007 году я была проездом (или правильнее – пролётом) в Санкт-Петербурге, всего сутки свободного времени; но я нашла Музей обороны Ленинграда. Старинное трёхэтажное здание, но музей – всего на одном этаже. Как объяснил мне администратор – раньше всё здание было отдано под музей, но во времена перестройки пришлось потесниться, многие экспонаты лежат в запасниках. Портрета своего дяди я не увидела, но то, что он был знаю не только с его слов. У бабушки хранилась фотография, на оборотной стороне которой было написано: «личность старшего лейтенанта И.Ф. Усачёва – удостоверяю. Начальник особого отдела в/ч (какой-то №) подпись и печать. И мой дядя говорил, что с этой фотографии и писали портрет.

В 2013 году я отнесла фотографии своего дяди, очерк С. Бытового, офицерский аттестат на имя его матери и другие

документы в Музей Города Хабаровска. Каждый год ко Дню Победы там устраивается большая экспозиция.

Правнуки Ивана Фёдоровича Усачёва по прямой линии и внуки его племянников с гордостью носят портрет своего прадеда в колоннах «бессмертного полка» Хабаровска и Благовещенска.

В 2018 году, благодаря стараниям Константина Федькина – внука, портрет его деда И.Ф. Усачёва был прикреплен к истребителю «Бессмертной эскадрильи», и в день праздника Победы амурский сокол вновь летает над родным краем.



Последняя моя любовь

Часть стены в гостиной увешана фотографиями в маленьких рамочках. Слева - родственники, справа – одноклассницы, одноклассники, коллеги. Это всё люди дорогие моему сердцу. А в самом центре - самый крупный портрет. Хожу по комнате и нет-нет, да и встретимся с НИМ взглядом.

Фотография домашняя – одет в тельняшку, сидит в кресле. Локоть правой руки опирается на подлокотник кресла, а кулак подпирает скулу. Улыбается и не стесняется, что зубов не хватает. И волос на голове мало, и мешки под глазами, как у Дворжецкого (но это у них семейное). И не красавец, но до чего ж хорош! Вообще не люблю слащавых мужчин. Фигура у НЕГО стройная, хотя никаких диет не соблюдает, аппетит прекрасный, очень любит мясную пищу, а пива не пьёт. А характер, какой! Уж, если что себе наметит – добьётся обязательно.

А меня называет бабочкой! Никто никогда меня так не называл, а ОН называет! Да никогда я и не была легкокрылой красавицей, но, приятно!

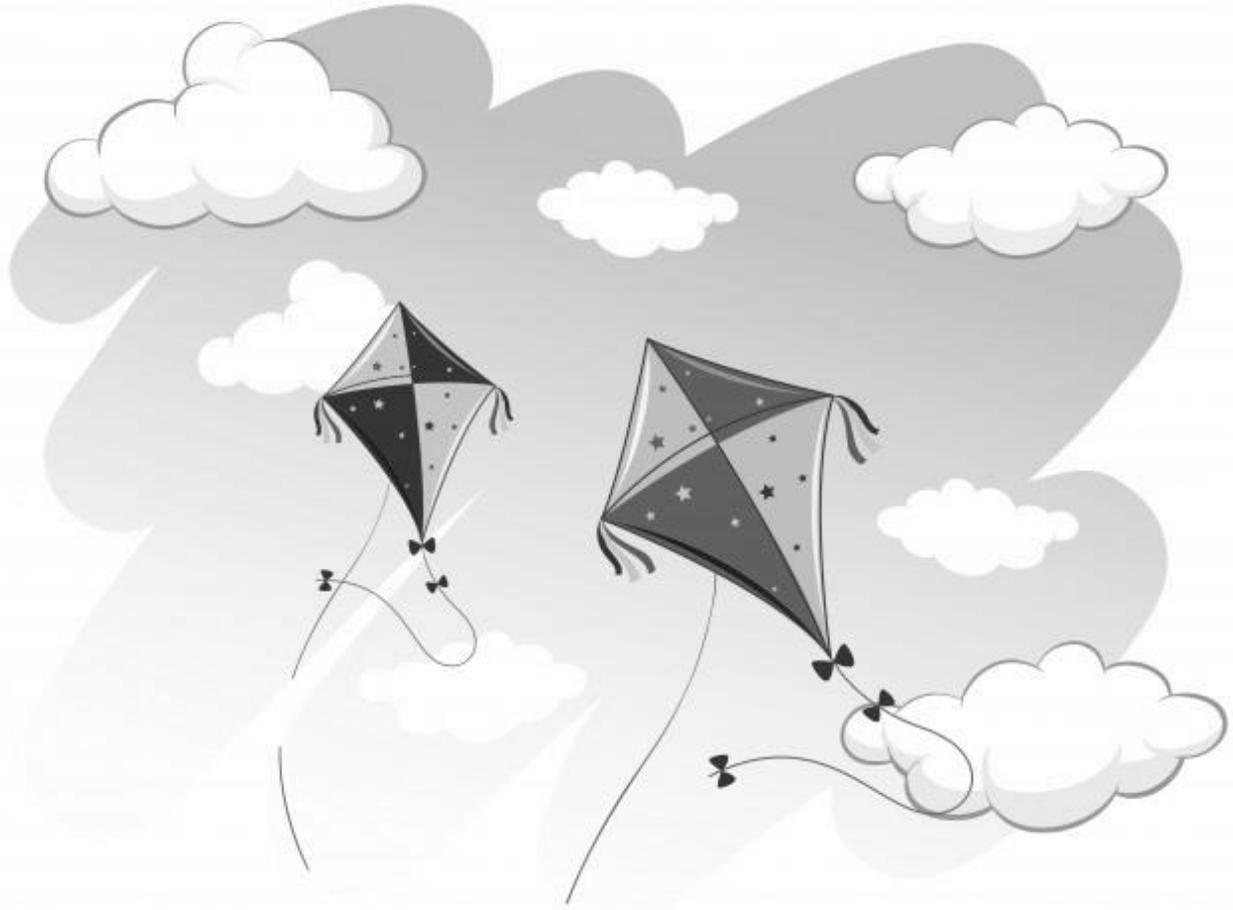
Жаль видимся редко.

Только в следующем месяце состоится свидание. Постепенно собираю ему вещички. Что-нибудь вкусненькое прикуплю и поеду. Всего одна ночь поездом.

Ведь у НЕГО юбилей - три года исполнится. А на фотографии ЕМУ всего полтора годика было, поэтому и волосики ещё не выросли, и зубки не все прорезались. И называет меня «бабочка» по аналогии – «мамочка, папочка» ...

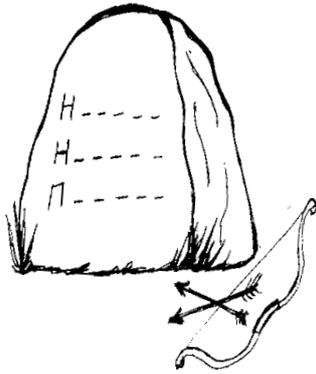
Внуки наши – последняя наша радость, наше продолжение в будущем, и мысль у нас подсознательная где-то бродит, что вдруг вспомнят лет через пятьдесят...

ДЛЯ ДЕТЕЙ



Сказка для Алёши

Для детей дошкольного, младшего школьного возраста
и их родителей.



Жила-была семья: дедушка, бабушка, мама, папа и Алёша.

Самым главным в семье был, конечно, Алёша. Раньше, когда не было Алёши, главным был дедушка. Когда его дочка Верочка выросла, выучилась, вышла замуж и привела мужа в дом, дедушка всё равно был в доме главным. Пока не родился Алёша. Тогда уж всё закрутилось вокруг Алёши, хотя он об этом и не просил. Кроме того, в семье была ещё тётя Лида – мамина старшая сестра, её муж и их почти взрослая дочь. Они хоть и жили отдельно, очень часто бывали в гостях. И вот, все семеро восхищались и умилялись всему, чтобы Алёша ни сделал! Уж тут хоть кто будет думать, что он самый – самый!!

Долго вся семья вспоминала и всем рассказывала, как возили Алёшу в зоосад. Ему тогда и двух лет не было. На всех животных он смотрел равнодушно, но от вольера с курами оторвать его не могли. (Кур там содержали для корма рысям, тиграм, медведям). Но, медведь тёмной лохматой массой лежал в углу своего жилища; рысь сидела бурым комком на ветке, и ничего интересного Алёша в этом не видел. А вот куры!! Они такие пёстренькие, так быстро бегали туда-сюда,

головки наклоняли вниз -вверх и всё время что-то говорили друг другу: ко-ко-ко, ке-ке-ке. Алёша вцепился в вольерную сетку пальчиками, и нос сунул в ячейку. Смотрел, смотрел и не выдержал: ножки сами собой затоптались у сетки, и он звонко закричал: ко-ко-ко!! Удивился петух! Видно, что-то обидное разобрал в Алёшином крике. Петух подскочил на месте, захлопал крыльями и ринулся к сетке. Папа только успел подхватить Алёшу на руки. Алёша был в восторге. Он тыкал пальцем в петуха и спрашивал: - «Это папа? Папа?» «Да, это их папа»- ответил Алёшин папа. Не объяснишь же маленькому ребёнку, что петух - многоженец.

Заинтересовался Алёша ещё только раз. Он увидел лося с громадными рогами. Долго с недоумением смотрел на него, потом вопросительно на папу –«Что это?» «Это у него на голове выросли рога»- объяснил папа. Алёша похлопал себя по темечку и спросил –«А, у Лёси?» «А у Лёши - нету». Алёша тут же скорчил не довольную гримаску – как это у него чего-то нет! Папа поспешил успокоить: - «вырастешь, может и у тебя будут, но, вообще-то нежелательно». И Алёша утешился, что и у него может быть такое красивое украшение.

Так Алёша и рос: мама и бабушка его баловали, дедушка пытался сурово воспитывать, папа соблюдал нейтралитет. Но, когда Алёше исполнилось четыре года, дедушка твёрдо сказал, что «пора воспитывать из него

мужчину». На что бабушка заявила – «Рано! И вообще, мужчин надо беречь!» «От чего? – возмутился дедушка – «от жизни? Ему же в армию идти!»

- Как в армию? – у мамы даже голос пропал - в армию?! И он будет носить вонючие портянки??!

- Сейчас нет портянок, сейчас носки носят и ботинки... шнурованные – почему-то добавил папа.

- А если в бой! Когда же их шнуровать? – мама совсем растерялась от ужаса перед предстоящей службой сына в армии.

-А ты, что думаешь, - они весь день в тапочках домашних шлёпают и только перед боем ботинки надевают? - и дедушка подвёл итог разговора – с завтрашнего дня начинаем новую жизнь.

Теперь дедушка с Алёшей каждое утро делали зарядку, обливались водой или плескались в бассейне, бегали по саду. Дедушке это всё было явно на пользу. Он много гулял с внуком и рассказывал ему об окружающем мире. Потом дедушка купил Алёше лук со стрелами и на лужайке перед домом учил его стрелять. «Что старый – что малый» - умилялась бабушка, глядя из окна веранды. На семейном совете решили, что надо отдать Алёшу в спортивную секцию по плаванию и дедушка стал возить его в бассейн. А бабушка учила внука чтению.

На пятилетнем юбилее Алёши дедушка сказал, что «программа минимум выполнена, спартанское воспитание внук получил. Он научился стрелять из лука, читать и плавать».

К шестилетнему юбилею решили готовиться заранее. В середине мая – за два месяца до дня рождения Алёши за поздним вечерним чаем, когда Алёша уже спал, собралась вся родня. Дедушка предложил придумать что-то необычное, чтобы на всю жизнь запомнилось. (Тем более что через полгода, когда у Алёши появится сестрёнка, ему будут меньше внимания уделять). Стали разбираться, что Алёша любит больше всего? Любит кататься на самокате и велосипеде, любит рисовать и рассматривать альбомы репродукций картин из серии «Сокровища живописи». А бабушка сказала, что часто заставляла внука, рассматривающего «Витязя на распутье», Васнецова. «Удивительно, чем эта мрачная картина

привлекла маленького мальчика» - папа был в раздумье, как и тот витязь.

Поспорив, придумали – отправить Алёшу в «путешествие» одного. Хоть и не далеко, но одного. Мама переживала, дедушка настаивал на своём, папа, как всегда, сохранял нейтралитет.

Решили немного перепланировать сад, на прямых дорожках сделать больше поворотов, проложить по саду «сказочную» тропу и отправить по ней Алёшу, находить свои подарки. Дедушка нарисовал План-схему.

Раз Алёше так нравится «Витязь на распутье» - сделаем ему эту картину! Дедушка взялся соорудить КАМЕНЬ. Вся семья активно, главное дружно и весело два месяца готовилась к Алёшиному юбилею. У маленьких детей ведь каждый прожитый до школы год – юбилейный: и год, и два, а уж три и пять - обязательно, ну и шесть, и семь! А позже – просто дни рождения.

Мама и папа, видимо, не наигравшиеся в детстве, (т.к. кроме учёбы они принимали участие во всевозможных олимпиадах – по математике, физике, химии) с удовольствием и воодушевлением разрабатывали маршрут; спорили о том, какой масти был конь у витязя, и какие чудеса или трудности должны ожидать их Лёсика в пути. Хотели посадить на ветках деревьев кикимору и лешего, но передумали – вдруг испугается.

К созданию КАМНЯ дедушка подошёл с научно-технической точки зрения: определил высоту удобную для внука, высчитал вес, площадь основания, центр тяжести. Затем нашёл три валуна, слепил их на цемент – два в основании, третий сверху. И неделю обмазывал их глиной, сверяя форму с картиной Васнецова. Пока глина не высохла, дедушка выдавил на ней надпись. Всё делалось в строжайшей тайне в

гараже на поддоне с колёсиками, чтобы было удобнее перевезти на постоянное место. Затем КАМЕНЬ был покрашен в серо-бурый цвет и слегка присыпан травкой и мхом - для придания замшелости.

Приусадебный участок безжалостно перепланировали, проложили тропу и насадили новые кусты. За полтора месяца кусты прижились и распушились.

И вот настал День Рождения! Погода была солнечная, праздничная! Утром все поздравляли Лёсика, но подарков никто не дарил. Он молча удивлялся и даже немного обижался и всё ждал.... После завтрака семья в полном составе вывела Алёшу на просторное крыльцо большой веранды, и дедушка спросил его:

- Ждёшь подарки? Ты их получишь, если выдержишь испытание и сам их найдёшь. Мы тебя отправляем в путешествие. Пойдёшь один.

У Алёши глаза округлились, он удивился и немного струсил.

- А телефон я свой возьму? – спросил он у дедушки.

- Нет. Ты идёшь почти в сказку, раньше не было телефонов. По дороге везде будут таблички с надписями, читай и делай всё, что там написано. Если что-то не так, тебе будет свистеть Соловей-Разбойник, тогда возвращайся на несколько шагов и осмотришь, может что-то пропустил.

- А где будет... Соловей-Разбойник?

- ВЕЗ-ДЕ!! Но ты не бойся, он тебя не тронет - ответил дедушка, а мама загадочно улыбнулась.

Дедушка одел на спину Алёше рюкзачок, в который бабушка положила три пирожка с повидлом и влажные салфетки для рук. Внук с дедом спустились с крыльца, дедушка повернул Алёшу на левую тропинку от дома и

подтолкнул в спину - «Иди» ... Алёше было страшновато, но и интересно!

Он прошёл несколько шагов и за кустом увидел скамеечку – раньше её здесь не было. На скамеечке лежал его лук, колчан со стрелами и сиял на солнце настоящий шлем (который папа склепал из листа тонкой стали). А над всем этим Алёша увидел табличку: на красном фоне - белые буквы. Алёша прочел: «Надевай». Алёша надел всё, огляделся и пошёл дальше.

Через несколько шагов случилось непредвиденное, не по сценарию: вдруг с правой стороны на тропинку выпрыгнула большая лягушка. Она огляделась, увидела Алёшу и с перепугу прыгнула в его сторону, но опомнившись, уже в полёте развернулась и ускакала влево.

Алёша как остановился, так и стоял. Он размышлял: - «это лягушка! А может это царевна-лягушка? Это же сказочная тропа. Но, я же не стрелял из лука. И короны на ней не было. И никаких надписей нигде нет. И жениться я не собираюсь» - подытожил он, легко вздохнул и пошёл дальше.

За поворотом, за маскировочным кустом он увидел голову лошади! Вглядевшись, понял, что это голова его старой игрушечной лошадки на палочке. Но, когда он подошёл ближе, то увидел, что голова прикреплена к его самокату, и табличка на кусте: «Поезжай на коне».

Из-за этого «коня» было много споров. Сначала хотели взять в аренду пони, но тогда надо и конюха. Тогда какой же это «витязь»? Потом хотели оформить под «коня» велосипед, но, остановились на самокате. Алёша довольный покатил дальше. И вдруг, за следующим поворотом он увидел... КАМЕНЬ. Камень был точно, как на картине – цветом, формой и с надписью.

Перед камнем он остановился и начал читать:

«Направо пойдёшь – в яму упадёшь;

Налево пойдёшь – коленки разобьёшь;

Прямо пойдёшь – подарки найдёшь»

«Я как витязь на той картинке - подумал Алёша – костей только на земле нет». Он посмотрел вправо, влево и поехал, конечно, прямо.

За следующим поворотом над тропинкой висели три ярких шарика. «Праздничное украшение – подумал Алёша и покатил дальше. Но, тут вдруг раздался громкий резкий свист! Алёша вздрогнул, даже голову в плечи втянул и сразу вспомнил про Соловья-Разбойника! «Дедушка сказал, что это сигнал» - Алёша вернулся, осмотрелся и увидел табличку, прикрепленную к дереву:

«Шарик синий, шарик красный – он порвётся не напрасно. Стрелы в них скорей пусти и зелёный порази».

В первый красный шарик Алёша попал с первой стрелы, и из разорвавшегося шарика посыпалось цветное конфетти. На второй синий шарик ушло четыре стрелы – они уходили по касательной, наконец, он лопнул, и из него высыпалась горсть мелких конфет. Зелёный шарик лопнул от второй стрелы и из него выпала скатанная в трубочку бумага. Алёша развернул и прочёл: - «до конца тропы дойдёшь - друга там себе найдёшь!»

«Всё только обещают и обещают» - подумал Алёша, подобрал конфеты, нашёл все стрелы и покатил дальше.

За очередным поворотом обнаружился пенёк, на нём лежала табличка «Привал», и на салфетке стояла бутылочка с водой. Около пенька, изображающего стол, был пенёк поменьше, на который Алёша и уселся. Он попил, но долго сидеть не хотелось – он ведь не устал, и ему было интересно, что там дальше будет. Он встал на самокат и поехал: вот большая знакомая старая липа с дуплом. Алёша поехал мимо, но вдруг заметил табличку: «оставь коня, иди пешком». Алёше не хотелось идти пешком, и он решил ещё немного проехать.

Только он двинулся, как раздался опять громкий свист Соловья-Разбойника. Алёша огляделся – никого не было видно. «, наверное, в дупле сидит» - подумал он, бросил самокат и пошёл дальше пешком.

Он прошёл немного и увидел новую табличку на палочке, воткнутой в кучу песка. На ней было написано – «Клад скорее откопай и подарки получай». «Чем копать? – подумал Алёша, он потянул за палочку – оказалась его лопатка. Рядом лежали его рабочие рукавицы. Эти рукавицы сшила ему бабушка для работы с дедом в саду. Алёша надел рукавицы и начал разбрасывать песок. Лопатка быстро упёрлась во что-то твёрдое.

«Сундук» - подумал Алёша, бросил лопатку и начал руками быстро разгребать песок. Но, обозначилась большая... круглая крышка от ... кастрюли. Алёша поднял крышку. Внутри лежало что-то завернутое в серый мешок. Он вытащил и развернул – это оказалось то, о чём он давно мечтал! «Энциклопедия пиратов». Алёша сбросил рукавицы и начал листать книгу. Соловей-Разбойник негромко свистнул. Алёша понял, что делает что-то не то, закрыл книгу и заглянул в кастрюлю. Там лежало что-то ещё. Он достал пакет, на котором было написано - «Воздушный змей». Алёша сложил подарки в рюкзачок и пошёл дальше.

Шагов через тридцать за очередным поворотом Алёша увидел мостик. Этот мостик недели две назад они с дедом ремонтировали (дед специально затеял ремонт – вначале тайком сломал, а потом показывал, как надо ремонтировать). Но, теперь он опять сломан! Две доски были сброшены с той опоры, что ближе. На табличке написано: «Доски уложи как надо, ждёт тебя ещё награда». Мостик в виде двух досок перекрывал канавку, по которой спускали воду из садового бассейна. Но, сейчас канавка была сухая, и перейти через неё можно было и без моста. Алёша постоял, раздумывая,

вспомнил про Соловья-Разбойника, который где-то рядом и всё видит, вздохнул и решил отремонтировать.

Тут он вспомнил, что рабочие рукавицы оставил там, где клад откапывал, пришлось бежать за ними. Вернулся, надел рукавички, поднял край первой доски (тяжеловато!) и опустил его на опору, а чем же прибить? Но вспомнил, что дедушка говорил – можно и не прибивать, она и так крепко лежит. Так же приладил и вторую доску. Довольный собой Алёша перешёл по мостику, потопал на нём и двинулся дальше по тропе, но, рукавицы взял с собой – вдруг ещё понадобятся.

«Привал» - написано было на очередной табличке, такие же два пенёк и на «столике» - бутылочка с соком. Алёша с удовольствием уселся на пенёк и достал из рюкзака пирожки, завернутые в фольгу, развернув их, посмотрел на свои руки; вынул влажные салфетки, вытер руки и начал есть пирожки, запивая соком. И подумал – «как в сказке – сел на пенёк, съел пирожок». Съел все три (бабушка пекла маленькие пирожки), опять вытер руки (вот, где воспитание сказывается) и раскрыл Энциклопедию... Он рассматривал картинки и читал...

Мама в папином камуфляжном костюме для рыбалки маскировалась за кустами. Она сопровождала сына с самого начала, ведь до этого он никогда никуда один не ходил. Когда в начале пути, лягушка набросилась на Алёшу, мама чуть не выскочила из кустов спасать сына. А тут она уже пять минут наблюдала из-за укрытия и умилялась – какой у неё умный сын: и руки вытер, и пирожки поел, и читает! Завибрировал её телефон – пришла SMS -ка от бабушки -«Что у вас?». Мама ответила: - «поел, сидит, читает уже пять минут. Может свистнуть?» «Подожди» - написал дедушка.

Вы поняли, что Соловья-Разбойника изображала мама? Это она в нужный момент со всей силы свистела в полицейский свисток.

Алёша долистал книгу, убрал её в рюкзак, огляделся – может ещё чего-то не заметил – и пошёл дальше.

Очередной куст «вырос» почти на тропинке, Алёша обогнул его и увидел коробку. Она была открыта и в ней, свернувшись калачиком и посапывая, спал щенок! Такой, какого он и хотел! Светлой масти коккер-спаниель! Маленький бежевый с шелковистыми длинными кудрявыми ушками! Алёша от радости запрыгал на месте. Он присел над коробкой и погладил щенка по спинке. Щенок не проснулся. Что же делать? Взять его на руки и нести, но он же спит?! Или тащить вместе с коробкой? Всё-таки он вытащил щенка и побежал с ним по дорожке. «Это дед, дед мне щенка подарил! – думал Алёша – классный у меня дедушка! Клёвый!»

Пробежав метров шесть, Алёша попал на знакомую аллею, которая вела к дому.

На крыльце собрались все. Мама, выскочив из кустов, успела пристроиться сбоку. Все захлопали Алёше, когда он появился со щенком в руках.

-Ты выдержал поход, ты получил подарки. Но, это ещё не всё – сказал дедушка.

Все расступились, и Алёша увидел на веранде большой аквариум, в котором плавали две золотые рыбки. На дне аквариума в зарослях водорослей были видны «развалины старого замка» и «утонувшая старая пушка». Это был бабушкин подарок, о котором Алёша тоже мечтал!

Потом запускали бумажного змея в саду, змей был в виде орла. Мама, папа, Алёша и тётя Лида бегали по саду – ловили ветер. Орёл покачивал громадными тёмными крыльями и вдруг, на струе воздуха, к всеобщему восторгу, взмывал вверх.

Всем было весело! Семейный праздник вполне удался.

Дедушка с мужем тёти Лиды разговаривали на веранде.

- Плохо, что у Алёши нет друзей, - говорил дедушка – соседский мальчик, с которым он иногда играет, уехал на всё лето на море. Вот, если бы он ходил в детский сад...

Бабушка, накрывавшая стол к обеду, услышав это, возмутилась:

- Зачем ему в сад? Я же с ним занимаюсь (бабушка в прошлом была воспитательницей в детском саду). Чему он там научится? Плохим словам?

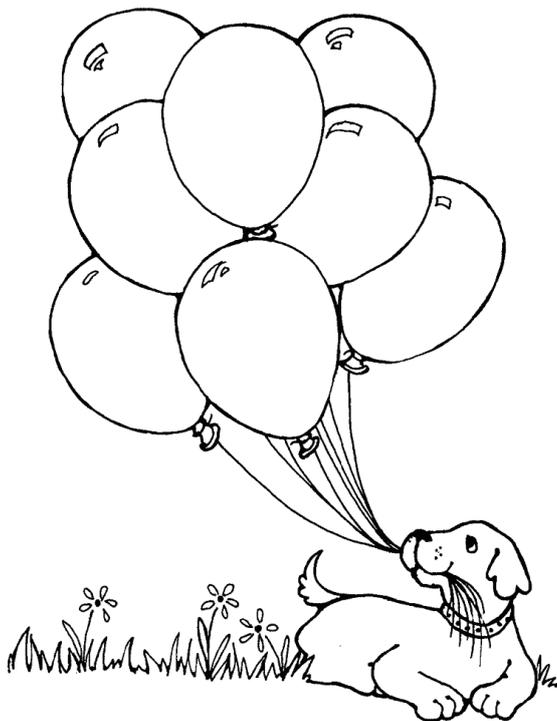
- Научится общаться со сверстниками. Да и плохие слова надо услышать, чтобы знать, что они плохие.

Вечером дедушка спросил у Алёши:

- Ты доволен днём рождения?

--Да, да- с радостью в голосе ответил Алёша – было так классно! И даже чуть-чуть страшно, когда Соловей-Разбойник свистел. А где он сидел? В дупле?

Дедушка засмеялся, но тайну не выдал. Раз Алёша верит ещё в сказку, пусть так и будет... пока. А главное – он ничего не испугался, и смело шёл вперёд. Характер уже сказывается.





Зимняя фантазия

Совещание на тему «Подготовка к зиме» открыл, как всегда, Дед Мороз.

Первой отчитывалась Метелица – начальник снежного ведомства:

- Снега запасено по плану: на ноябрь, декабрь, январь и февраль, как обычно за последние 300 лет. Всё равномерно по разрядке, перебоев не будет. Вся беда с кадрами, вы же знаете – «кадры решают всё».

- А что с кадрами?

- Мне нужны Позёмки и Вьюги всех категорий.

-Так. Начальник кадров - Лесовик, что с кадрами? Снегурочка, хоть, жива-здоровая?

-Пока здорова, но надо ещё две дублёрши.

- Зачем? Я раньше по пять зим с одной работал.

- Так, то раньше, в прошлые века, тогда снегурочки скромные были - в валеночках бегали, в шубках длиннополых, русы косы плели, с зайчиками шутки шутили. А в прошлую зиму я вам трёх снегурочек направил. Одна ногу сломала – допрыгалась на высоких каблучках по овражкам да колдобинам, вторая коленки обморозила в шубке выше колен. Третья кое-как доработала, а всё норовила с Апрелем дружбу завести – чуть не растаяла. Успел её отправить на снежные

вершины, поправить здоровье к этому сезону. И в Позёмки никто идти не хочет, все хотят в Снегурочки, все говорят -«Я этого достойна». А чем достойна? На иную глянешь – волосы уже 33 раза перекрашены, какие-то метёлки на голове, языков не знает, за фигурой не следит, спортом не занимается, снегом не обтирается. Дымокуры карманные с собой носят, от этих дымокуров у них даже щёки не румянятся, зубы чернеют. Таким только кикиморой быть, ан, нет, не хотят к Лешему в помощницы. Я уж и курсы объявил по подготовке младшего обслуживающего персонала, не идут, хотят ВСЁ И СРАЗУ.

- М-да..., предложите Позёмкам какие-нибудь льготы: могут сутки работать, четверо – свободны, а Вьюги пусть работают дважды в месяц.

- Но, у нас столько снега заявлено, разместить - развеять не успеем!

- Можно отменить заявку на февраль, и можно подключить Буран.

- Буран в городах не развернётся.

- В городах и не надо. Пусть в полях работает. Поля то все бурьяном заросли, пусть хоть зимой прикроет это позорище. - Дед Мороз погладил снежную бороду- со снегом решили, ну а Снегурочек – ищите, конкурс объявите.

- У меня предложение – взмахнула Метелица рукавом – у ноября есть племянница, вполне подойдёт на дублёршу.

Лесовик вздохнул, он то знал, что племянница ноября – это дочка Метелицы и совсем она ему не нравилась. В какие-то чёрные одежды рядится. Недавно накачала губы отваром из мухоморов, мухоморы всё лето ей белки собирали. Теперь этими губами и сказать внятно ничего не может. Не понравится она Деду Морозу, а ему отвечать – начальник кадров! Ей бы в Позёмки, на той работе никто не обратит внимания на её обрину. Избаловала её мать!

- А как её здоровье? - спросил он у Метелицы

- А что здоровье!? Крепкая девица. – и тут же подумала: «хоть бы голову не обрила, а то грозилась. Хоть бы пристроить девку!! От безделья ведь бесится.»

В далёкой молодости, когда Метелица ещё работала Порошею, её встретил и закружил молодой Вихрь. Кружил, кружи и, как пришёл с северным циклоном, так через неделю и рассеялся где-то. И начал у Пороши расти сугроб – во дворе. А потом из него, как Дюймовочка из цветка, вылезла Ледышечка! Она алмазно искрилась радостью. Была такой сияющей! Конечно, родственники и знакомые её баловали, прощали все шалости... Вот и выросла совершенно не управляемая Сосулька. То ей хочется экстрима – и она свисает с моста или карниза 9-ти этажного дома вниз головой. То в какой-нибудь пещере затаится сталактитом или сталагмитом, а её ищут, переживают. Могла с чужого балкона под ноги старушке прыгнуть, та за сердце хваталась, а Сосулька рассыпалась мелкими брызгами-осколками смеха.

«Хорошо бы её пристроить в Снегурочки...»- но, и сама Метелица не могла представить свою дочь в этом образе.

А Сосульку идея стать Снегурочкой, как ни странно, воодушевила. Череп брить не стала и целыми днями перед зеркалом тренировалась – «включала скромницу» и читала вслух детские стихи – дикцию улучшала. На кастинг в ноябре пришла совершенно другая девушка: минимум макияжа, улыбка, смех колокольчиком. Даже Лесовик её не узнал и занёс в свой список – как дублёршу. Но Сосулька дублёршей быть не хотела – хотела ВСЁ И СРАЗУ. И начала требовать (характер быстро не изменишь) самостоятельную работу. Лесовик пообещал: как только Дед Мороз утвердит её на должность Снегурочки, он отправит её на Север. «Там для тебя будут такие просторы – зима восемь месяцев и больше, там есть то, чего нет нигде – северное сияние! Да с твоим характером ты завоюешь весь Север и со временем станешь Снежной

Королевой». Он ей льстил, но по- другому избавиться от неё было невозможно. Эта перспектива Сосульке понравилась.

И через несколько зим Снегурочка-Сосулька уже была первым замом у Снежной Королевы Северного Округа. Королева – величественная спокойная дама – любила тишину, и снежные поля мирно искрились под луной, на них паслись северные олени, добывая мох из- под снега. В ясные морозные вечера Королева любовалась великолепием северного сияния.

Только иногда, когда в гости залетал какой-нибудь Буран или заезжал Дед Мороз, начиналось веселье! Уж тогда Снегурочка—Сосулька отрывалась! С Буранами могла выдавать румбу, сальсу, гоу-гоу, а около Деда Мороза плавала лебёдушкой, бороду расчёсывала ему серебряным гребешком, перину взбивала перед сном.

И ещё через какое-то время, может зим через 200 (время в снежном государстве течёт не так, как у людей), когда Королева стала больше походить на Снежную Бабу и почти ничем не интересовалась - Дед Мороз утвердил нашу Снегурочку на долгожданную должность Снежной Королевы.

И всё изменилось!! Метелицы. Вихри, Бураны, как заезжие артисты, сменяли друг друга. «Всё вертелось и крутилось, и несло всё кувырком!!» Вакханалия и свистопляска! Королева развлекалась!!! Мучились олени, песцы и другая северная живность – трудно добывать пищу во время пурги, а уж при буранах...! Все голодали. Не видно было и северного сияния.

А люди – эти учёные люди объясняли и писали, что это от того, что у Земли меняется магнитный полюс.

Размышления таракана



- Ну, что ты орёшь –«таракан, таракан!!» Поесть спокойно не дадут. Да, таракан я. Ты, что тараканов не видела? Пятнадцать лет живёшь на свете и всё не можешь ко мне привыкнуть, я же не собираюсь тебя кусать. Я не клоп и не комар – кровью не питаюсь... И последний кусок у тебя не отнимаю, не собака: мне и трёх крошек хватит. Я весь день тихо сидел под холодильником, радио слушал, ждал, когда стемнеет и все угомонятся.

Так нет, пришлёпала на кухню... Была бы в тапках – растоптала бы меня. Всё! Убегаю! Убегаю я!! Нет. Нет! Химическое оружие запрещено! Запрещено химическое оружие!! Уф, успел... живой! Да, что за геноцид!

Мы живём дольше всех на этой планете – миллионы лет. А человек!? Тоже мне – Царь природы!! Он даже не знает, кто у него предки! Одни говорят – произошёл от обезьяны, другие, что от дельфинов. Некоторые думают, что они прилетели откуда-то, или что их кто-то создал. Ха, прилетели они!! У них и крыльев то никаких нет! А кто же его создал-слепил такого? Всего две ноги, это очень неустойчиво, а кожа мягкая – любой комарик прокусит. Да, на мой взгляд, у людей полно разных изъянов. Мы можем двадцать минут сидеть под водой – и ничего... Выживаем. А человек пять минут выдержит? Мы можем и без головы прожить две недели – просто потом от голода и жажды умираем. Мы можем полгода прожить без пищи, находим, конечно, что пожевать – книги в шкафу – тоже

еда. Лучше всего старые книги с мягкой бумагой и замусоленными страницами, заодно и переплёты книг погрызть можно, а если кожаные и клей столярный, вообще хорошо! Заодно и читать учимся.

А тут – я просто удивляюсь! 15 лет учат и кормят одного детёныша! Подсовывают ей лучшие куски. Хорошо, что она неряха – после неё много крошек остаётся, можно сытно поесть. А у нас детей рождается по пятьдесят штук два раза в год. Ничему мы их не учим – они всё с рождения умеют: и бегать и пищу найти. Через полгода они уже и сами размножаются. Так кто же царь природы?!!

И те же люди про нас книги пишут, про нас песни сочиняют. Во всех сонниках есть разгадки снов с тараканами.

А какая прекрасная существует баллада о Таракане – жертве науки! Три печатных листа! Двадцать четверостиший! * Здесь приведу всего четыре.

Начинается она с описания момента, когда Таракан попал в плен:

Таракан сидит в стакане,

Ножку рыжую сосёт.

Он попался, он в капкане

И теперь он казни ждёт.

.....

Вот палач к нему подходит,

И нащупав ему грудь,

Он под рёбрами находит

То, что следует проткнуть.

.....

И печальный конец:

Сто четыре инструмента

Рвут на части пациента

А какая прекрасная испанская песня «Кукарача»! Ей уже, наверное, сотня лет! Как там игриво поётся: -«Я кукарача, я кукарача...» Кукарача в переводе с испанского – таракан. А вот таракан в переводе с тюркского – беглец. (Я это всё знаю, т.к. целыми днями, сидя под диваном или холодильником, слушаю то телевизор, то радио. И вообще я уже довольно пожилой). Да, мы очень быстро бегаем. У нас даже есть свой спорт – тараканьи бега. Сам я в бегах не участвовал, но много слышал от друзей. И как всегда, прибыль от этого вида спорта получают организаторы.

А вот ещё у людей есть выражение «тараканы в голове». В ГОЛОВЕ! А не в каком-нибудь другом неприличном месте. Я уж не знаю, как они туда попадают и зачем. Я лично не люблю жить в пещерах; но люди от этого только выигрывают. Если человек обладает природным умом и фантазией да плюс ещё наша интуиция – получается ГЕНИЙ. Примеров сколько угодно, сами знаете – и в прошлом, и в настоящем. (А, я как-то не могу выучить человечесьи фамилии). Думаю, что наши сородичи, ползая и бегая в голове по извилинам, щекочут усиками и лапками мозг человека, как бы массируя его, будят не задействованные зоны, стимулируя на активную работу. Но, уж если у человека ни ума, ни фантазии, да ещё мы там поселимся – получается полный идиот. Но, не тараканы в этом виноваты.

Что-то я засиделся долго в этой щели. Всю жизнь проанализировал – боюсь: не к добру. Пора бы и поесть, а то уж и рассвет скоро...

* Автор стихов Олейников Н.М., опубликованы в 1934 г.

** Автор К.И. Чуковский, опубликовано в 1922 г.

Жизнь Мали-малинки



Ощущаю тепло! Тепло!!.. Приятно, но глазки ещё не открываются, стараюсь их раскрыть, разлепить, увидеть: откуда это тепло льётся. Наконец, удалось!! И все мои пять лепестков раскрылись! И на меня со всех сторон смотрят, оказывается, такие же глазки-цветочки среди зелёных листиков. Мы стали переглядываться, перемигиваться. Постепенно все перезнакомились. Оказалось, что нас всех одинаково звать - малинки. А меня они звали Маля, т.к. я позже всех открыла глазки. И ещё оказалось, что все мы родственники, все сестрёнки, и у нас одна мама, на её ветках-ручках все мы сидим-растём.

Как весело было в этот первый день знакомств! Ветерок тербил листочки, и они играли с нами в прятки, то прикрывали, то открывали нас солнышку. А потом яркое жёлтое солнце незаметно ушло куда-то, а большое голубое солнце светило, но не грело. Наступила приятная прохлада, мы уснули.

Утром на меня упало что-то страшное, лохматое. В начале, я страшно испугалась, но потом ощутила, что опасности нет. И мои сестрёнки кричали со всех сторон, что-то «это шмель, не бойся, Маля». Мы познакомились, он приятно щекотал меня лапками, а я угостила его капелькой своего нектара. Днём прилетали знакомиться и щекотаться ещё две мушки, мы тоже остались довольны друг другом.

А потом мои беленькие веки съёжились и отпали, как и у всех сестрёнок. Стало скучно – никого не было видно в зелёных листьях. Солнце грело меня и моих сестрёнок, дождь мыл нас и поил маму, а она поила и кормила нас. Мы стали как-то укрупняться, разрастаться и цвет наш начал меняться. И однажды вокруг себя я увидела красненькие комочки-ягодки. Это было так красиво! Не только мы нравились себе: вокруг нас кружили мушки, пчелки, все любовались нами и пели нам хвалебные песни...

Через какое-то время пришли люди, и начали снимать моих сестрёнок с маминых ручек и сбрасывать их в корзинки. Всех собрали, и куда-то унесли, а меня не заметили. Даже обидно стало! Меня листик прикрывал и шелестел, что не хочет расставаться, что он привык любоваться мною. И вот я осталась одна у мамочки, шли дни, было грустно... И теперь я стала толстая и бурая, как говорят – «серо-буро-малиновая» и сил уже нет держаться на маминой ручке-веточке.

Однажды дождливым вечером ягодка оторвалась и упала около куста, за ней следом с ветки сорвался лист и прикрыл её от холода. Мелкие семена малинки припали к сырой земле. Следующей весной из некоторых семян прорастут тоненькие веточки молоденьких малиновых кустиков.

А что же стало с её сестрёнками.?

Часть ягод съели дети; им, да и взрослым, очень нравится это лакомство. Из другой части ягод сварили варенье. Оно очень полезно, в нём много разнообразных витаминов – в зимние холода оно согревает и лечит от простуды. Согревает не только тело, но и душу. Как приятно в зимний вечер, когда за окном свистит ветер, пить душистый свежий чай с малиновым вареньем, сидя в уютной тёплой кухне с близким человеком. От горячего чая, от аромата варенья душа оттаивает, смотришь на собеседника с теплом и лаской. И всё-то ты можешь ему рассказать, он выслушает и поймёт. И даже, если это твой ершистый внук, он, оттаяв в атмосфере любви и тепла, тоже что-нибудь тебе и расскажет, хоть чуть-чуть, но впустит тебя в свою жизнь. И всё это благодаря душистому малиновому варенью и чудесной нежной и ароматной ягоде МАЛИНЕ!



Стихи я любила с детства, всегда их читала для себя и на разных конкурсах. Однажды даже выступала на одной сцене с Валентиной Пономарёвой, будущей примой «Трио Ромэн». Это была городская школьная Олимпиада, а сцена – в краевом Доме Офицеров г. Хабаровска. Она вместе с братом пела песню, а я читала какой-то политический стих (училась я в четвёртом классе).

Я не пишу стихи, но на некоторых этапах жизни возникали какие-то рифмованные строчки. То, что рифмуется иногда, это не стихи – это мысли в рифму.

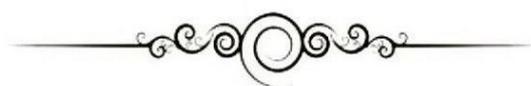
РИФМОВАННЫЕ СТРОЧКИ



К своему сорокапятилетию

Старею я, старею, не кожа – трикотаж.
С одышкой забираюсь на пятый свой этаж.
Старею я, старею – развесила живот,
Той прыти не имею, и ум уже не тот.
Старею я, старею (молчать бы мне про ум!),
Сижусь всё больше дома, не тянет даже в ГУМ.
Старею я, старею, потряхнуть бы стариной,
Боюсь, что не успею: старею ведь, старею!

Тогда в сорок пять лет я, конечно, лукавила и про кожу-трикотаж, и про живот, который появился к семидесяти годам (но даже и тогда ещё не висел). Сейчас-то я это всё уже обрела...А, потряхнуть «стариной» я так и не успела, занялась писанием.





Попытка хокку

Опять читаю
Я японские хокку.
Пытаюсь понять

Понять смысл и суть.
Хочу сама написать
Слоги – пять, семь, пять.

В японских строках:
О луне, о путниках,
О хризантемах.

А где хризантемы?
У нас другие темы...
И цветы проще.

* * *

Снова в дорогу
Но, не уйти от себя!
Будет ли счастье?

В зеркало смотрюсь,
Оно бесстрастно молчит,
А душа кричит...

Душа молода,
Оболочка потёрлась –
Жизнь была трудна.

Луна в озере.
Иду по лунной тропе...
Конец пути где?

Жизнь удивляет,
Летаю словно птица:
Радует мой сад



Ночной фиалки
Аромат спать не даёт –
Куда-то зовёт...

Запах ландышей
Не лечит сердце моё -
Другу отдано.

Розы увяли;
Плохо им в вазе стоять.
Зачем их срывать?!

Абрикос цветёт,
И я в розовой неге.
Но цвет опадёт...

Розы аромат
Напомнил первый букет,
Полвека назад.

Осень жёлтая.
А мы с тобой подруга
Белее снега

Кошка играла,
Нить судьбы разметала.
Путь не понятен...

Осень пришла к нам;
Снова семнадцатый год.
И что же нас ждёт?

2017год

Мотивы амурских народов в хокку

По речке плыву,
Что вижу, о том пою!
Певец, однако.

Вот Мангбу-Амур!
Только на оморочке
Переплыть смогу.

Амур широкий.
Сеть длинная тяжела,
Рыбы в ней много!

И осень пришла,
И кухлянка новая:
Жениться пора

Рыбы наловил,
Дома жена, дети ждут,
Хорошо живут.

Собака воеет
Луна полная взошла
Вижу, однако.

По тайге хожу
Ступаю тихо, как рысь:
Ичиги ношу.

Зверя не спугну,
Хранит меня Дух леса:
Ягод наберу.

Знаю где искать,
Где лимонник собирать,
Где женьшень копать.





И сети чиню,
И оморочку чиню:
Путина скоро.

Ночами не сплю,
Мешает уже луна.
А может любовь?
(Старость, однако).

Добыл изюбра,
Сушу и вялю рыбу:
Зима долгая.

Не кричат чайки,
У фанзы спят собаки.
Зима, однако.

Ногам хорошо:
Торбаса жена сшила,
Узор вышила

Снег идёт давно.
Фанзу снегом замело,
Уже весну жду.

Нижние люди
Ждут и меня. Однако,
К ним идти пора.

2020 год

Реп для восьмилетнего внука

С курочкой Рябой
Жили-были дед с бабой
В деревне глухой,
У реки небольшой.
Дед рыбу любил,
И рыбу ловил,
И глазунью любил,
И старуху не бил.

Курочка регулярно неслась;
Жизнь у всех удалась!..
Но, вот – напасть!
Мышей развелось - страсть!!

Мышка пробежит,
Хвостиком махнёт –
Яичко упадёт...
Другая бежит,
Опять машет хвостом,
Как длинным хлыстом...
Так все яйца и перебили...
Заразы такие!!

А тут сдуру,
Эта рябая кура
Снесла яйцо золотое!
Кому оно нужно такое?
А может не сдуру –
Может чего наклевалась:
Вот реакция и образовалась.

И пошёл дед рыбу ловить,
Надо же чем- то семью кормить.
Закинул сеть раза два,
Поймалась рыбка - всего одна,
И опять – ЗОЛОТАЯ она!
Но, желаний не исполняет,
Только золотом сияет.

Дед плачет, плачет баба –
Совсем есть нечего стало.

ВЫВОД ПЕРВЫЙ

Мышей травы, котов заведи.

ВЫВОД ВТОРОЙ

(скорее вопрос простой):

Зачем драг. металл

В деревне глухой?

ВЫВОД ТРЕТИЙ (скорее совет):

Хоть кучу золота имей,

А зачакнешь как Кощей.

Сколько б ни было вам лет

Кашу ешь и ешь омлет.

Натуральный ешь продукт –

Обойдёт тебя недуг.

P.S. Внук был в восторге!



Спортивный лагерь



Спортом никогда не занималась. Даже в школе из жалости по физкультуре тройку ставили т.к. остальные были пятёрки или четвёрки. И никогда не думала, что когда-нибудь поеду в спортивный лагерь! Но, что не сделаешь ради внуков. Тем более, моя первая внучка Даша до шести лет росла рядом со мной, а потом я переехала в другой город, но каждое лето находила какой-нибудь повод привлечь её в Хабаровск или свозить то в санаторий Кульдур, то в китайский санаторий. А в четырнадцать лет девочке уже с бабушкой не интересно; и тут мне предложили съездить на море в Приморье в детский спортивный лагерь. Собиралась дополнительная группа родителей с детьми или внуками на четвёртую смену. Я обрадовалась, внучка согласилась, но было условие – жить в палатках, постель с собой и перейти один перевал пешком, т.к. машине с пассажирами там опасно ехать. Меня это не испугало, в палатках я жила в первом комсомольском лагере

Хабаровска в 1967 году. Тогда были армейские палатки на двадцать человек, но заставлены железными кроватями на досках...

А в это спортивное лето погода была прекрасная, море тихое и тёплое, кормили прилично, каждый вечер устраивали дискотеки и выступления детей по отрядам; а детей набралось на семь отрядов, были и конкурсы, и спортивные соревнования, в которых я, конечно, не участвовала. Иногда нас пугали проползающие по территории лагеря то чёрненькие, то зелёные с узорами на спинке змеи, часто кто-то приносил морских ежей, и мы ели их икру, не скажу, что очень вкусно, но... экзотика!

Моя знакомая приехала с внуком, который был сыроедом. Внуку уже 19 лет и два года он на таком питании. Ему в лагере отдельно подавали, нам борщ, а ему в миске сырую морковь, кусок капустного кочана, яблоко. Его бабушка очень переживала (до этого он жил с родителями, и они уже привыкли), но, как ни странно, нам было это всё видеть, он был бодрым и постоянно один ходил в сопки и леса, на перевалы, купаться стеснялся, т.к. был довольно худым.

И наступил прощальный вечер. Администрация лагеря постаралась и всем без исключения выдала наградные открытки, в которых отмечалась, какая-то особенность человека. Например, «лучшему танцору», «самому активному», «самому голосистому», «самому длинноволосому», «самому скромному», «любителю добавки», «за самые длинные ноги», «за самые цепкие руки» и т. п. Каждого награждённого провожали аплодисментами и криком толпы. Получив свою открытку – «самой креативной» (?), я прочитала свой стих:

На склоне лет я поднимаюсь в горы,
Сгораю на Лазурном берегу,
В спортивный лагерь еду. Поневоле
Хожу по перевалам как могу.
Зачем, зачем я плоть свою терзаю?
Зачем на голых досках сплю?
Я спорт, конечно, уважаю,
Но, просто, внучку я люблю.
Я ради внучки сплю в палатке
В свои за семьдесят пять лет,
И как ишак тащу свои манатки
И без нытья ем лагерный обед.
Давленье скачет, кости ноют,
Но на неё, когда смотрю,
Проходят всяческие боли –
Я вижу молодость свою!

Лагерь взорвался аплодисментами и рёвом толпы.

Так ко мне пришла СЛАВА!

А утром она ушла, так как все разъехались по домам.

Мой осенний блюз

(подобие белого стиха)

На ветхой скамейке сижу в лесопарке, здесь звуков почти никаких. Лишь справа и слева две птахи игриво весёлый «чирик» выдают. Не просто щебечут – одна что-то спросит, вторая ответит – вполне человеческий дуэт. И в дальней аллее старательный дворник ритмично метлою скребёт.

Осеннее солнце ласкает приятно, и кружит слегка ветерок... Глаза закрываю и в дрёму впадаю... Проблемы размылись, заботы забылись, ничто не волнует, нигде не болит... Не чувствую тела и мысли исчезли... На ветхой скамейке себя ощущаю осенним прозрачным листом.

А дворник ритмично секунда в секунду метёт и метёт. Мет-ро-ном!

Всё ближе ко мне он время считает, и время уходит моё посекундно...

Осень 2018 года

